

Анатолий Цыганов
Суровые годы

ДАЁШЬ!

Му "Центральная библиотека
УХТА"

ББК К84

Ц94

Ц94 Цыганов Анатолий. Суровые годы / Анатолий Цыганов. – [б. м.] : Издательские решения, 2021. – 190 с.

В сборник вошли ранее опубликованные книги «Время такое» и «Тридцать седьмой год».

Первая книга: 1929 год. На бывшую дачу сибирского помещика Лебедева приезжают комсомольцы для организации совхоза.

Вторая: 1937 год, приговор и расстрел Терентьева.

Третья, «Война»: Дети Игната Терентьева воюют в партизанском отряде. Аня узнаёт в командире старого знакомого по Нарымской ссылке. Гибель Мезиса.

©Анатолий Цыганов, 2021

Время было такое. На бывшую дачу сибирского помещика Лебедева приезжают комсомольцы для организации совхоза. Власти привлекают их к «раскулачиванию» крестьян соседнего села. Туда же из-за границы тайно прибывает сын помещика искать спрятанное отцом золото.

Тридцать седьмой год. Продолжение событий 1929 года. Встреча на спецпоселении «раскулаченного» крестьянина Игната Терентьева с сыном помещика Ломова. 1937 год, приговор и расстрел Терентьева.

Война. Дети Игната Терентьева воюют в партизанском отряде. Аня узнаёт в командире старого знакомого по Нарымской ссылке. Гибель Мезиса.

СУРОВЫЕ ГОДЫ

Предисловие автора

Детские годы я провёл в селе Сосновка Новосибирской области. Для нас Новосибирск был просто Город с большой буквы.

Школа мне многое дала, многому научила. Там же меня приняли в пионеры и в комсомол. Я воспитывался на делах пионеров-героев, комсомольцев-молодогвардейцев. Павка Морозов, Павка Корчагин были для нас примером.

В седьмом или восьмом классе нам с другом поручили записать воспоминания первых комсомольцев села (в то время они ещё были живы). Мы смотрели на них, как на героев, и ждали рассказов о героической борьбе с кулаками, такой, о которой читали в «Поднятой целине» Шолохова, но никаких подробностей они не сообщали. Говорили неохотно и на наши вопросы отвечали отрывочно: да, ездили в село Кубовая, да, раскулачивали.

Лишь об одном героическом эпизоде однажды неохотно поведал бывший комсомолец Яков Матвеевич Ширинкин. Он рассказал, как в него метнул вилы кулак Ваганов. Вилы повредили лёгкое, и с тех пор у Якова Матвеевича не прекращался кашель.

Моя мама, в девичестве Стадникова, тоже была участницей коллективизации, комсомольским вожаком, и я многое узнал от неё. Но только перед самой смертью она рассказала, как они, первые комсомольцы, поднимали совхоз. От неё я узнал и про клады, и про сынков помещиков, и про всё остальное, о чём поведал в повести «Время было такое». Вся повесть основана на её воспоминаниях.

Когда я издал повесть, мои друзья стали спрашивать, а что было дальше. Откровенно говоря, я не знал ответа на этот вопрос и находился в затруднении. Но здесь мне помог мой друг Володя Лузьянин. Он передал мне документы ФСБ, которые касались его деда, Шкардуна Семёна Фёдоровича, необоснованно раскулаченного в 1929 году и расстрелянного в 1937. Опираясь на эти документы, я написал повесть «Тридцать седьмой год». Тогда казалось, что на этом можно закончить злоключения героев. Но снова взяться за перо меня заставил случай. Ещё один мой друг, Володя Щука, прислал дневниковые записки своей тётки Татьяны Кореневич, в которых она вспоминала своё партизанское прошлое. Вот тогда и родилась идея написать продолжение двух предыдущих повестей. Третью повесть я назвал «Война».

Время было такое.

Повесть

*Посвящается моей матери
Марии Семёновне,
в девичестве Стадниковой,
первой комсомолке
села Сосновка*

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СОВХОЗА

Из рассказов первых жителей с. Сосновка Я. М. Ширинкина и Е. И. Грачёвой

В 1906 году между рек Пашенка и Барлак было образовано поселение, в котором проживали 38 человек, из них 23 мужчины и 15 женщин. В этом поселении насчитывалось 15 личных хозяйств. Окружным центром был город Новосибирск, расстояние до него – 30 км. Районным центром – село Барлак*, до которого – 16 км. В районном центре находились школа и больница. Расстояние до железной дороги (г. Новосибирск) – 30 км, расстояние до речной пристани (п. Колывань) – 11 км. Это поселение было образовано помещиком Лебедевым, который построил здесь летнюю дачу. Она состояла из помещичьего дома, трёх барачков для прислуги и работников и барской конюшни.

С Лебедевым соседствовал Терентьев, владелец земельных угодий, расположенных восточнее Ломовской дачи. Он имел паровую мельницу, скот. Рядом с барским домом размещались хозяйственные постройки, помещения для батраков, загоны для скота.

С 1886 года на правом берегу реки Барлак находились личные владения помещика Сизова. Пять водяных мельниц работали без перерыва, перемалывая зерно, которое привозили к нему крестьяне окрестных сёл. Помещик сидел на своей земле крепко. В пяти срубленных крестовых домах жили работники мельниц, батраки, а один из них был отдан под заезжий двор. Большой барский дом был виден издалека. У Сизова работали 18 человек: 7 мужчин и 11 женщин.

Всем жителям нашего села известна Вагановка. Она славится своими землями, живописными окрестностями, сосновым бором. Это место в давние времена облюбовал для себя ещё один помещик, по фамилии Ваганов. Он имел на реке Барлак три водяные мельницы, обширные земельные угодья. Ваганов выращивал, скупал и перепродавал скот, зерно, птицу. Обедневшие крестьяне Кубовой, Покровки и других сёл за гроши нанимались в работники к помещи-

кам, жизнь которых была сытной и протекала неторопливо. У Ваганова работали 41 человек: 21 мужчина и 20 женщин.

В 1919 году на Вагановке возникла первая крестьянская коммуна «Красный Трудовик», в состав которой вошли бедняки 30-35 крестьянских дворов. Руководителем коммуны на общем собрании был избран пожилой, но энергичный коммунист Макаров Алексей Фёдорович. Просуществовала коммуна до 1931 года, а потом она была распущена. Бывшие её члены разъехались по своим сёлам, небольшая часть переехала в город.

Правее Вагановки другой помещик Корнилов, на реке Барлак основал поселение, в котором проживало 54 человека: 26 мужчин и 28 женщин.

После решений 15 съезда ВКП(б) началось наступление на кулаков.

Большое значение для ликвидации помещичьих и кулацких гнёзд на территории нашего села имела деятельность первого коммуниста села Клемешева Петра Панфиловича.

Много было сделано для установления Советской власти в этих местах первыми комсомольцами. Вилами и топорами встречали в помещичьих и кулацких дворах бригады по раскулачиванию. Но всё же были раскулачены и выселены Сизов, Терентьев, Ваганов и другие владельцы обширных земельных угодий.

В 1929 году на месте поселения был создан первый совхоз № 78. Управляющим его стал П. П. Клемешев, человек опытный, энергичный и смелый. Он много сделал для укрепления хозяйства.

Только представьте: в 1929 г. создан совхоз, а в 1931 г. уже закладывается первая настоящая улица в селе, та, что идет от конторы (Линейная).

В 1932 г. совхоз уже величают комсомольско-молодежным, потому что из 400 жителей в нём 250 комсомольцы и молодежь. И во всем они задавали тон. Людям, пришедшим сюда, всегда до всего было дело!

Комсомолка – зоотехник Надя Иванова создала в совхозе комсомольско-молодежную бригаду телятниц. Сама их обучила, сама к делу приступила. С молодым задором трудилась бригада, в которую входили Молчанова Надя, Стадникова Маруся и др.

«События 1928–1929 годов – своеобразный рубеж в истории Советской России. В них заключена целая цепь драматических перемен, радикально изменивших картину политической жизни и направление общественного развития страны.

В эти годы большевистское руководство, одержимое идеей ускоренного индустриального роста, резко изменило методы социального пере-

устройства общества. После нескольких лет относительно спокойного развития в рамках нэпа сталинская группировка сделала ставку на насильственные изменения. Репрессивно-карательные меры против различных политических и общественных сил вновь были поставлены на службу интересам власти.

Возобновление карательных действий против крестьянства, физическая расправа с «левой» (троцкистской) оппозицией в рядах ВКП(б), разгром и изоляция «правого уклона» - таковы были основные внешние признаки, возвестившие наступление одного из самых трагических периодов советской истории.

С. А. Папков. Сталинский террор в Сибири».

1. Начало

В стороне от Сибирского тракта, на слиянии двух мелководных речушек Пашенки и Барлака, среди соснового бора, спряталась бывшая летняя дача местного помещика Алексея Михайловича Лебедева. На фоне трёх времянок для прислуги, кузни и конюшни на пять лошадей, оставшейся от когда-то богатого конезавода, возвышался барский дом. Помещик с сыном сбежал в девятнадцатом году с проходившими в трёх километрах от дачи колчаковскими войсками. Немногочисленная челядь влилась в коммуну, созданную на базе конезавода. Ранней весной двадцать девятого года на заимку нагрянуло четверо бойцов ОГПУ* во главе с уполномоченным из города. Представители ОГПУ* долго ходили по брошенным постройкам, что-то тщательно вымеривая шагами. С местными жителями в контакт не вступали. Уполномоченный сидел на пеньке и делал пометки на составленной от руки карте. Закончив свои дела, делегация убыла в город.

Через неделю уполномоченный вернулся, на этот раз без бойцов. С ним приехали пятеро комсомольцев: три парня и две девушки. Нехитрый скарб был уложен в мешки и размещался на подводе, которой управлял пожилой крестьянин из соседнего села. Высадив пассажиров, он тут же уехал. После чего все решили, что начальство прибыло надолго. Приезжие разместились в барском доме, в двух свободных комнатах. Уполномоченный обошёл дворы и призвал жителей на общее собрание.

Вечером в бывшем барском доме собрались все крестьяне. Восемь мужиков, одетых в латаные потёртые зипуны, расселись по лавкам. Поодаль разместились комсомольцы. За столом, покрытым красной материей, сидел уполномоченный. Среди серых мужицких зипунов он выделялся кожаной курткой, за-

тянутой ремнями. Дождавшись, когда утихнет шум, уполномоченный встал из-за стола и громко откашлялся, приготовившись говорить.

- Товарищи! – начал он. – Советская власть взяла путь на индустриализацию страны! Родине нужны станки, машины, трактора!..

- Ты, мил человек, нам агитацию не наводи, – раздался голос пожилого крестьянина. – Говори, зачем нас позвал и кто ты такой?

- Я, товарищ, вас не агитирую. Зовут меня Пётр Панфилович Клемешев. А зачем я вас созвал? Это особый разговор. Если меня не будут перебивать, всё объясню.

- Ежели ты нас хочешь уговорить в колхоз вступать, так мы уже состоим в коммуне «Красный Трудовик», что на Вагановке. Там у нас всё хозяйство. А тут только бабы да ребяташки. И здесь уже была коммуна «Красная Заря» на месте конезавода. Только распалась. Так что и разговаривать нам не о чём! – раздалась выкрики. Шум усиливался.

- Товарищи! Никто вас не собирается уговаривать! – Клемешев старался перекричать разошедшихся крестьян. – Коммуну вашу я знаю. Объединяет она крепкие хозяйства. Но это уже пройденный этап, хотя никто и не собирается распускать коммуны. Партия взяла курс на создание коллективных хозяйств*. Поэтому необходимо уяснить сегодняшнюю линию преобразований. Я ещё раз прошу меня выслушать, не перебивая.

Шум постепенно стих, и мужики успокоились.

- Как я уже сказал, Советская власть взяла путь на индустриализацию страны. Но рабочим надо есть, – вновь начал приезжий. – Поэтому партия приняла решение создать мощный кулак развития сельского хозяйства. Вы уже знаете: коллективизация крестьянских хозяйств идёт по всей стране, Но в таких местах, где нет возможности организации коллективного хозяйства, принято решение создавать государственные сельские поселения. Так, на базе бывшей дачи Лебедева Сибкрайком утвердил образовать Государственное сельскохозяйственное предприятие*. С завтрашнего дня все жители бывшей лебедевской дачи автоматически становятся рабочими госхоза*!

С места вновь встал пожилой крестьянин:

- Ты вот что, товарищ Клемешев, разъясни народу. Вот ты говоришь: коллективизация идёт по всей стране. А мы вроде уже все в коммуне, и нас никто не спросил, хотим мы или нет из неё выходить.

- Объясняю всем, и тебе в отдельности, товарищ. Не знаю, как тебя звать.

- Пупынины мы. Егором родители нарекли.

- Вот для тебя, Егор Пупынин, разъясняю отдельно. Все постройки лебедевской дачи переходят во владение госхоза. Значит, работники коммуны вла-

деют ими незаконно, а, следовательно, либо должны их освободить, либо работать в госхозе. Так что решай, Егор Пупынин, либо завтра выходишь на работу в госхозе, либо освобождаешь жильё. Надеюсь, вам всем понятно?

- Что тут непонятного. Втолковал, как по Библии.

Народ собрался расходиться.

- На Вагановке и жилья нет. Ежели отсюда выезжать, то только в чистое поле. Так что, куды ни кинь, кругом клин.

- Минуту, товарищи! Я ещё не закончил! Все, кто остаётся, с завтрашнего дня приступают к работе. С шести до семи утра регистрация вот на этом месте. Начинаем строительство коровника на пятьдесят мест и свинарника. И последнее: для баб тоже имеется работа. Кроме того, дети мужского пола старше двенадцати лет также подлежат трудоустройству.

На этом уполномоченный собрание закончил. Народ разошёлся по дворам переваривать неожиданную новость.

- Были коммунары, а теперь не пойми кто. Чудно выходит. Крутит власть людьми, как овечьим дерьмом. Что дальше будет?

2. Коммуна «Красный Трудовик»

На следующий день Клемешев с утра пошёл в конюшню. Когда-то помещик держал племенных лошадей. Табун скакунов располагался в пяти конюшнях и выпасался на вольных лугах близ села Покровка, вызывая зависть соседей. После установления Советской власти на месте конезавода организовалась коммуна под громким названием «Красная Заря». Но недостаточный уход за лошадьми и попросту разгильдяйство членов коммуны привели к тому, что почти все племенные лошади пали, а коммуна распалась. На месте конезавода осталась единственная конюшня. Там и нашёл управляющий одноногого конюха, который служил ещё старому барину, попросил осмотреть бричку*. После велел запрячь в неё одну из лошадей. Конюх недовольно стал ворчать, что лошадей надо бы подковать, а кузнеца нет, что конюшня от ветхости разваливается, и вообще ему, одноногому, тяжело, но лошадь запряг. Клемешев его почти не слушал. Впереди было много проблем, которых ему ещё не приходилось решать.

Регистрацию закончили, и народ толпился у крыльца конторы, ожидая дальнейших указаний. Поэтому, быстро распределив людей по рабочим местам, он взял портфель с документами и выехал в коммуны. В трёх километрах от дачи Лебедева находилось ещё одно поселение, бывшая дача сибирского помещика Матвея Ильича Ваганова. Сам Ваганов до двадцать третьего года жил в

городе Новониколаевске, изредка наведываясь на дачу, потом неожиданно исчез. В народе это место так и окрестили Вагановкой.

Лошадь быстро домчала Клемешева до места. Ещё издали он увидел обширные деревянные времянки, где под навесами из неотёсанного горбыля стояли вперемешку коровы, лошади, овцы. За деревянными навесами скотного двора возвышался бревенчатый двухэтажный дом. Над крыльцом развевался красный флаг и красовалась яркая вывеска: «Коммуна, Красный Трудовик». На первом этаже располагалось руководство, там же жила часть крестьян коммуны и сам руководитель Алексей Фёдорович Макаров, пожилой уважаемый работник, герой гражданской войны. Второй этаж пустовал. В большом зале изредка проводились собрания.

Пётр Панфилович привязал лошадь к одинокому столбу, торопливо схватил портфель и взбежал на крыльцо. Отворив дверь, он вошёл в просторную комнату, обставленную простенькой мебелью, добротную сколоченную местным умельцем. На стене висел красный транспарант, на нём белой краской было написано: «Ни одного гектара незасеянной земли!». Под транспарантом стоял стол, покрытый красной материей. На столе лежали в беспорядке бумаги, которые внимательно рассматривал пожилой человек в круглых очках. Возле него стояли и оживлённо разговаривали несколько мужиков. Поздоровавшись с многочисленными посетителями, Клемешев сразу направился к Макарову, узнав его по алому ордену Красного Знамени на плотном френче дореволюционного покроя.

- Клемешев, – коротко представился он.

Макаров протянул руку:

- Наслышаны, товарищ Клемешев. К нам с какой целью?

- Дело у меня, товарищ Макаров, вот какое. Ты в курсе, что часть имущества коммуны переходит во владение госхоза?

- Я ознакомился с постановлением Сибкрайкома*, – после некоторого раздумья ответил Макаров.

- Так вот, кроме постановления крайкома у меня на руках имеется предписание исполкома о передаче коммуной пятидесяти процентов наличного скота, фуража и посевных запасов госхозу.

- Ты что? С ума сошёл? Это же удар по коммуне. Под самый корень. К тебе же отходят шесть хозяйств. А что мне остаётся?

- Товарищ Макаров! Дело не в шести хозяйствах! Есть государственное предписание! Невыполнение постановления исполкома – уголовное преступление! – голос Клемешева почти сорвался на крик – Под статью попасть хочешь?!

- Ты, Клемешев, меня не пугай. И не ори. Я в гражданскую не боялся, а ты меня статьёй пугаешь. Не о том надо думать. Людей нечем будет кормить. Мы и так по налогам всё подчистили. Только на посев осталось. А здесь половину отдать надо.

- Ладно, Алексей Фёдорович, я не пугать тебя приехал. У меня постановление. Я его должен исполнить. И точка. Список работников, переходящих в госхоз, тебе направили. Завтра пришлю подводы с комсомольцами, так что ты распорядись, чтобы они получили всё положенное. Вот перечень, – Клемешев вытащил из портфеля пачку бумаг и передал собеседнику. – Ну, бывай.

Клемешев вышел, а крестьяне обступили руководителя, шумно выражая недовольство.

- Что же это такое, Алексей Фёдорович? Чем же мы весной сеять будем? А осенью опять всё под гребёнку? Ты можешь объяснить, что же это наша власть с нами делает?

- Тише, товарищи! Я столько же знаю, сколько и вы. Постановление исполкома надо выполнять. Я через два дня еду в Барлак* и всё постараюсь прояснить! А сейчас идите по рабочим местам.

Люди стали расходиться. То там, то тут вспыхивали бурные споры, сопровождаемые громкими криками.

Клемешев уже не слышал ни возмущения крестьян, ни рассуждений Макарова. От нахлынувших в одночасье проблем у него постоянно болела голова. Ныло и дёргало возле левого уха – следствие колчаковской пули. Поморщившись от захлестнувшей боли, Пётр, чуть пошатываясь, дошёл до привязанной лошади и потерял сознание.

Очнулся оттого, что кто-то тянул его за рукав кожанки. Сквозь пелену увидел лошадиную морду. Огромные глаза вглядывались в лицо. Лошадь кивала головой и тихонько кряхтела. От барского дома бежали люди. Толпу возглавлял Макаров. Подбежав к бричке, народ засуетился, предлагая помощь.

- Живой? – Макаров с крестьянами осторожно уложил Клемешева в бричку. Пётр попытался встать, но в глазах всё поплыло, и он обмяк.

- К фершалу бы надо, – подал голос кто-то из крестьян.

- Ничего, сейчас пройдёт. У меня это случается. Последствия гражданской, – сознание Клемешева наконец прояснилось, и он обрёл былую силу.

- Напугал ты нас, товарищ Клемешев. Мы уж думали: тебе конец, – Макаров облегчённо вздохнул.

- Как же фершал? – вновь спросил крестьянин.

- Фельдшер отменяется, меня уже лечили, да, кажется, не долечили. Спасибо, товарищи, за помощь. Теперь я сам. Мы ещё повоюем.

Крестьяне помогли Клемешеву отвязать лошадь, подозрительно пофыркивающую от непривычного внимания, и постепенно разошлись.

3. Село Кубовая

На обратном пути Пётр Панфилович решил заехать в село Кубовая. Старинное село в двести восемь дворов считалось одним из крупнейших на ближайшие вёрсты. Жители села испокон занимались заготовкой берёзовых дров и складывали их аршинными кубами для продажи, поэтому и название закрепилось: Кубовая. Там располагался исполком Сельского Совета прилегающих поселений и деревень. Дорогу он знал, потому что часто проезжал мимо коммуны в прошлые годы. Поэтому, погнав лошадь в сторону села, быстро доехал до околицы Кубовой. Увидев издалека на крыше невысокого здания красный флаг, указывающий на присутствие администрации, направился к крыльцу. Возле двери висела табличка, на которой химическим карандашом была выведена надпись: «Исполком и Совет бедноты Кубовинского сельского района». Войдя в здание, Клемешев толкнул дверь кабинета с надписью «Председатель». Представившись, стал расспрашивать об итогах борьбы с кулацкими элементами. Председатель сначала замаялся, потом вытащил журнал регистрации недоимок и уверенно заявил, что все единоличные хозяйства план по налогам выполнили.

- И вообще, какие претензии, товарищ Клемешев, к работе сельсовета? – председатель набычился.

- Я вижу: вы здесь недостаточно прорабатываете директивы крайкома ВКП(б)! – вскипел Пётр.

- Ты мне не шей антисоветскую пропаганду. Всё, что нужно, я выполняю, и переставлять ноги мне не надо. А последние директивы я не только прорабатываю, но и чётко выполняю!

- Не вижу выполнения! Местные богатеи живут вольготно! Как и прежде эксплуатируют чужой труд!

- Где ты видишь богатеев?! – сорвался председатель.

- А Пётр Ваганов, Игнат Терентьев, Тарас Сизов?

- Они полностью расплатились с государством, хотя и единоличники. И богатеями их можно назвать с натяжкой.

- У меня другие сведения. Все трое – злостные эксплуататоры, не выполняют «твёрдое задание»*. Вот документы на Ваганова и Терентьева, переданные мне в Барлакском райисполкоме.

Клемешев порылся в портфеле и протянул бумаги. Это были заявления, написанные на одинаковых листах, вырванных из тетради:

**В Барлакский райисполком
от гражданина Кубовинского сельсовета
Деревнина Василия Дмитриевича**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Деревнин, живя на селе Кубовая в соседству зная хорошо, что Ваганов Пётр Савельевич эксплуатирует батраков.

В 25/26 году жил у него целый год Деревнин Павел Степанович, которого тот действительно эксплуатировал.

В 26/27 году жил ещё Михаил Бочко, Лыкова заимка; Афоня забыл как его знаю, которого действительно эксплуатировал и в 27/28 году жил у него Просвирин Алексей с посёлка Покровка и так многие работали у него.

Когда приезжая на посёлок он был как уполномоченный этого посёлка, то он хитрее удумал, что я езжу, вы должны мне позже отработать. Деньгами беру, это, говорит, не в счёт, а вы должны мне ещё позже отработать, и все работали.

К сему подписуюсь: п/п

Неподложность подписи Деревнина Кубовинский сельсовет свидетельствует.

Подпись пред с/совета. Печать.

**В исполком Барлакского р-на
от Епачинцева Григория Д.**

ЗАЯВЛЕНИЕ

В том, что у Игната Терентьева во время Советской власти занимался эксплуатацией

В 1925 году держал работника Адамова Василия

В 1926 году Гудков из Заимки.

И в 1928 году Проспирин Василий

В чём расписуюсь: Епачинцев

Неподложность подписи Епачинцева Кубовинский с/с свидетельствует

Подпись. Печать.

- Это ты подписи подтверждал? – спросил Клемешев, забирая бумаги.

- Нет, это до меня засвидетельствовано. Председатель и секретарь прошлого созыва: Седельников Михаил и Фёдор Логунов. Их подписи. Пашка Деревнин действительно работал у Ваганова по взаимной договорённости, потому что занимал у того деньги. И делопроизводством Пётр занимался, потому что один он грамотный. Бумаги составлял, а чем расплачиваться? Крестьяне всегда

отрабатывают долги. А Васька Проспирин год жил у Терентьевых, так как приходится племянником Игната. Про Адамова и Гудкова я не слышал. Что касается Василия Деревнина и Григория Епачинцева, то я их хорошо знаю. Лодыри и пьяницы местные, они за «чекушку» что хошь напишут.

- Ты не очень разбрасывайся прозвищами. Это представители бедноты, мы для них власть устанавливали. И ещё. Заявление на Сизова имеется. Кстати, Сизов свою корову не сдал по «твёрдому заданию»*. Вот подтверждение.

Клемешев вытащил из портфеля ещё три листа. На двух были напечатаны выписки из протоколов:

**Выписка из протокола №4
заседания комиссии содействия
Кубовинского с/совета Барлакского района,
состоявшаяся 15 декабря 28 года.**

Присутствовали 13 человек

Председатель Седельников

Секретарь Логунов

СЛУШАЛИ: об отказе сдачи коровы гр-н Сизов Тарас Матвеевич

По твёрдому заданию*, которому неоднократно комиссией содействия предлагался сдать корову, но он не подчинился.

ПОСТАНОВИЛИ: Просить Президиум с/совета у Сизова Тараса Матвеевича корову изъять административным порядком, как умышленно не сдает по твёрдому заданию корову и не подчиняется Ком суду.

Председатель: п/п Седельников

Секретарь: п/п Логунов

Верно: Пред комиссии: п/п Седельников

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА

Заседания президиума Барлакского Райисполкома от

СЛУШАЛИ : О привлечении к штрафу гр-на Сизова Т М. за невыполнение твёрдого задания по мясозаготовке на деле не выполнено в количестве 1 коровы

ПОСТАНОВИЛИ : гр-на Сизова Т М. привлечь к штрафу в сумме 100 руб. На покрытие штрафа продать из его описанного имущества: корову – 30 руб, грабли – 30 руб, пшеницы 10 пуд – 10 руб, картофеля 25 пуд – 22 руб, сена 25 копен – 25 руб.

Выписка верна: п/п

Третий лист, с кляксами и помарками, содержал некое заявление, если сказать точнее - донос:

*В Кубовинский Сельсовет
Барлакского района
Новосибирского округа
От гр-к села Кубовая Барлакского района Н-сиб Окр
ХИЖНЯК Евдокия Ивановна*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Настоящим сообщаю о том, что у гр-на села Кубовая Сизова Тараса Матвеевича живёт батрачка, не имеет на то договора и всё время эксплуатирует наемный труд.

И в настоящий момент также в хозяйстве всё время имеет наёмный труд

К сему и подписуюсь: подпись

Клемешев подождал, пока председатель читал, потом продолжил:

- Сизов, кроме укрытия коровы и эксплуатации наёмного труда, агитировал народ не вступать в коммуну.

- И что? Он же рассчитался. Хотя корова у него была единственная, и изъяли её не совсем справедливо. И не батрачка у него жила, а родная племянница. В настоящее время уехала. А создание коммун вообще Советской властью признано нецелесообразным!

- У тебя на всё готовый ответ. Знаешь, как это называется? Партия ясно определила такие высказывания как «правый уклонизм»*.

- Не надо, товарищ Клемешев, указывать на то, что мне делать и как мне работать. Ты приехал и уехал, а я здесь живу и достаточно знаю, кто и чем дышит. Газеты мы тоже читаем и как-нибудь разберёмся с уклонами.

- Ладно, ты хорошо подкован. Не голос ли это подкулачника?

- Поосторожней с ярлыками! Попытались меня запугать. Местный богатей Лыков в двадцать втором году банду натравил.

- Что же дальше?

- ЧОН* тогда всех обезвредил, а у меня так пуля и сидит в лёгком. Так что я уже пуганный.

Председатель спрятал журнал в негорючий шкаф, занимающий почти половину комнаты. Пётр понял, что разговора не получится, поэтому с сожалением вышел из кабинета.

4. Мельник

Клемешев ещё немного задержался в отделе регистрации бедняцких семей и выехал домой. Лошадь бодрой рысью вынесла бричку к знакомому просёлку. Клемешеву даже не пришлось управлять вожжами, поэтому он немного подремал дорогой. Очнувшись, некоторое время не мог сообразить, где находится, и только увидев строения мельницы на реке Барлак, понял, что доехал до дома. Остановив лошадь, Пётр взял её под уздцы и подошёл к реке. На крыльце избушки мельника дремал облезлый «кабыздох». Завидев незнакомца, он приподнял голову, лениво твякнул и, широко зевнув, снова предался сладкому сну. На запруде, возле мельничьего колеса, сидел заросший старик с окладистой бородой.

- Здорово, дед! – крикнул Клемешев, громким голосом перекрывая шум реки.

- Доброго здоровьица, Пётр Панфилович, – дед встал, из-под ладони посмотрел на собеседника и приподнял серую от муки кепку с широким козырьком.

- Откуда меня знаешь? – Клемешев изумлённо остановился.

- Так земля слухами полнится, а новый человек как муха на стекле: со всех сторон виден.

- Ты, дед, философ, – снова подивился Пётр.

- Работа у меня такая. Река на философский лад настраивает. А начальство положено знать в лицо. Потому как оно уважительного отношения требует, хотя само не всегда рабочего человека замечает. Ты, видать, не из тех.

- Я, дед, тоже недавно в начальстве, а раньше в депо слесарил, – Клемешев принялся подправлять упряжь.

Дед подошёл ближе, внимательно посмотрел в лицо собеседника и вытащил кiset с махоркой:

- Вопрос у меня до тебя, Пётр Панфилович.

- Серьёзный видать вопрос, – рассмеялся Клемешев, глядя на то, как ловко дед скручивает «козью ножку» и аккуратно засыпает табак, не уронив ни крошки.

- Да, сурьёзней не может быть. Тут, понимаешь, такое дело. Мельницу зерном Игнат Терентьев снабжает. Это тот, что на Кубовой. Да и сама мельница в его собственности. Он и гарнцевый сбор* выплачивает, а я, стало быть, у него в работниках числюсь. Только вот в последнее время что-то совсем работы нет. Советская власть отменила наёмный труд, – дед зажёл самокрутку, глубоко за-

тянулся, выпустил струю дыма из обеих ноздрей и хитро прищурил глаза. – Теперь мне как быть? Другую работу искать?

- Другую работу искать не надо. Мельницу наше хозяйство у Терентьева реквизирует. Да и самому Игнату недолго осталось лютовать. Мы железной рукой будем искоренять кулацкую* сволочь, – Клемешев посерьёзней, понимая, что мельник фактически над ним смеётся.

- Тогда я спокоен, а то люди разное болтают. Только вот Игната ты понапрасну в кулаки* зачислил. Я с малолетства его знаю. Такой же трудяга. Мы вместе и мельницу ставили.

- Вместе. А теперь ты на него работаешь, – взорвался Пётр.

- Не работаю я на него. Мельница его, не отрицаю. Но и лес он же поставил, и оборудование он привёз, и зерном он снабжает. Так что большая часть приработка его, а мне оплата полагается от помола.

- А ты не думал, откуда у него деньги на лес и оборудование?

- Что мне думать? – рассмеялся дед. – Они ещё в малолетстве со своим батей, царство ему небесное, из Монголии коней гоняли, а потом в Новониколаевске продавали.

- Где же он деньги на покупку коней взял? – усмехнулся Клемешев.

- Дык, ему ещё дед Петьки Ваганова под процент ссудил.

- Интересная у нас с тобой сказка про белого бычка получается, без начала и конца. А итог один: мироед мироеду в помощь.

- Вам, начальству, виднее, а нам без разницы, чьё ярмо носить.

Клемешев не на шутку разозлился:

- Ты, дед, мне антисоветчину не разводи. Это ты сейчас ярмо кулацкое на шею несёшь, а будешь работать на себя.

- То есть, мельница моя будет? – мельник растянул губы в широкой улыбке.

- Не твоя, а общая.

- Это получается: ничья, – чувствовалось, что дед продолжает насмехаться, и Пётр решил прекратить разговор:

- Я смотрю: каши кулацкой у тебя в голове выше крыши. Но ничего, мы ещё с тобой подискутируем, а пока некогда мне. Хозяйством заниматься надо. Пока, прощай, дед.

Клемешев пожал мельнику руку и сел в бричку. Тронув вожжи, он, было, отъехал, но внезапно остановился и, повернувшись всем корпусом, крикнул:

- Звать-то тебя как?!

Мельник быстрыми шагами, совершенно несвойственными его возрасту, подошёл к Петру и негромко спросил:

- Зачем тебе моё имя?
- Как зачем? Вроде беседовали, а с кем и не знаю.
- Малофеем кличут, – опять же еле слышно ответил мельник.
- А по отчеству?
- Не велика честь, батюшку поминать.
- Все же?
- Отца Иваном звали.
- Интересный ты человек, Малофей Иванович. Думаю, мы с тобой ещё встретимся, – Клемешев тронул вожжи.
- Куда ж мы денемся, коли тебя над нами командовать прислали, – дед в ухмылке почесал бороду.

Бричка*, поскрипывая колёсами, въехала в реку. Лошадь остановилась и принялась жадно пить воду, хватая нижней губой быстрый поток. Пётр не стал торопить разгорячённое животное, он сидел на подстилке из сена и раздумывал. Объём работ создаваемого хозяйства не пугал. Объединить разрозненных крестьян в единый коллектив было простым делом, но как этот коллектив сработается при такой отсталости в головах? Как запустить работу, чтобы всё крутилось и не было сбоев? Что будет с вагановской коммунной? Голова пухла от невесёлых дум.

Напившись, лошадь энергично помчалась по дороге, проступавшей среди буйной травы еле заметной колеёй. Через несколько минут показались неказистые постройки Лебедевской дачи. Лошадь весело заржала, завидя навес конюшни, совмещённой с пожарным депо. Бочка, наполненная водой, установленная на телеге, стоявшей поодаль ворот, была окрашена в ярко-красный цвет и выделялась на фоне серых стен конюшни. Это придавало праздничный вид мрачноватому пейзажу. Передавая лошадь, Клемешев заметил, что она прихрамывает, хотел сказать об этом конюху, но тот принялся опять изливаться жалобы на отсутствие кузнеца, который мог бы подковать лошадей. Слушать это уже не было сил. Усталость валила с ног, и Клемешев, махнув рукой, пошёл спать.

5. Приезд комсомольцев

Утром в барском доме, переоборудованном в контору, тренькнул недавно проведённый телефон. Звонили из крайкома комсомола. Секретарь, молоденькая девушка, звонким голоском сообщала, что в селение направляются шестеро комсомольцев из оргнабора. Сейчас они уже на пути с представителем Крайисполкома, который командирован дальше, в Кубовую.

Клемешев выслушал доклад и посмотрел в окно. Возле дома стояла лошадь, запряжённая в телегу, из которой выпрыгивали молодые люди в красно-армейских шлемах с котомками за плечами. Отдельной кучкой толпились девушки, пестрея одинаковыми красными платками. Старший из приезжих, по виду это был представитель исполкома, привязывал вожжи к столбу. Остальные робко жались к телеге. При этом представитель исполкома распоряжался по-хозяйски и несколько свысока поглядывал на своих спутников. Делегация направилась в контору. Через минуту дверь распахнулась и, громко топая, в комнату ввалилась толпа молодёжи. Впереди шёл представитель исполкома. Поздоровавшись, сказал, что у него времени в обрез, поэтому он едет дальше. Управляющий не возражал, и представитель тут же удалился.

- Давайте знакомиться, – Клемешев подошёл к комсомольцам. – Откуда прибыли? Как доехали?

Один из прибывших протянул документы:

- По оргнабору, из Перми. Доехали нормально, в райкоме сразу определили к вам. Вот направление. Я комиссар группы Иван Бугаев, это мои братья Алексей и Василий, Иванова Надя. Братья Грачёвы: Иван, Александр, Молчанова Нина.

При этом каждый комсомолец подходил и жал управляющему руку. Клемешев внимательно ознакомился с бумагами, сложил их в папку и обратился к комиссару:

- Понимаешь, Иван. В госхозе* уже работают комсомольцы. У них есть секретарь: Маруся Стадникова, поэтому предлагаю пока власть не делить. Приглядитесь друг к другу, поработайте, а потом соберём собрание и выберите общего секретаря ячейки. Ты как, согласен?

Бугаев утвердительно кивнул.

- Вот и хорошо, сейчас располагайтесь. Вас временно поселят в бараке. Вы его сразу увидите, Длинное здание с высоким крыльцом. Там, конечно, тесновато, но по воскресникам начнём строить землянки. На зиму всех расселим. А пока вас распределят по бригадам, распоряжение я дал. Так что устраивайтесь, а завтра за работу. Ну что, вперёд, комсомол! А сейчас мне надо ехать. Вы уж тут сами.

Клемешев стремительно вышел, за ним, чуть поотстав, потянулись комсомольцы. Разыскав секретаря ячейки, Бугаев переговорил о дальнейшей работе и пошёл искать товарищей, уже определившихся с жильём. В бараке было, действительно, тесновато, но всё равно каждому нашлось место. Прибывшим парням отвели целую комнату, где хранился различный инвентарь. Нину и Надю подселили к девушкам. До утра в бараке не затихал смех. Здесь были все,

кроме вновь возникшей молодой семьи, Якова Ширинкина и Агафоновой Марфы, которым, по общему согласию, отвели закуток в недавно отстроенном телятнике. Ещё до приезда группы комсомольцев молодая семья сыграла скромную свадьбу. Тогда же в конце телятника повесили одеяло, сколотили нары, и получилось что-то наподобие комнаты. К тому времени Яков был избран в охрану общественного порядка, как тогда говорили, ОСОДМИЛ*, и имел винтовку, поэтому «отдельная комната» оказалась кстати.

Утром бригадир отправил братьев Бугаевых на обустройство силосной ямы. Вместе с ними работал местный парень. Необходимо было укрепить края глиной, которую таскали с крутого берега реки. Через два часа работы присели перекурить. Василий Бугаев вытащил вышитый матерью кисет и сложенную гармошкой газету. Парень тут же потянулся за куревом:

- Дай-ка попробовать твоего, городского.

Василий рассмеялся:

- Какого городского? С чего ты взял?

Парень удивился:

- Вы же из Перми?

- Это мы по оргнабору из Перми. А так мы из деревни, – пояснил Василий.

Паренёк рассмеялся:

- То-то парни удивлялись, как ловко управляетесь с лошадьми. А оно, видишь как. Если вы из деревни, чё тогда к нам приехали?

- Понимаешь, какое дело? У нас деревня была маленькая, а налоги большие. Осенью что собрали, то сдали, а сами остались ни с чем. А как голодно стало, мы, все братья, в город подались. А там тоже работы нет. Тут в райкоме комсомола и посоветовали ехать на освоение таёжных земель. На выбор дали несколько районов. Мы с братом выбрали Новосибирский. Это уже из города нас сюда направили, – вмешался в разговор Алексей

- Не жалеете, что поехали?

- А что жалеть? Работа как работа. А развлечения у вас есть?

- Здесь нет, мы в воскресенье ходим в Кубовую. Там у Ваганова вся молодёжь собирается. Сам Петька Ваганов на гармошке наяривает. Игры, танцы. Так что весело.

- А как его найти?

- Зачем искать? Если хотите, то можете с нами идти.

Братья обрадовались:

- Конечно, хотим. А можно?

- Можно. Завтра воскресенье, вечером и пойдём.

Работа закипела. К вечеру яма была готова, оставалось её наполнить травой, что решено было сделать, начиная с понедельника. А пока довольные парни разошлись, договорившись о завтрашнем походе в соседнее село.

6. «Силосники»

В воскресенье, как всегда, Маруся Стадникова созвала комсомольцев на воскресник. Посёлок расширялся, рабочие прибывали, в большинстве это были комсомольцы, которых надо было где-то расселять. Вот тогда Клемешев принял решение копать землянки. Перед надвигающейся угрозой зимних холодов это был самый приемлемый способ расселения людей. Каждая землянка с двухэтажными нарами и железной печью – буржуйкой посередине была рассчитана на тридцать человек. Две землянки предназначались парням, и одна – девушкам.

Работы в поле не прерывались. Короткое сибирское лето не давало расслабляться, и благоустройство личной жизни велось в неурочное время. Парни пилили доски для пола и накатывали брёвна, накрывая готовые ямы, девушки обмазывали стены глиной, чтобы те не осыпались. Одна землянка уже была построена, и внутри шли работы по обустройству нар. К вечеру закрыли вторую, можно было передохнуть. Братья Бугаевы, потихоньку пятясь к конюшне, незаметно исчезли из поля зрения глазастой Маруси и присоединились к местным парням, направляющимся в соседнее село. Весёлая компания с хохотом переправилась через мелководную речушку и почти бегом устремилась по просёлочной дороге к Кубовой.

Было уже сумрачно, когда ватага дошла до подворья Ваганова. Окна освещались мощными керосинками, слышались звуки гармошки. Парни вошли и, удивлённые, остановились в дверях. Большая комната была почти пуста. Только у стен кое-где стояли длинные лавки, и на отдельном табурете сидел гармонист. Местная молодёжь играла в «ручечк». Под звуки гармошки парни чопорно вели девушек. Те, прикрывая платочками лица, вполголоса что-то напевали. При виде гостей всё смолкло. Из дальнего угла раздался голос:

- Смотри-ка, «силосники» припёрлись!

Окружающие рассмеялись. Гармонист рванул трёхрядку. Раздался туш, и напряжение спало. Все начали знакомиться, по очереди протягивая руку. При этом девушки прикрывали лица и тихонько хихикали. Гармонист заиграл кадрили. Девушки столпились возле окна, а парни стали приглашать то одну, то другую. Василий обвёл взглядом комнату и внезапно встретился глазами с милостивой черноволосой девушкой, скромно стоящей в окружении подруг. Ва-

силія как магнитом потянуло к ней, и он пригласил незнакомку на танец с уверенностью, что девушка откажет. К его удивлению, та согласно кивнула и вышла из толпы. Потом были ещё танцы. К черноволосой подходили другие парни, но она им отказывала, отыскивая взглядом Василия. Во время третьего или четвертого танца парень решился спросить, как её зовут. «Полина», - скромно ответила девушка. Уже под утро молодёжь разошлась, и Василий пошёл провожать Полину. Она жила недалеко от дома Петра Ваганова в полуразвалившейся убогой избушке. Контраст с огромным домом Ваганова был явным. Василий поинтересовался, не родственник ли Пётр бывшему помещику, хозяину Вагановки. Полина рассмеялась:

- Ты что думаешь, если у него фамилия Ваганов, то он буржуйский родственник? Тогда и я родственница, и вся моя семья. Я ведь тоже Ваганова. Только вот отец за всю жизнь так из нужды и не вылез, а последний год вообще слёг. У нас полсела Вагановы. Конечно, есть и те, которые друг другу родственники или кумовья. А у Петра только дом огромный, это ещё отец его строил. Внутри, ты же видел, ничего нет. Не такой он и богатый.

- А почему нас «силосниками» называют?

Девушка залилась смехом:

- Ты что, обиделся?

- Нет, но как-то странно.

- Ничего здесь странного нет. Ваши нас тоже «парёночками» обзывают.

- Почему?

- У нас любят парёную калину, и по осени запах стоит на всё село. Зато от вас за версту силосом прёт.

- А тебе что, неприятно?

- Да нет, нормальный запах. И коровам нравится.

- Ты почём знаешь, что им нравится?

- Я сызмальства с коровами. Нас в семье шестеро, я старшая. Вот и приходится по соседям подрабатывать, у кого коровы есть.

- У богатеев, что ли?

- Да каких богатеев? Вон у Векшиных трое маленьких, жена больная, а корову доить надо. Вот меня и просят помочь. Им хорошо, и нам молоко. А сейчас я в коммуне, дояркой работаю, там вообще всю зиму на силосе. А сейчас не знаю, где работать буду.

- Почему не знаешь? – Василий насторожился.

- Так ваш управляющий коммуну разорить решил.

- Как это разорить?

- А ты что, не знаешь? Он половину хозяйства коммуны отбирает.

- Ты поосторожней с выражениями. Не отбирает, а в госхоз переводит.
- Нам от этого не легче.
- А ты не расстраивайся. Выходи за меня замуж, вот и будешь работать в госхозе.

- Шустрый какой, – Полина рассмеялась, – раз проводил, и уже замуж. Надо время, подумать.

- А что думать? Время быстро летит.
- Мы с тобой даже не целовались.
- Эка невидаль. Поженимся, вот и нацелуемся вдоволь.
- Заладил – поженимся, поженимся. А поженимся, поди, бить будешь?
- Ты эти буржуйские замашки брось, – возмутился Василий. – Сейчас время другое.

Только под утро Бугаев вернулся домой. Тихонько пробираясь по едва наметившейся улице вновь создаваемого посёлка, в полусумраке раннего рассвета он чуть не столкнулся с Марусей Стадниковой, направляющейся на утреннюю дойку. Поспешно юркнув в кровать, Василий забылся коротким сном молодого человека, не особо обременённого заботами.

7. Наступление на «кулаков»*

Дня через три поздним вечером в окно Клемешева раздался стук. Пётр отодвинул занавеску и в лунном свете увидел лицо уполномоченного ОГПУ*. Клемешев открыл дверь, впустив уполномоченного и двух красноармейцев.

- Ты что это, Пётр Панфилович, без опаски выглядываешь? – спросил тот, протягивая для приветствия руку. – Принимай гостей. Мы к тебе по делу. Я смотрю, ты и не рад.

- Рад, рад, Михаил Емельянович. Без дела ты бы не приехал, а опасаться мне вроде некого, тихо у нас, – управляющий жестом пригласил вошедших рассаживаться. – Выкладывай, какие дела погнали вас в этакую глухомань.

- Насчёт тишины, это ты расслабился. Читал в «Правде» речь товарища Сталина? Классовая борьба, брат, обостряется. Вражеская гидра голову подняла. Белогвардейские недобитки, кулаки, вражеские лазутчики из всех щелей по-вылазили. Даже на самом верху враги засели. Кругом раскинули свои щупальца. Наша задача – обрубить их и одним ударом уничтожить гадину. По всей России готовится полное уничтожение кулацкого элемента. Ладно, давай к делу. По сообщениям активистов, в селе Кубовая окопались злостные антисоветские элементы. Председатель сельсовета всячески им потворствует. Да ты его знаешь. Читал твою докладную. Мы уже много раз указывали на его бесхребетность, но никаких мер пока не принимали. Наконец, кулаки совсем распояса-

лись, стали укрывать хлеб и гнать из него самогон. Это в то время, когда по всей стране недород. И снова от председателя одни отговорки: «недоимки собраны, задолженности нет». Барлакский райком ВКП(б) и исполком вынуждены подключить твоих комсомольцев принять участие в экспроприации кулацкого элемента. Вот постановление о выселении трёх кулацких семей в Кубовой.

- Понятно. Местную бедноту привлекать будем?

- Жители села опутаны псевдородственными связями. Все друг для друга сродственники или кумовья. Поэтому не будут помогать нам. Вероятнее всего, станут мешать. А надо одним ударом покончить с врагами. У тебя как с оружием? – Уполномоченный полез в прихваченную из брички сумку.

- Смеёшься? Какое оружие? Винтовка в ячейке ОСОДМИЛа и десяток патронов к ней.

- Я так и предполагал. Держи револьвер. Система наган, калибр 7,62. В управлении для тебя взял, под свою ответственность. Потом отчитаешься. Не забыл, как пользоваться? – Уполномоченный протянул оружие и коробку с патронами.

Клемешев обхватил ладонью рукоятку, почувствовав знакомую тяжесть нагана:

- Не бойсь. Рука не дрогнет.

- Вот и добре. Я в тебе не сомневался. А пока определи нас где-нибудь переночевать и предупреди своих активистов: завтра выступаем. Подводы приготовь. Заодно мою лошадь пусть покормят.

- У меня и ночуйте. А я – к осодмиловцам.

Красноармейцы тут же повалились спать, и через минуту раздался громкий храп здоровых глоток. Уполномоченный покачал головой, чуть завидуя молодости, сел за стол и, вытащив из сумки пачку бумаг и газету, задумался. Несколько минут он смотрел на листы с грифом «секретно», затем начал читать, беззвучно шевеля губами:

**ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
ЗАСЕДАНИЯ РАЙОННОЙ ПЯТЕРКИ ПО ЭКСПРОПРИАЦИИ
И ВЫСЕЛЕНИЮ КУЛАЧЕСТВА Барлакского района**

п. Барлак

25 июля 1929 года

СЛУШАЛИ: об экспроприации и выселению из с. Кубовая

1. ВАГАНОВА. Петра Савельевича 23 года

Состав семьи: жена 22 года, дочь 3 года, дочь 2 года, сын 1 год

2. СИЗОВА Тараса Матвеевича 26 лет

Состав семьи: жена 23 года, детей нет

3. ТЕРЕНТЬЕВА Игната Кузьмича 30 лет

Состав семьи: жена 26 лет, дочь 7 лет, сын 6 лет, дочь 5 лет, дочь 4 года, дочь 3 года, сын 2 года.

Признаки кулацкого хозяйства: Эксплуатация наёмного труда.

ПОСТАНОВИЛИ: Хозяйства признать кулацкими, подлежат экспроприации и выселению за пределы района.

Выписка верна: Секретарь Райпятайки Подпись

Резолюция исполкома:

Подлежат выселению за пределы района

Отложив выписку в сторону, уполномоченный взялся за газету (это была районная «Бедняцкая правда») и углубился в чтение:

«Решением XV съезда ВКП(б) взят курс на экономическое вытеснение и политическую изоляцию кулачества. Новое изменение политики по отношению к зажиточному крестьянству принято на заседании Барлакского райкома. За основу взята речь товарищ Сталина, где говорится, что наступил перелом в сторону политики ликвидации кулачества как класса».

Уполномоченный задумался: «Что имел в виду товарищ Сталин? Ага, вот и постановление ВЦИК*» – «Об изменении статьи 61 уголовного кодекса РСФСР*». Здесь как раз и написано: «усилить меры ответственности лиц, отказывающихся от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение».

Вот и главное, на что надо опираться:

«При отягчающих обстоятельствах, когда подобные действия совершаются группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти, применять строгие меры вплоть до лишения свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или части имущества, с **выселением из данной местности**».

Через час Клемешев вернулся с тремя комсомольцами, один держал в руках винтовку. Уполномоченный удивлённо поднял бровь. Клемешев успокоил:

- Я вот что подумал: надо бы пораньше выезжать, чтобы не волновать народ. Тут, понимаешь, тоже родственники могут быть, кумовья кулаков. Могут и предупредить, а так все под рукой. Подводы тоже готовы: на заднем дворе. А сейчас давайте спать.

На сон оставалось слишком мало времени, поэтому быстро потушили лампу и тут же попадали, раздвинув красноармейцев.

Перед самым рассветом уполномоченный растолкал Клемешева. Красноармейцы уже встали и, весело переговариваясь, плескались у раковины. Разбудив комсомольцев, Пётр присел к столу, где уполномоченный развернул лист с пометками исполкома.

- Вот список кулаков с перечнем имущества, подлежащего передаче госхозу. С кого начнём?

- Лучше всего знают комсомольцы. Они в село на посиделки бегали. Яков! – позвал Клемешев осодмиловца.

Тот сосредоточенно осматривал винтовку. Передав её товарищу, подошёл к начальству. Уполномоченный показал ему список:

- Ну-ка, дай совет, с кого начнём?

Яков внимательно прочитал перечень и, ткнув на одну из фамилий, уверенно произнёс:

- Игнат Терентьев. Он как раз на самом краю живёт. Если от нас ехать – он первый. Дальше по улице – Пётр Ваганов, а Сизов на отшибе, у самого леса. Того надо вместе с Терентьевым брать, а то может и сбежать.

- Да куда он сбежит? От Советской власти не скроется.

- Вам виднее, а я бы не стал рисковать.

Уполномоченный рассмеялся:

- Поучи ещё. Я не одну контору вот этими руками взял, а ты мне указываешь.

- Сами просили, – Яшка обиженно отошёл.

- Мы тебя просили указать, с кого начнём, а не советовать, как нам действовать! - зло кинул уполномоченный и начальственным голосом распорядился:

- Пётр Панфилович, распределяй по подводам и поехали.

Понукаемые комсомольцами, лошади потянули подводы к реке. Преодолев брод, кавалькада выехала на просёлок. Красноармейцы бодро вышагивали рядом. Лошади, пофыркивая, косились на незнакомцев и лениво помахивали хвостами. Вскоре показалось село. Улица была застроена низенькими кособокими избами, и только на самом краю высилось огромное здание с резными ставнями и флюгером на крыше. Это был дом, выстроенный Кузьмой Семёновичем Терентьевым, богатым владельцем паровой и водяной мельниц, земельных угодий и пастбищ. Паровая мельница давно была национализирована, угодья отошли коммуне, водяная мельница почти полгода простаивала из-за отсутствия зерна. О былом достатке напоминали только добротные ворота и про-

сторный двор. Там жило нынешнее поколение Терентьевых: сын Игнат, его жена и шестеро погодков, младшему только исполнилось два года.

Красноармейцы распахнули ворота, и подводы въехали во двор. Не обращая внимания на рвущегося с цепи кобеля, уполномоченный взойшёл на крыльцо. Навстречу вышел хозяин:

- Кто такие? Чего надо?

- Игнат Терентьев? – грозно надвинулся уполномоченный.

- Он самый. А вы кто такие? – Игнат встал в дверях.

- Я - Мезис Михаил Емельянович, представитель Советской Власти. Решением Барлакского исполкома ты и твоя семья подлежит раскулачиванию и высылке, – уполномоченный подошёл ближе и вытащил из сумки бумаги.

- Какому такому раскулачиванию? Я по налогам всё сдал. У меня и бумага есть.

Терентьев не сдвинулся с места.

- Вот решение исполкома о взятии тебя под стражу, выселении семьи и конфискации имущества, – уполномоченный помахал перед лицом Игната постановлением, отпечатанным на желтоватом листе бумаги. Терентьев взял бумагу, внимательно стал читать.

Выписка из протокола

Заседания районной Пятерки по экспроприации и выселению кулачества
Барлакского района.

п. Барлак

25.VII/1929 г.

Слушали: Об экспроприации и выселении за пределы района гр-на:

ТЕРЕНТЬЕВА Игната Кузьмича, с.Кубовая, состав семьи:

Жена Александра 26, сын 6 лет, дочь 5 лет, дочь 4 года, дочь 3 года и сын 2 года.

Признаки кулацкого хозяйства: эксплуатация наёмного труда.

Постановили: Хозяйство признать кулацким, подлежит экспроприации и выселению за пределы района.

Выписка верна: Секретарь Райпятерки п/п.

Внезапно разорвав на части бумагу, Терентьев кинул обрывки под ноги. Глядя с ненавистью на толпу, наступил на клочки сапогом:

- Нет твоего решения. И права у тебя такого нет. Пошли вон, пока я кобеля с цепи не спустил.

- Это ты зря, – уполномоченный повернулся к красноармейцам. - Вяжите его.

Те навалились на Игната, пытавшегося схватить топор. Терентьева связали и посадили на подводу, а комсомольцы уже выводили причитающую жену Игната с ребёнком на руках и хныкающих ребятишек. Всех рассадили по свободным подводам и тут же принялись выносить вещи. Один из красноармейцев выстрелил в охрипшего от лая пса. Сразу стало тихо. Сам Терентьев неподвижно сидел в телеге, безучастно уставившись в одну точку. Его жена молча обнимала перепуганных детей, которые изредка всхлипывали, и только уполномоченный отдавал команды выносившим вещи красноармейцам. Скарб грузили на подводы без разбора: посуду и матрацы, инвентарь и одежду. Всё кидали внавалку для отправки в город. Лошадь впрягли в стоявшую во дворе лобогрейку, и один из комсомольцев сразу отправился назад. Все оставшиеся вместе с арестованным Игнатом Терентьевым, его женой и ребятишками, а также подводами с добром двинулись ко двору Петра Ваганова. Добротные ворота подворья Ваганова были заперты на засов. Это не смутило уполномоченного. Он послал одного из комсомольцев перелезть через забор и отпереть засов изнутри. Когда первая телега въехала во двор, из сеней выскочил сам Ваганов. В руках у него были вилы. Взмахнув ими как копьём, он метнул их в первого же попавшего под руку. На своё несчастье, им оказался Яков Ширинкин, которому вилы попали в грудь. Больше Пётр ничего сделать не смог, так как подоспевшие красноармейцы скрутили ему руки. К связанному Ваганову, которого крепко держали красноармейцы, подошёл Мезис. Вытащив из портфеля выписку из протокола, он почти по складам, с издёвкой, зачитал постановление и подал сигнал выносить вещи.

С Якова сняли рубаху, и один из комсомольцев принялся осматривать рану. Та оказалась глубокой. По всей видимости, было задето лёгкое. Чуть левее, и вилы попали бы в сердце. Расстелив кое-какие тряпки, Ширинкина уложили на телегу, подложив соломы, перевязали рану и велели пока потерпеть.

В то же время связанного Петра посадили рядом с Терентьевым. В отличие от молчаливого Игната, Ваганов грязно матерился и выкрикивал угрозы.

- Силосники проклятые! – кричал он. – Запомните, не пойдёт вам впрок моё добро! Жаль, Яшка, что тебя сразу не порешил! Жив буду, найду гадёныша!

- Да заткните ему рот, мешает работать, – спокойно обратился уполномоченный к одному из красноармейцев. Тот выхватил из кучи выносимого из дома тряпья полотенце и запихнул Петру в рот. В установившейся тишине раздавались только всхлипывания троих ребятишек, прижимавшихся к молчаливой жене Ваганова. Комсомольцы закончили выносить вещи, вывели из стойла двух коров и лошадь, и все двинулись в конец села, ко двору Тараса Сизова.

Вокруг арестованных стала собираться толпа. В основном подходили женщины. Видно было, что люди настроены враждебно. То тут, то там раздавались недовольные голоса. Агрессивный настрой людей подогревался непрерывным плачем ребёнка на руках жены Терентьева. Посыпались прямые угрозы отбить арестованных. Видя серьёзность намерения сельчан освободить взятых под стражу «кулаков», уполномоченный пригрозил, что любая попытка приблизиться к выселяемым будет караться расстрелом. Недовольно ворча, толпа отступила.

Возле избы Сизова уполномоченный остановил подводы и в сопровождении красноармейцев подошёл к воротам. Во дворе было тихо. Красноармейцы опасливо вошли в дом. Через минуту оба сошли с крыльца, удивлённо приглашая уполномоченного пройти. В избе никого не было. Вещи лежали на своих местах, как будто хозяева только что вышли. Возле печи стояла наполненная водой кадушка, на столе высилась аккуратная стопка тарелок. Даже прибранная кровать с перьевыми подушками указывала на недавнее присутствие людей. Но кругом было пусто. Хозяева бесследно исчезли. Кошка и та пропала. Уполномоченный грязно выругался, угрожая хозяину дома всеми небесными карами и сокрушаясь, что не послушал осодмиловца. Красноармейцы с комсомольцами вынесли более-менее ценные вещи, погрузили на пустые подводы и опечатали двери.

На обратном пути Клемешев обратился к уполномоченному, ехавшему рядом с ним в бричке:

- Михаил Емельянович, а куда потом конфискованное добро пойдёт?

Тот хитро прищурился и в свою очередь спросил:

- А у тебя какой интерес к кулацкому имуществу?

- Видишь ли, мои комсомольцы прибыли в большинстве без пожиток.

Иногда и переодеться не во что, не говоря уж о том, что у многих тёплых вещей нет. Вот я и думаю, а как бы нам было кстати что-нибудь прихватить.

Мезис откровенно рассмеялся:

- Ну, насчёт прихватить, здесь ты немного припозднился. Пока ты был занят кулацкими семьями, твои ребята кое-что припрятали. Я сделал вид, что не заметил: пускай пользуются, мои красноармейцы тоже не без греха – у каждого ведь семьи в городе. А вещи мы сдадим по описи для раздачи неимущим.

- Значит нельзя, – сник Клемешев.

- Да ты что? Я не сказал нельзя. Опись ещё не составлена. Возьмёшь, что тебе надо, вот тогда и составим.

- Это было бы здорово. А сельскохозяйственный инвентарь?

- Инвентарь получишь по акту. Здесь всё на законном основании. Есть распоряжение исполкома передать часть конфискованного имущества и инвентаря госхозу.

Прибывший в посёлок небольшой караван вначале разгрузили в конторе, где комсомольцы отобрали нужные вещи. Один из комсомольцев сбежал за Марфой Агафоновой. Прибежавшая Марфа принялась причитать и во весь голос подвывать. Стенания Марфы оборвал уполномоченный. Подойдя к телеге, он прижал женщину к груди и заверил, что сейчас Якова отправят в больницу и врачи быстро его поставят на ноги. Сидящий на соседней подводе Пётр Ваганов непостижимым образом вытолкнул изо рта кляп и издевательски крикнул: «Яшка! Ни на этом свете, так на том встретимся! Думаю, недолго осталось!» За что получил удар прикладом по голове от стоявшего рядом красноармейца. Второй красноармеец поднял с земли грязную тряпку и, несмотря на сопротивление Петра, затолкал тому в рот. А Мезис вытащил три типографских бланка и принялся составлять описи. Потев от натуги, он заполнил первый:

АКТ-ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА

1929 августа месяца 6 дня в селе Кубовая составлен настоящий Акт в том, что изъято имущество кулацкого хозяйства Терентьева Игната Кузьмича.

п/п	Подробное наименование описанного и подлежащего продаже с торгов имущества	Количество (счетом, мерою, весом)
0	Изба, крытая тёсом Амбар-баня, мельница Лошадь одна рабочая. Одна молодая Лобогрейка* Корова одна, овечка-две, ягнёнок Телега деревянная, плуг, две бороны, два хомута Сани двор Сено 5 копён, солома 8 овинов Хлеб пшеница 20 пуд, мука 10 пуд Картошки 5 пуд	
1	Две рубахи ситцевые, две кальсоны старые Стол, кровать, два стула	
2	Два чугуна, одна чашка, ложки 7 шт Старый тулуп Две подушки и постилка	

3	Потник из шерсти	
4		
5	Опись производил: Уполномоченный ОГПУ Мезис М Е	
6	При описи и оценке свидетели были: п/п Брынкин С, Хомяков М	

Таким образом были составлены ещё два акта. Мезис подозвал красноармейцев, и те поставили подписи на всех бланках, затем позвал Клемешева:

- Пётр Панфилович, я описи составил. Сельхозинвентарь и часть имущества я оставляю. Позже привезу квитанцию из отдела финансов, оформишь по закону. Пока пиши расписку.

Красноармейцы уложили оставшееся добро на телеги. К вечеру уполномоченный вместе с высылаемыми семьями кулаков выехал на станцию Заводская. Якова Ширинкина отправили в больницу села Барлак.

Через неделю Тарас Сизов объявился в окрестностях Покровки. Местные жители стали поговаривать о какой-то повстанческой армии, выступающей против коммунистов и комсомольцев. И командиром там – Тарас Сизов. Власти насторожились, но пока меры не принимали. И раньше замечались грабежи и убийства, поэтому исчезновение двоих активистов села списали на залётных бандитов, действующих в одиночку.

8. «Повстанческая армия» Сизова

Конный разъезд Сизова остановился переночевать на Ломовской даче, ныне кордоне Барлакского лесничества. Дом лесничего выделялся отдельным строением, и с него просматривалась вся округа: большое, заросшее бурьяном поле, через которое шла дорога в город, окраина леса и часть обрыва берега реки. На краю поля стояло три дома, принадлежащих лесничеству, поодаль от дороги виднелись остатки полузасыпанных землёй и заросших травой не то складов, не то амбаров.

Разъезд возвращался из разведки, проверив ближайшую железнодорожную станцию Заводская*, на которую прибыл пригородный поезд. С поезда сошли местные жители и разбрелись по своим домам. Лишь один пассажир мо-

ложавого вида, с рыжей бородой, вскинув на плечи небольшую котомку, решительно зашагал по пыльному просёлку в сторону села Кубовая. Просёлок проходил мимо кордона, вот там и решили разведчики подождать прохожего. Заодно можно было и переночевать у сочувствующего повстанцам лесничего.

Мужики спрятали лошадей в лесу, за домом, и сели за стол, выставив наблюдателя. Через час показался мужчина. Он шёл неторопливо, помахивая хворостиной. Поравнявшись с временками бывших складов, он остановился, удивлённо огляделся и направился к дому лесничего.

Повстанцы приготовились к встрече. Трое спрятались за занавеской, отделяющей полати от кухни. Старший, рябой мужик, остался сидеть за столом, делая вид, что пришёл в гости к хозяину и пьёт с ним чай. На столе стоял блестящий медный самовар. Хозяин держал одной рукой кружку, от которой шёл ароматный пар, другой вытирал платком обильный пот, выступающий на лбу. А рябой наливал чай в блюдце прямо из самовара, брал тремя пальцами и со вкусом прихлёбывал. На колени он положил обрез, прикрыв его полотенцем. Владелец котомки подошёл к крыльцу, тщательно вытер ноги о лежавший у порога коврик и постучал в дверь.

- Не заперто! – крикнул лесничий. Обладатель рыжей бороды переступил порог и поздоровался:

- Доброго здоровьица.

- И тебе не хворать. С чем пожаловал, куда путь держишь? – с усмешкой ответил рябой. Молодой человек вытащил из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу:

- Вот демобилизовался. Прослышал, что близ Новосибирска разворачивается сельское строительство, попросился добровольцем. А тут вижу: селение. Может, есть для меня дело?

- Дел много. Но надо бы разобраться получше, кто ты есть.

Рябой развернул бумагу. Делая вид, что внимательно читает предписание, он незаметно дал знак спрятавшимся соратникам. В ту же секунду на мужчину навалились укрывавшиеся за занавеской разведчики. В мгновение всунув ему в рот кляп, все трое деловито запыхтели, пеленая пленника по рукам и ногам. Пеньковая верёвка цепко впилась в загорелую кожу, отчего неподвижно лежавший человек громко замычал.

- Не нравится, - рябой ухмыльнулся. – Ничего, это ещё цветочки.

Связав пришельца, мужики принялись изучать документы.

- Ты смотри – комсомол? Суков Михаил Агафонович. Слышь, Рябой, что с этим парубком делать будем? Может, разрежем на куски и закопаем? Никто не хватится.

Один из разведчиков вытащил из-за пояса топор.

- Охолонь, Макар. Мы его к Тарасу свезём. Пусть он и решает, что с ним делать. Может, это засланный. Неплохо бы узнать, зачем на самом деле шёл. А закопать всегда успеем, – Рябой остановил нападавшего.

- Как скажешь. Ты командир, – разведчик нехотя спрятал топор. – Живи пока, Михаил Агафонович. Ночку полежи тут спокойненько, а завтрава доставим к Тарасу. У него разговор быстрый.

Разведчики кинули связанного на пол, сами попадали на полати и попытались заснуть. Ночью гроыхало. Сначала по небу гоняло небольшие тучки. Ветер дул со всех сторон. Повстанцы с вечера посматривали на небо, ожидая ливня. Поэтому, когда стемнело, на всякий случай перевели лошадей под навес. Дождь начался внезапно. Ветер поднял пыль на дороге, и небо сразу затянулось чёрными низкими тучами. Тяжёлые капли дождя вначале нехотя упали на землю. Через минуту хлынул ливень, загрохотал по крыше, и в низинах заблестели лужи. Ветер усилился. Он поднимал тучи брызг и с силой кидал в окна. Дом стонал и скрипел, но стоял крепко. Под шум дождя и грохот ветра разведчики заснули коротким сном. Только Рябой несколько раз вскакивал, очумело осматривался по сторонам и снова укладывался рядом с товарищами.

Утро выдалось солнечным, как будто и не было ураганного ветра и ливня. Только большие лужи напоминали о ночном ненастье. Повстанцы встали с первыми лучами, вынесли перемотанное верёвкой тело и взвалили на одну из лошадей, затем вскочили в сёдла и направились к месту базирования «армии» Сизова. Через некоторое время показалась мельница, которая казалась заброшенной. Поравнявшись с домом, Рябой огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, протяжно свистнул. Услышав ответный свист часового, направил лошадь к мельнице и въехал под навес, когда-то предназначавшийся для сбора зерна.

Часовой бросил взгляд на странную поклажу, но ничего не сказал, только посторонился, пропуская всадников. Разведчики сняли ношу и внесли её в довольно просторное помещение. В полумраке комнаты сквозь забитые досками окна слабо проступали лучи солнечного света. Возле двери стояли два стула, на которых сидели молодые «повстанцы» с обрезками на коленях. По углам, на соломе, спали бородатые, мрачного вида мужики. Посреди, за когда-то богато инкрустированным витиеватыми завитушками столом, в ободранном кожаном кресле сидел молодой мужчина и чистил наган. Мужики бросили ношу возле стола и отошли в сторону. Старший протянул документы:

- Тарас, вот смотри. Сам попался. Не знаем, зачем направлялся в нашу сторону. Комсомолец.

- Комсомолец?! Поглядим, какой он комсомолец. Я думаю: для начала мы нарежем ремней с его кожи, заодно узнаем, куда и зачем шёл. Вытащите у него кляп. Послушаем, что он будет петь. Дай-ка мне палаш, – Тарас попробовал протянутый палаш на остроту. В это время лежавший на полу человек, выплюнув изо рта остатки кляпа, заорал:

- Тарас, ты что, охренел! Это же я! Васька!

- Какой такой Васька? – задумчиво переспросил Сизов, потом встрепенулся и, взглядевшись в лицо связанного, воскликнул:

- Васька!? Ломов!? А ну, быстро развяжите!

Мужики споро освободили пленника от пут и усадили на стул. Ломов присел, разминая затёкшие руки:

- Здоровы же, Тарас, твои соратники. Чем ты их кормишь?

- Какой там, «кормишь»! Полуголодные ходим. Всё подчистили комсомольцы. Чтоб им поперёк горла встал наш хлеб. Видал мельницу? Раньше очередь из подвод стояла. Теперь вот травой зарастает, нет у мужиков хлеба. Всё по налогам подчистили. А мужики от злости такие шустрые. Шибко досадили местные комсомольцы. Активисты, чтоб им. Да ладно, ты-то каким образом здесь? Вы же с Лебедевными вроде в девятнадцатом на восток мотанули?

- Мотанули, да так, что в Китае оказались. Слушай, Тарас, я, пока твои орлы меня тащили, всё-таки изголодался. Мне бы хоть корочку хлеба.

- Найдём тебе корочку и что-нибудь для сугрева души. Ну-ка, мужики, тащите, что там для разведчиков оставили. Заодно друга моего накормим, – обратился Сизов к обступившим командира повстанцам. Здоровенный дядька в зелёной рубахе, подпоясанной широким ремнём, внёс котелок густого кулеша и неполный штоф самогона:

- Не погнушайтесь. Чем богаты.

Вокруг стола расселись разведчики, остальные разошлись и занялись своими делами. Сизов разлил самогон по кружкам, и все выпили за встречу. Закусывая кулешом, Ломов обратился к другу:

- А ты что не спрашиваешь, почему я здесь?

- Зачем спешить? Сам расскажешь. Мне торопиться некуда.

- И то правда. Да и рассказывать особо нечего. Ты-то как дошёл до жизни такой? Вроде, отец шибко богатым не был и за Советскую власть агитировал. А ты круто повернул в обратную сторону.

- Что с того, что агитировал? Большевики обещали всю власть передать трудящимся. Он и клюнул на эту приманку. Ты же помнишь: мы и до них нормально жили, потому что дело делали. Отец, пусть земля ему будет пухом, уважаемым человеком был. Пять водяных мельниц держал, заезжий двор, во-

семнадцать человек у нас работало. Может, и не шибко богато, но зажиточно жили. Как большевики пришли, четыре мельницы им отдал. А что они с ними сделали? Всё порушили. Одна наша работала, да и та на ладан дышала, пока совсем налогами не задавили. Вот всё, что осталось. Сейчас вон меня в кулаки записали. Последнюю корову хотели отнять. Вначале пятикратку* объявили, а потом и вовсе комсомольцы в село явились, арестовать хотели. Хорошо, не с меня начали. Еле ноги унёс.

- А жена как? Ты ведь, наверняка, женат.

- Жена у дальних родственников. Слава Богу, у неё другая фамилия. Мы сначала к ним подались. Я её там оставил, а сам сюда вернулся. За всё они мне ответят.

- Как же ты теперь?

- Думаю, меня совсем во враги народа записали. Это уж точно - расстрел. Ничего, попорчу я им кровушки. Пожалеют большевики, что сразу не схватили. Вовремя я ушёл. А те, кто не сумел уйти... Я тебе кое-что покажу.

Тарас встал, чуть прихрамывая, подошёл к висевшей в простенке между окнами полке с немногочисленной посудой, пошарил сбоку и вытащил грязный клочок бумаги:

- Вот письмо мне передали от свояченицы. Слушай, где это? – он беззвучно пошевелил губами, отыскивая нужную строчку.

- А-а, вот: «Выселяли нас так: мужей забирали в тюрьмы, а семьи выгоняли с детьми на улицу, запрещая пускать в дома даже детей... Ночью приказали в один час собраться в дорогу... До Красноярска мы везли муку, а в Красноярске ее отобрали всю, и теперь мы питаемся подаяниями по домам. Кулаков среди нас мало, больше бедноты... Насилие, грубость и хамство терпим особенно от милиции и уполномоченного...»

- Что творят большевики! Трудовому человеку дыхания не дают. Отец горбатился, я дни и ночи работал, и всё – прахом. Давай выпьем за наших отцов. Счастье, что они не увидели такое.

Тарас разлил остатки самогона. Друзья, как по команде, одновременно встали и молча выпили.

Ещё немного помолчав, Ломов заговорил:

- Тарас, я полстраны проехал, увидел, что большевики прочно власть взяли. На что ты надеешься?

Сизов как-то весь обмяк и задумался, опустив голову. Затем поднял, надвинулся к самому лицу собеседника, зло посмотрел в глаза и, сжав кулаки, прохрипел:

- Пока жив, я их давить буду.

Отвернувшись к стене, он смахнул нечаянно набежавшую слезу и внезапно спросил:

- Всё-таки ты-то зачем приехал?

Ломов усмехнулся:

- У меня дела кое-какие на отцовской даче. Нет ли среди твоих бойцов людей оттуда?

- Зачем тебе? – удивился Тарас.

- Понимаешь, мне одну вещь надо найти.

- Ага, за добром отцовским прибыл? – расхохотался Сизов.

- Да каким там добром! Так, по мелочи.

- За мелочью жизнью ты бы рисковать не стал. Найти не можешь?

- За десять лет всё так изменилось. Да и мальцом я был, многое подзабыл.

- Изменилось, ещё как. Помню, у твоего отца склады напротив дома стояли. Со всей округи муку свозили. Подводы чуть не от самой Заводской выстраивались. Нет больше складов, и муки нет, и зерна, чёрт возьми, нет. Ни хрена нет. Всё растащили и пожгли. А зачем? У нас что? Леса на дрова не хватает? Нет, давай рушить! Зачем порушили? Зато вспахали! Ну и что? Всё равно травой заросло. Берёза в три обхвата стояла! Спилили красавицу! И пня не оставили! – Сизов не на шутку распалился, снова вскочил, опрокинув кресло, и со стоном заломил руки.

- Слушай, Тарас. А ты не помнишь, где она стояла? – перебил Ломов.

- Кто? – вскинулся Тарас.

Ломов рассмеялся:

- Не кто, а что. Ты только что о берёзе говорил.

- А-а, берёза? Да кто ж теперь вспомнит, где она стояла. Вроде, напротив амбаров, – спокойным голосом, как ни в чём не бывало, ответил Сизов.

- А амбары где стояли?

- Что ты прицепился со своей берёзой! Понимаю. Где-то рядом добро. Но там всё перепахали! Иди сам, ищи это место.

- Придётся. А из стариков на даче никто не остался?

- Как же, живёт там божий одуванчик. Да ты его хорошо знаешь: бывший ваш дворецкий, – фыркнул Сизов. Но Василию было не до смеха, он продолжал гнуть своё:

- Мне бы с ним встретиться.

- Встретишься. Лесник – наш человек. Может, тебе к нему в помощники пойти?

Василий обрадовался:

- Мне это и надо.

Тарас поманил Рябого и распорядился, чтобы тот свёл Ломова с лесником.

Через два дня в лесхозе появился новый работник. Рыжий парень с лицом, густо усыпанным веснушками, ходил по территории хозяйства и, измеряя шагами некоторые участки, что-то заносил в тетрадь. Лесник объяснил жителям лесхоза, что помощник прибыл из города и здорово облегчил его деятельность на благо укрепления власти. Лесничество берёт на строгий учёт каждое дерево и не позволит разбазаривать народное имущество. Сельчане постепенно успокоились.

9. Собрание

Между тем над Василием Бугаевым стали сгущаться тучи. Частые походы в соседнее село привлекли внимание комсомольцев. Выселение кулаков и прямое покушение на осодмиловца взбудоражило молодёжь. Вражда между соседними поселениями привела к всеобщей подозрительности. Бугаеву приходилось тайком встречаться с Полиной. Опасность подстерегала со всех сторон. Свои комсомольцы не отходили далеко от селения, опасаясь бандитских налётов, а кубовинские парни запросто могли покалечить, а то и совсем лишиться жизни. Поводов для этого было предостаточно. Последние акты раскулачивания окончательно настроили соседнее село против комсомольцев. Поэтому Василий, тайком пробираясь к любимой, следил и за своими ребятами, и за кубовинскими. Но нет такой тайны, которую можно скрыть от бдительных соседей.

Однажды, возвращаясь домой после тайного свидания, Бугаев наскочил на одного из осодмиловцев, который периодически обходил посёлок. Парень в темноте не узнал его и с перепугу выстрелил в воздух. Поднялся переполох. На выстрел сбежалось всё население. Василия обвинили в попытке создания паники и всеобщего страха. Как только он ни оправдывался, но товарищи как будто не слышали. Тут же кто-то предложил вынести персональное дело Бугаева на всеобщее собрание. Так как очередное собрание было намечено на субботу, то здесь же поставили вопрос «персоналки».

На следующий день на стене конторы появилось объявление о комсомольском собрании. Первым стоял вопрос:

«Об очередных задачах комсомольской работы, в свете решений пленума ЦК ВКП(б)».

и вторым:

«Персональное дело Бугаева Василия».

Так как субботний день был загружен, как и все дни недели, приняли решение собраться в конторе после рабочего дня. Поздним вечером в помещении конторы собралась вся комсомольская ячейка. На собрании присутствовал Клемешев, как руководитель вверенного хозяйства и единственный коммунист. Он скромно присел позади, и, как ни уговаривали комсомольцы занять место в президиуме, наотрез отказался.

Собрание в обычном порядке выбрало председателя и секретаря. Затем слово предоставили Клемешеву. Пётр Панфилович вышел к столу, солидно откашлявшись, зачитал решение пленума ЦК партии и прокомментировал его в свете необходимых задач хозяйства. Затем снова сел на свой стул. В прениях выступали штатные ораторы с казёнными фразами о долге, о свершениях. В конце зачитали резолюцию: «Взятая партией линия правильная, и комсомольцы принимают задачи к исполнению».

Вторым вопросом стояло персональное дело Василия Бугаева. И вот тут начался шум. Часть комсомольцев была за Василия, часть против. Противники настаивали на исключении, аргументируя тем, что Бугаев связался с кулацкими элементами и поэтому является врагом. Другая часть, стараясь перекричать товарищей, доказывала невиновность Василия. Председатель попытался унять тарарам, но у него ничего не получилось. Тогда он умоляюще посмотрел на Стадникову. Маруся вскочила на табурет и оглушительно свистнула. Шум мгновенно затих. Все ошарашено уставились на секретаря, явно не скрывая удивления. Клемешев, до сих пор молча наблюдавший за перепалкой, невольно рассмеялся.

Комсомольцы расселись по местам, и в установившейся тишине председатель предоставил слово Ивану Грачёву. Соседи задвигали стульями, пропуская Ивана к столу. Грачёв встал возле секретаря, разинул было рот, но место почему-то ему не понравилось, и он перешёл на другую сторону. В зале кто-то хихикнул. Председатель постучал по стакану, призывая к серьёзности, и обратился к выступавшему:

- Грачёв, не тяни резину. Говори и уходи.

- Я сейчас. Я вот что хочу сказать! – громко заговорил Иван. – Вчера я был в больнице у Якова Ширинкина. Рана, товарищи, затягивается плохо. Заде-то лёгкое, идёт воспаление.

- Давай по существу! – раздались голоса. – Это мы и без тебя знаем!

- Тише, товарищи! Я по существу! Пострадал наш товарищ в борьбе с кулацким отребьем! А в это время Василий Бугаев связался с подкулачниками и преспокойно встречается с Полиной! А фамилия у неё, как вы помните, Вага-

нова! Не родственница ли она мироеда Петра Ваганова, который чуть не убил Якова?!

При этих словах снова поднялся невообразимый шум. Грачёв поднял руку, успокаивая не на шутку разошедшихся комсомольцев. Дождавшись тишины, он продолжал:

- Я считаю, что это самое натуральное деячество и проявление правого уклона, и прошу поставить вопрос принципиально. Вредителей, которые тащат страну в мрачное прошлое, вон из наших рядов!

Снова все зашумели. Раздались крики:

- Что ты предлагаешь?! Говори конкретно!

Грачёв взмахнул кулаком:

- Я и говорю конкретно! Исключить Василия Бугаева из комсомола, и пусть катится на все четыре стороны!

Тотчас установилась тишина. Многие не ожидали такого поворота и невольно стали примерять на себя неожиданное предложение. В тишине послышался громкий скрип отодвигаемого стула. Присутствующие как по команде обернулись на звук. Это встал со своего места Клемешев:

- Вот что, друзья мои, – начал он, проходя к столу. – Наш вождь товарищ Сталин сказал, что уже произошёл коренной перелом в развитии страны от отсталого хозяйствования к передовому. Построение социализма – дело времени. Наша с вами задача – ускорить этот процесс. На пути много недругов, но не надо перегибать, причисляя к врагам всех по подозрению. Кто такой Василий Бугаев? Он разве враг? Это ваш товарищ, который вместе с вами работает, вместе с вами живёт, дышит одним с вами воздухом. Ты, Иван, призываешь исключить его из комсомола. А за что?

- Я как все! Что ячейка решит! – подал голос Грачёв.

- погоди, Иван. Предложение твоё мы уже выслушали. А почему исключить? Только потому, что он встречается с Полиной? А фамилия Поли – Ваганова. Ну и что? Ежели я полгода гонялся за атаманом Семёновым*, мне теперь что, нашего уважаемого полевода Ивана Лукича Семёнова к стенке ставить?

Поднялся смех. Некоторые комсомольцы заплодировали.

- Подождите смеяться, – Клемешев ударил кулаком по столу. – Кто-нибудь из вас поинтересовался, кто такая Полина?!

- А что интересоваться? Мы всех девок в Кубовой знаем! – раздались весёлые голоса.

- Знаете? Что же вы на неё клеймо навешиваете! Семья у Полины наибеднейшая, многодетная. Сама Полина работает в коммуне, а то, что фамилия у неё Ваганова, так полсела носит эту фамилию. А ваши рассуждения пахнут по-

литической неграмотностью и близорукостью. Вы самого Василия спросили? Может, он жениться хочет!

Клемешев безнадежно махнул рукой и прошёл на своё место, а комсомольцы зашумели, обмениваясь мнениями.

Председатель собрания постучал по стакану и, дождавшись тишины, обратился к Бугаеву:

- Василий, вот и скажи. Может, ты жениться хочешь?

Василий Бугаев встал, вытер пот, обильно струившийся со лба, и хрипло произнёс:

- Ну да, хочу.

Снова поднялся шум, раздались голоса:

- Даёшь резолюцию: Бугаеву жениться!

Девушка, писавшая протокол, толкнула локтем председателя собрания:

- Мне что? Писать это?

- Погоди писать, - председатель обратился к собранию:

- Резолюцию можно вписать, а может, сама Полина не согласна!

- Я согласна! – послышался голос от входа. Шум прекратился, и все взгляды устремились к двери. В дверном проёме стояла Полина Ваганова. Она плакала.

10.Сын Лебедева

По просёлочной дороге, проложенной через сосновый бор, со стороны села Кубовая шёл, слегка сутулясь, истомлённый человек. На вид ему было лет тридцать. Хотя, может, меньше: густая растительность на лице значительно изменяла возраст. Дорожная пыль толстым слоем покрывала истоптанные ботинки путника, указывая на то, что дорога была длинная и долгая. Увидев впереди реку, он приостановился и, с облегчением вздохнув, присел на обочине. На реке работала мельница. Колесо медленно вращалось, показывая, что там теплилась жизнь. Рядом с мельницей стоял дом, возле которого знакомо зеленела широкая лужайка. Рыжая собака с ключьями вылезшей шерсти развалилась возле крыльца. При виде незнакомца она лениво тявкнула, но продолжала лежать. Прохожий встал и неторопливо направился к жилью. Не доходя до избы мельника, остановился, снял с плеч котомку, полез в карман потрёпанного пиджака, вытащил довольно чистый носовой платок, широким жестом вытер со лба пот и размашисто троекратно перекрестился. Завидя на лужайке старика, внимательно наблюдавшего за ним, быстро направился к дому. Подойдя к деду, мужчина улыбнулся и заговорил:

- А ты совсем не постарел, Малофей Иванович.

Старик подозрительно оглядел незнакомца, отошёл на шаг и, вглядываясь из-под ладони, произнёс:

- Что-то я не припомню, человек, чтобы мы с тобой за одним столом сидели. Али когда встречались? Имени твоего не знаю, а ты, видишь, по батюшке меня величаешь.

- Встречались, Малофей Иванович. Я мальцом часто у тебя на мельнице пропадаю. За что от папаши, царство ему небесное, попадало. Видать, сильно я изменился.

Мельник остановился как вкопанный, затравленно замахал руками и испуганно перекрестился. Пожевав враз ставшим непослушным ртом, он, наконец, вымолвил:

- Неужто Петька?

- Он самый, Малофей Иванович, Пётр Лебедев.

Мельник засуетился, схватил котомку и испуганно заговорил:

- Господи, Пётр Алексеевич, да как же так, мы уж думали ты с батюшкой в гражданскую сгинул. А оно, вишь как. Заходи быстро в хату. Неровён час, кто увидит, узнает, документы станёт спрашивать.

- Не бойся, Малофей Иванович, если не узнал, кто ж может признать. А документы у меня в порядке. Самые что ни на есть настоящие. От самой границы топаю. Не единожды проверяли. Так что перед тобой Иван Селивёрстович Рябов, отслуживший на границе с Манчжурией красноармеец. А ты, я смотрю, всё на мельнице работаешь.

- Так и работаю, Петенька. Ещё покойная супружница, Пелагея Марковна говаривала, когда я на мельнице задерживался: «У тебя на лбу написано: работать всю жизнь, а повернешься, на спине – без выходных». Как в воду глядела. Всю жизнь на мельнице.

- Стало быть, померла Пелагея Марковна.

- Померла, родимая. Аккурат после вашего отъезда. Отошла тихонько, никому проблем не создала. Как жила тихо, так и померла тихо.

- Помню пирожки её с капустой. Я бы сейчас их с тазик навернул. Ты, выходит, один теперь. А сыновья, Колька с Васькой?

- Ты ещё помнишь? В город на заработки подались. Это ведь только название, что мельница. Голодно нынче народу. Иногда привезут пару мешков. А так один, Петя, как перст один. Ты проходи, проходи. Я тебя и без пирожков накормлю. Вишь, какой тощий, одни глаза.

Мельник засуетился, пропуская Лебедева впереди себя.

Между тем оба знали, что любой человек, появившийся неизвестно откуда, может привлечь ненужные толкования. Поэтому Пётр спешил скрыться в избе. Попросив горячей воды, он вышел в сени и стал мыться. Заглянувший в дверь мельник, видя грязь, скатывающуюся с плеч Лебедева, смеясь, протянул кусок мыла и мочалку:

- Держи вехотку*, всё соскоблит. Смотри-ка, как в тебя пыль въелась. Будто арап.

Пётр помылся, достал из внутреннего кармана бритву и тщательно выбрил старившую его бороду. Затем вытащил из котомки чистую одежду, и через час перед хозяином предстал широкоплечий молодой человек, опрятно одетый, с непокорными вихрами русых волос. За это время мельник выставил на стол четверть самогона и нехитрую закуску: нарезанное большими кусками сало, солёные огурцы и половинку круглого хлеба домашней выпечки. Завидя всё это богатство, гость сглотнул слюну, но природная сдержанность не позволила ему наброситься на еду. Оба чинно уселись за стол. Мельник разлил самогон по стаканам, встал и, прокашлявшись, произнёс:

- Со свиданьем, Пётр Алексеевич.

Осушив стакан, гость с голодным остервенением напустился на разложенную по тарелкам пищу. Дождавшись, когда молодой человек насытится, хозяин снова разлил самогон и, подняв стакан, обратился к нему:

- Помянем твоего батюшку. Упокой Господи, добрейшей души был человек, Алексей Михайлович. Никогда не обижал нашего брата, работного человека, - мельник выпил, крикнул и продолжил. – Как же вам удалось уйти от партизан?

Лебедев задумчиво склонил голову и затих. Минуты две он вертел в руках пустой стакан, затем наполнил его самогоном и резким взмахом опрокинул жидкость в рот. Занюхав краюхой хлеба, медленно заговорил:

- Если бы не вы с Мухановым, лежать бы нам в этой земле. Кстати, живой он?

- Живой. Что ему сделается? Так и работает конюхом. Скачет на одной ноге, но управляется, хоть другая деревянная.

- Это хорошо, что живой. К нему я и ехал. А тот побег я буду всю жизнь помнить. Как мы до передового отряда Александра Васильевича Колчака* добрались, до сих пор не пойму. Мы с верховным весь год были, под самым Красноярском расстались, когда отца ранили. Может, потому отец и жив остался. Я сопля был, а помню эти бесконечные обозы: женщины, дети, раненые - постоянное ощущение голода и пустые деревни.

- Почему пустые? – встрепнулся мельник.

- Большевики слух пустили, что колчаковская армия никого в живых не оставляет. Вот жители и разбегались в леса. Даже собак уводили. Отец с передовыми частями ушёл, а меня одна женщина приютила. В богатой шубе, а под шубой только нижнее бельё: платье с себя на хлеб сменяла. Мы всё по просёлкам шли, лишь иногда к железке подходили. А там эшелоны с чехами. Весёлые, сытые, песни горланят. Их не то французская, не то английская миссия снабжала, а мы с голоду пухли. Когда по армии приказ прошёл, оставить обозы, чтобы обеспечить мобильность войск, большая часть согласилась уйти. А я дальше с ранеными пошагал.

В начале двадцатого встали в каком-то посёлке. Тогда я отца и нашёл. Его с тяжёлым ранением привезли. У меня до сих пор в глазах стоит кровавое месиво израненных солдат, и мой отец среди них. Орлик за ним, как собака бежал. Его я сразу узнал. Он хрипит, никого близко не подпускает, а как меня узнал, сразу присмирел. Вот тогда я и увидел отца. Мне кажется, на нём живого места не было, одна кровавая рана. Врачи вначале сказали, что никакой надежды нет. Определили как безнадёжного. Еле упросил положить его в палату. Месяц, как ребёнка, из ложечки кормил. Сутками от него не отходил. С трудом, но на ноги поставил. А тут слух прошёл: красные на подходе. Я к тому времени познакомился с одним хорошим человеком. Он согласился увезти отца в лесную сторожку. С ним ещё двое раненых отправились. Вовремя. Тот человек потом в посёлок ездил. Говорит, живых нет. Весь госпиталь ликвидировали: и раненых, и врачей.

- Кто ликвидировал? Красные или белые?

- А кто его знает. Он, когда в посёлок приехал, там уже ни красных ни белых не было, одни трупы. Отец немного подлечился и говорит: «Уходиться надо, иначе партизаны всех положат». Мы и двинулись к генералу Войцеховскому*. С ним по льду Байкал перешли, и на Читу. Там отец из рук генерала орден получил: «За великий Сибирский поход». А какой он великий! Бегство в никуда. Потом мы с японцами в Манчжурию ушли. Помотало нас там. Отец вступил в Русский Общевоинский Союз: думал возвратиться в Россию. И меня определил в Союз Хабаровских кадетов. А для чего? Нас японцы просто использовали. Отец всё надеялся на атамана Семёнова. Отправился с ним во Владивосток переворот устраивать. А большевики им там по шапке. После этого старик запил и как-то сник, опустил. Я из Союза вышел, на КВЖД* устроился. Хоть немного сыто пожил, а три года назад он скончался. Перед смертью завещал встретиться с Мухановым. Вроде, хранится у него какая-то важная бумага.

- Как же ты один через границу перешёл и до нас добрался?

- Я не один, мы с Васькой Ломовым вдвоём. Помнишь Ваську?

- Помню. Сынок Семёна Аркадьевича. Частенько заезжал к твоему батюшке. Где же он сейчас?

- Мы с ним в городе расстались. Васька решил идти через Новониколаевск, или, как его теперь называют, Новосибирск, а я – речным путём, через Колывань. Мы с ним сызмальства вместе, ещё отцы наши дружили. Когда из Красноярска бежали, потерялись, только на КВЖД встретились. Васька постарше, давно осиротел, мой отец его и пригрел, а когда батя умер, он и стал меня подбивать границу перейти. Говорил, что перед тем, как бежать, золото они с отцом припрятали. Приметы Васька запомнил. «Если ты, – говорит, – бумагу не сыщешь, золото поделим, назад богачами вернёмся».

- Что за бумага?

- Я думаю: тоже золотишко где-то лежит.

- Что же, Алексей Михайлович не сказал?

- Не успел он. Всю жизнь в себе держал. Перед смертью пытался что-то сказать, да я только разобрал: «Бумага у Муханова. Он обещал. Найди...» Дальше хрипеть начал и помер. Вот и надо мне встретить нашего конюха, может, и пойму, что мне отец перед смертью пытался сказать. А ты не знаешь?

- Всякое толковали. Поговаривали, якобы, припрятал Алексей Михайлович кое-что. ГПУшники наведывались. Расспрашивали местных что да как. Обыски проводили. Меня на допрос возили в город. А что я мог сказать? Мельница на отшибе. Я человек маленький, со мной барин делиться секретами не будет.

- И что?

- Как что? Потаскали, потаскали и отстали. Прислуга разбежалась, а те, кто сейчас в усадьбе живёт, позже приехали. Мы с Мухановым только и остались из старых жителей.

- Как же его-то в покое оставили?

- А кто знал, что он первейший слуга твоего батюшки? Конюх и конюх. Тем более калека, пострадавший от империалистической войны.

- Отец рассказывал, как Муханов его из-под обстрела в шестнадцатом году вынес, тогда и ногу потерял, но отца спас. Выходит, дважды ему батя своей жизнью обязан.

- Ничего, зато он при жизни барина как сыр в масле катался, даром, что конюхом числился.

- Да, отец хотел его приблизить, но он тогда упёрся: «Хочу быть рядом с Орликом». Так и остался при конезаводе, около своего Орлика. Если бы не Ор-

лик... На нём весь конезавод держался. Большевики, как пришли, наверное, сразу всех коней национализировали.

- Не совсем. Образовали коммуну «Красная Заря». Кони вроде как общими стали. Для всех трудящихся.

- Значит, голытьба стала владеть элитными жеребцами.

- Выходит так. А как же Орлик?

- Орлик? Уже в двадцатом настигла пуля. Тогда я первый раз увидел, как отец плакал. Умный был конь. Вот ведь никогда не давался в упряжь, а Муханов что-то шепнёт, погладит, и тот не шевельнётся, пока в бричку запрягают. Давай выпьем за его широкою конскую душу. Как он летел мимо партизанского разъезда, никогда не забуду.

Лебедев выпил, поставил стакан и, опустив голову, внезапно заплакал. Мельник от неожиданности поперхнулся, но промолчал. Пётр громко всхлипнул и, не поднимая головы, заговорил трезвым голосом:

- Ты вот что, Малофей Иванович, перестань меня Петром называть. Для всех я Иван Рябов, сын твоего брата Селивёрста, сгинувшего в революцию. И приехал к родственнику, прослышав о наборе комсомольцев поднимать Сибирь. Мне и на учёт встать надо, как члену РКСМ. А работать я могу. Кем только я не был за годы скитаний по чужбине. Так что устрой меня в коммуну. К Муханову поближе.

- Так нет уже коммуны на вашей даче. Передохли почти все лошади. А коммуна распалась, осталась только одна конюшня. Теперь там государственное сельскохозяйственное предприятие.

- Вот как? – Лебедев удивлённо поднял голову. – Не пошли впрок наши лошадки большевикам. А кто же руководителем на том предприятии?

- Приезжий. Бывший уполномоченный ОГПУ Клемешев Пётр Панфилович. Въедливый мужик. А коммуна только на Вагановке. Клемешев оттуда всех работников, живущих в усадьбе, перетянул к себе. Ещё комсомольцы с ним прибыли. И хозяйство он расширяет. Так что работы хватает.

- Это здорово. Мне бы только с Мухановым свидеться. Работы я не боюсь. И давай спать. Завтра мне с Клемешевым встречаться.

- Хорошо, племяш. Ложись, я тебе на печи постелил, - мельник усмехнулся.

11. Воскресник

Утром Лебедев отправился в контору. Пересекая небольшую улицу, на которой стояло несколько деревянных барачков, он с удивлением отметил, что

идёт работа по строительству новых зданий. Поодаль молодые парни рыли глубокие ямы. Тут же два человека пилили брёвна на доски. Три девушки в красных платочках, весело переругиваясь, что-то варили в больших котлах, подвешенных на треноги. Работа явно спорилась.

Бывший барский дом выделялся не только своими размерами, но и тем, что над входом развевался красный флаг, а над дверью красовалась самодельная вывеска, на которой большими буквами было выведено: «КОНТОРА».

Лебедев вошёл в дом, с горечью замечая изменения, произошедшие за годы его отсутствия. Пройдя боковым входом в бывшую половину, предназначенную для слуг, он уткнулся в дверь с табличкой: «Управляющий, Клемешев П. П.» Когда-то это была кухня, разделённая на две половины. Постучав в дверь, услышал «войдите», произнесённое женским голосом. Перешагнув порог, Пётр столкнулся с невысокой девушкой в красном платке. В руках она держала кисточку и банку с краской. Возле стены лежал кусок картона, на котором красными буквами было выведено: «Даёшь...». Лебедев растерянно оглянулся:

- А где...? – тихо спросил он.

- Тебе Пётр Панфилович нужен? Он в следующей комнате, а здесь пока комитет комсомола. Я секретарь ячейки. Ты комсомолец? – затараторила девушка.

- Ну да, мне бы к управляющему.

- Ты сейчас к нему иди, а то он собрался уезжать, а потом ко мне. Сразу на учёт встанешь, и с жильём определимся. Тебя как зовут? – девушка выпалила всё это на одном дыхании.

- Рябов Иван, – Лебедев не переставал удивляться напористости незнакомки. Та протянула руку:

- А я – Маруся Стадникова. У тебя как с грамотой?

- Вроде, нормально, – Пётр вспомнил гувернантку в доме отца, которая постоянно ругала за плохой почерк.

- Вот и хорошо. У нас сегодня воскресник, надо воззвание написать, а у меня грамотёшка хромает. Два года ликбеза. Писать и читать научили, и на том спасибо. Поможешь?

- А что надо написать? – Лебедев только теперь обратил внимание на измазанные краской ладони девушки.

- «Даёшь индустриализацию». «Даёшь» я ещё с горем пополам написала, а вот «индустриализацию» никак не могу, боюсь, ошибок наделаю. Уж больно мудрёное слово. Так можешь?

Лебедеву изрядно надоела болтовня новой знакомой, и он невольно оглянулся на дверь кабинета управляющего. Видя его нетерпение, та сжалилась и махнула рукой:

- Ладно, потом поговорим, иди к управляющему.

Девушка приоткрыла дверь и звонким голосом крикнула:

- Пётр Панфилович! К Вам посетитель!

- Пусть заходит! - раздалось из соседней комнаты.

Лебедев переступил порог и почти столкнулся с представительным мужчиной, одетым в полувоенный костюм, брюки которого были заправлены в яловые сапоги. Мужчина обернулся и вопросительно посмотрел на вошедшего:

- Я тебя слушаю.

- Вот, - смутился Пётр, - прибыл на работу по комсомольской путёвке.

Лебедев протянул документы. Управляющий внимательно прочитал направление, затем пристально взглянул на парня. Тот потупился, не выдержав напряжения, и, смутившись, кашлянул в кулак.

- Что прибыл - хорошо. Нам рабочие руки во как нужны. Ну а специальность у тебя какая-нибудь есть? - Клемешев ещё раз бросил взгляд на документы.

Лебедев, как бы смешавшись от прямого вопроса, чуть слышно ответил:

- Специальность у меня не совсем для сельской местности. Я пять лет в вагонном депо кузнецом работал.

Это была единственная правда, которую сегодня произнёс Пётр, и, кажется, она как раз пригодилась, потому что управляющий обрадовано вскинулся:

- Да как же не для сельской местности! Очень даже для сельской! Мы сейчас без кузнеца задыхаемся! Ты сможешь коней подковывать?

- Пару раз приходилось. Вроде никто не жаловался.

Лебедев гордо поднял голову, вызвав у собеседника невольную улыбку:

- Вот и прекрасно! Прямо сейчас принимай кузницу. С жильём Маруся определит. Она в соседней комнате, я тебя с ней познакомлю.

Лебедев смешался, соображая, как бы неосторожным словом не выдать истинную цель своего приезда. Немного растягивая слова, он произнёс:

- Не надо, мы уже познакомились. А жить у меня есть где. Я на мельнице остановился, у дяди.

- Вон оно что! Так Малофей Иванович - твой дядя?

- Ну да. Я через него и узнал, что здесь рабочие руки нужны. Вот и приехал, - уже более уверенно проговорил Пётр.

- Отлично. А то знаешь, у нас напряжёнка с жильём, а так одной проблемой меньше, - облегчённо вздохнул Клемешев, не замечая замешательства мо-

лодого человека. – Ты вот что, располагайся тут самостоятельно. Если что, Маруся покажет. Правда, показывать особо нечего – всё на виду, а мне ехать пора.

Клемешев позвал Марусю, коротко объяснил, что надо делать, и уехал. Та тут же взяла молодого человека в оборот. Вдвоём они раскрасили плакат, и Маруся тут же оформила учётную карточку. Лебедеву не терпелось заняться кузницей, и он постарался как можно быстрее избавиться от болтливой девушки. Маруся стала уговаривать его пойти на воскресник, а заодно познакомиться с комсомольцами. Но Пётр настоял на том, что кузница важнее. Стадникова не возражала, так как знала, что управляющий уже давно подыскивал того, кто мог бы заняться кузнечным делом. Проводив Петра, она вернулась к комсомольцам.

12. Встреча

Оглядев со всех сторон навес и сруб кузницы, Лебедев отметил, что сооружение довольно старое, но построено основательно, только дверь была прилажена кое-как и болталась на честном слове. С малолетства он помнил, как пожилой бородатый цыган, по пояс голый, лупил по наковальне, как мать грозила, что он крадёт непослушных детей, а затем продаёт на ярмарке в городе. Поэтому ребятня обходила кузницу стороной, заглядывая издали в открытую настежь дверь, откуда шёл жар и слышались удары молота о наковальню. Сейчас внутри пахло сыростью и забвением. Как и прежде на земляном полу стоял обрубок громадного пня с прикреплённой наковальней, в углу виднелся горн с широкой вытяжкой. Кругом в беспорядке валялись куски железа, древесный уголь и кузнечные инструменты. Части из них требовался ремонт, но это не пугало. Лебедев умел приложить руки к любому делу.

Перво-наперво Пётр прибрал инструмент, сложил в угол железный лом и как мог подмёл мусор, отделив в корзину уголь. Затем почистил горн и остался доволен проделанной работой. За делом пролетел день, поэтому разжигать горн он не стал и пошёл спать на мельницу.

Вечер прошёл в воспоминаниях, легли поздно, но Руленко поднял постельца ни свет ни заря. Пётр, поигрывая мускулами, спустился к реке, обмылся до пояса и отправился в кузницу. Первым делом он разжёл горн и принялся выправлять покорёженный инструмент. Звонкие удары молота о наковальню весело разнеслись по посёлку. Ожившая кузница обрадовала жителей. Народ потянулся на звуки. Первым притащился конюх. Оглядел полки с нехитрым инструментом, сваленное в углу железо, жаркий огонь горна и довольно поцокал языком. Потолковав с хозяином кузницы о дальнейшей работе, поковылял в

конюшню. Лебедев с радостью отметил, что Муханов его не узнал, значит, можно спокойно ходить по посёлку, не опасаясь чужих взглядов. Зашёл Клемешев, похвалил за порядок и дал задание изготовить два лемеха для осенней пахоты. Заглядывали любопытные крестьяне и, оглядев кузницу, быстро уходили.

После обеда, когда схлынули последние посетители, конюх привёл подковать прихрамывающую кобылу. Привязав лошадь в станке, он зашёл в кузницу и завёл разговор о предстоящей разработке целика за посёлком. Потом, как бы опомнившись, развязно спросил:

- А как тебя звать-величать, отрок?

Лебедев молча вытер руки ветошью, лежавшей на полке рядом с инструментом, подошёл ближе и заговорил:

- Не признал, Ефим Иванович. Это хорошо. Хотя ты всегда хвалился отменной памятью. Даже и не знаю, как тебе представиться? Прежним именем или новым?

Муханов пристально взгляделся в лицо кузнеца и, отпрянув, перекрестился:

- Петька!? Неужто!?

- Тише ты. Зовут меня Рябов Иван. Прибыл по комсомольской путёвке, а заодно и дядьку навестить, Малофея Ивановича Руленко. Сейчас у него проживаю.

- Господи! Петька! Живой! А как же благодетель мой, Алексей Михайлович?

- Нет благодетеля. Три года как скончался. Царствие ему небесное.

Конюх снова стал креститься, беззвучно шевеля губами.

- Перестань ты креститься. Перед тобой не просто Иван Рябов, а комсомолец Рябов, и я не допущу мракобесия, – рассмеялся Пётр.

Муханов всхлипнул и вытер проступившую слезу:

- Как же ты, Петенька, вернулся? Я уж думал, вы сгинули тогда. Это ж какая перестрелка была: головы не поднимешь.

- Орлик твой вынес. Не он, лежать бы нам под дачей Ломова. Уже и косточки бы мои сгнили.

- Как он, мой Орлик?

- Под Иркутском пал смертью храбрых. Ещё в двадцатом. Отец долго убивался.

- Вот как оно вышло. Значит, мой Орлик верой и правдой служил Алексею Михайловичу? – конюх снова смахнул с глаз слёзы.

- Ну, хватит воспоминаний. Я не для того рисковал, чтобы с тобой мемуары здесь расписывать. Ты вот что, Ефим Иванович, возьми ту бумагу, что отец мой дал, и вечером, чтобы никто не заметил, приходи на мельницу.

Муханов как-то весь сник и дрожащим голосом пролепетал:

- Не сберёг я ту бумагу.

- Ты что лепечешь, чёрт одноногий?! Мне же отец сказал, клятву страшную с тебя взял, что ты сохранишь бумагу до лучших времён, – Лебедев схватил конюха за грудки.

- Не вини ты меня, Пётр Алексеевич. Время-то какое было. Я не раз с жизнью прощался. В двадцать четвёртом ГПУшники нагрянули с обыском. Кто-то из бывшей прислуги болтнул, что барин, перед тем как сбежать, золото на даче припрятал. Всё перевернули вверх дном. Меня на допрос трижды таскали. Вот тогда я и сжёг бумагу. Пять лет ведь прошло. Я думал: Алексея Михайловича уже и на свете нет. А эти наганом грозились: «Где схорон золота?»

- Ну а ты?

- Что я? Какой спрос с конюха? Нашли бы бумагу, тут же к стенке. У них разговор короткий. После первого же допроса я и сжёг её.

Лебедев обхватил голову руками и бессильно опустился на скамью. Слов не было. Все мученья последних месяцев были напрасны. Одна надежда: Васька Ломов всё-таки найдёт отцовский клад, и они смогут благополучно перейти границу. Из груди вырвался стон. Пётр сидел, раскачиваясь из стороны в сторону: то, ради чего он так рисковал, на что надеялся, рухнуло. Вдруг конюх тронул его за плечо:

- Не кручинься, Пётр Алексеевич. Ты же знаешь: память у меня хорошая. Запомнил я, что на той бумаге было. Нарисую все эти закорючки, а ты уж разбирайся, что к чему.

Пока до Лебедева доходили слова конюха, тот уже исчез. Пётр поднялся и, немного покачиваясь, подошёл к наковальне. Уставившись на огонь еле теплящегося горна, с остервенением принялся раздувать угли. Затем, схватив подвернувшуюся железяку, нагрел добела и со всей силы начал молотить по ней кувалдой. В это время вернулся Муханов и молча встал поодаль. Немного подождав, кашлянул в кулак, напоминая о своем присутствии. Кузнец опустил кувалду и вопросительно взглянул на конюха.

- Ванюша, а как бы мне лошадь подковать? – улыбаясь, спросил тот.

13. Тайные знаки

Поздним вечером конюх постучал в окно избушки при мельнице. Мельник, озираясь, впустил посетителя и тихо спросил:

- Что так поздно?

- Не мог раньше. Комсомольцы по улице ходят, песни горланят. Им завтра на работу, а они знай горло дерут. Пришлось следить, пока разойдутся.

- Ну, проходи, заждались уже тебя.

Хозяин посторонился, пропуская гостя, а сам вышел прикрыть ставни. Обойдя вокруг дома, немного постояв на крыльце и убедившись, что никого поблизости нет, вошёл, заперев дверь на засов. За столом при свете керосинки уже сидели Муханов и Пётр. Перед ними лежал лист бумаги, вырванный из большой амбарной книги, в которую мельник раньше записывал приход зерна и количество пудов смолотой муки. Конюх химическим карандашом рисовал не то схему, не то карту, при этом вполголоса комментируя рисунок:

- Вот с этой стороны такая извилистая линия. Написано: «Бар». А дальше квадратик с надписью: «Конь».

- Ты, Ефим Иванович, точно запомнил надписи? Сколько лет прошло, – усомнился Лебедев.

- Да точно. Как перед глазами эти надписи. Вот только слово «Конь» без мягкого знака. А поодаль ещё квадратик без надписи, только сверху написано: «звен», и возле этого квадратика вот такая загогулина, и от этой загогулины стрелка. А ниже – три прямоугольника. Вот, всё точно.

- Ничего не напутал? – Лебедев стал внимательно разглядывать схему.

- Обижаешь, Пётр Алексеевич. Ежели что у меня в памяти отпечаталось – считай, на всю жизнь.

- Ладно, не сердись, Ефим Иванович. Это я так, на всякий случай. Спасибо тебе, что в памяти сохранил отцовскую весточку, и за то, что жив остался, – Пётр в пояс поклонился конюху и обнял его. У того на глазах выступили слёзы:

- Да что уж там. Алексей Михайлович меня облагодетельствовал, неужто я для его сына такую малость не сделаю.

- Слезливый ты стал, Ефим Иванович.

- Старею, Петенька. Да и от твоего отца я только добро видел, вот и прослезился.

- Ну, ступай, Ефим Иванович, а то неровён час, кто увидит.

Муханов ушёл, постукивая деревяшкой, а Лебедев стал думать, склонившись над картой. Мысли путались в голове, блуждая по карте. Было понятно, что это схема расположения дачи. «Бар» – река Барлак, «Кон» – конюшня. По-

нятно, что стрелка указывает на кузницу. А что означает загогулина и слово «звен»? Что в кузнице может звенеть? Надо ещё и ещё раз перепроверить. Хотя он, раскладывая нехитрый кузнечный инструмент, ничего такого не заметил.

На следующий день Пётр пришёл пораньше. Разжёл горн и присел на скамью. Что может в кузнице звенеть? Любой инструмент, изготовленный из железа. Тщательно осмотрев все детали, он залез на скамью и стал постукивать по вытяжке горна: та издала глухой звук. Звона не было. Он внимательно осмотрел стены кузницы. Нигде даже намёка на что-то звенящее. Тут взгляд Лебедева упал на прикрепленную к стене цепь. На цепи висел короб с углём. Может, «звен» – это звено цепи? Но что может сказать одно звено? Пётр отцепил короб и принялся осматривать звенья. Тщательно всматриваясь в каждую еле заметную царапину, он не заметил, как расхлябанная входная дверь открылась, и в кузнецу вошёл управляющий. За осмотром цепи его и застал Клемешев:

- Иван! Молодец, порядок наводишь. Бросай приборку. Надо нарубить три десятка гвоздей. Комсомольцы фундамент коровника заложили, ни сегодня завтра третий венец будут класть, а там окна пойдут, двери.

Лебедев остолбенел, поражённый внезапной мыслью. Видя, что кузнец его не слушает, управляющий громко окликнул того:

- Рябов! Ты о чём думаешь? Ты что, нездоров?

- Нет-нет, просто одна идея возникла, – поспешил оправдаться Пётр.

- Ты свои идеи пока прибереги, гвозди сейчас важнее.

- Нарублю я гвоздей, не беспокойтесь, Пётр Панфилович, – Лебедев стал рассеянно перебирать инструмент. – Сколько надо штук?

Клемешев удивлённо посмотрел на кузнеца:

- Ты точно не болен? Тридцать, может сорок. Всё равно пригодятся.

Лебедев понял, что допустил оплошность, и заторопился:

- Хорошо. К вечеру будут готовы.

- Ну, вот и лады.

Клемешев вышел, а Пётр снова сел на скамью и стал лихорадочно размышлять: «Вот она, разгадка. Какой же я осёл! Почему я решил, что надо искать внутри кузницы? Искать надо снаружи. Отец не дурак прятать золото в помещении. Здесь же видно всё. Что, если на карте не звен, а 3 вен? Тройку от буквы з не отличить, вот Муханов и подумал, что написано «звен». То есть третий венец сруба. А загогулина? Надо сначала осмотреть венцы сруба кузницы.

Лебедев вышел, оглянувшись по сторонам, аккуратно притворил хлипкую, разболтанную дверь, зашёл за угол, якобы по нужде, и, обойдя избу кузницы, увидел на третьем венце задней стены отчётливый знак, рядом еле замет-

ная стрелка указывала направление вниз. Витиеватая загогулина так явно проступала, выделяясь на сером фоне бревна сруба кузницы, что Лебедев даже испугался. Ему показалось, что этот знак виден отовсюду, и клад давно найден. Но, взяв себя в руки, Пётр спокойно вошёл в кузницу и принялся рубить гвозди. Сердце рвалось из груди, трудно стало дышать, но он заставил себя успокоиться. Надо дождаться ночи и выкопать клад, а потом бежать в город. Если Ломова на месте не окажется, значит, что-то случилось, и тогда уж бежать до самой границы. В разгар работы зашёл Муханов. Видя, что идёт работа, конюх хотел уйти, но Лебедев жестом остановил его. Закончив рубить гвозди, кузнец вполголоса заговорил:

- Ефим Иванович, дорогой ты мой спаситель, кажется, я нашёл то, что искал. Сегодня ночью я уйду. Рано или поздно чекисты на тебя выйдут. Если есть куда скрыться, то я тебя прошу бежать, и бежать немедленно. Если вдруг ты сможешь перейти границу, в чём я сомневаюсь, но чем чёрт не шутит, найди меня в Харбине.

Муханов что-то хотел сказать, но, махнув рукой, сначала обнял Петра, потом, отстранив от себя, троекратно перекрестил и, не проронив ни слова, вышел.

До поздней ночи горел огонь в кузнице и раздавались равномерные удары молота и глухие звуки кувалды. Заглянувший на огонёк Клемешев, увидев такое рвение к работе, покачал головой, но ничего не сказал и ушёл спать. Дождавшись полной темноты, Лебедев потушил горн, вышел, оглянувшись по сторонам, прислонил к двери кузницы доску, указывая, что там никого нет и, ещё раз взглядевшись в пустынную улицу, присел у задней стены. Затем он принялся осторожно копать заранее приготовленной лопатой под еле заметным в свете луны знаком. Через полметра натолкнулся на что-то твёрдое. Пётр отбросил инструмент и начал выгребать землю руками. В яме оказался портфель. Пётр потянул за ручку, отчего тот разорвался, и на земле засверкали золотые царские червонцы. Собрав монеты в вещмешок, Лебедев минуты три прислушивался к ночным звукам, а затем, взвалив тяжёлую ношу на плечи, быстро зашагал к мельнице. В ту же ночь он ушёл из посёлка.

Утром следующего дня пришедшие за гвоздями комсомольцы, не дождавшись кузнеца, пошли к управляющему. Клемешев отправил посыльного на мельницу, но там никого не оказалось. Руленко исчез вместе с племянником. Во время осмотра кузницы кто-то обратил внимание на яму позади строения. Рядом валялся полусгнивший портфель. Когда подняли портфель с земли, из него выпал золотой царский червонец. Вызванный из города уполномоченный

ОГПУ долго допрашивал всех, с кем общался кузнец, а это были все жители посёлка. Тогда и выяснилось, что конюх тоже исчез.

Через месяц Муханова опознали в Новосибирске. На допросе он рассказал все подробности приезда сына помещика. За пособничество дали ему пять лет, и больше никто конюха не видел. Постепенно случай забылся, и только Маруся Стадникова иногда вздыхала, вспоминая статного молодого человека, который так здорово рисовал. Но и её захватили новые дела. Посёлок расширился. Приезжали новые люди. В основном, это были комсомольцы, и работы в ячейке прибавилось. Полевые работы закончились. Все силы молодёжи были перекинута на благоустройство жизни. И в конце концов пришло время подводить итоги. В один из осенних дней, по просьбе управляющего, Маруся наметила комсомольское собрание.

14. Первые успехи

Собрание проходило в новом здании только что отстроенного клуба и отличалось особой торжественностью. На сцене, за столом, покрытым красным кумачом, расположились секретарь райкома комсомола, управляющий и Маруся Стадникова. Комсомольцы расселись в зале на первых скамейках. Собрание считалось открытым, поэтому позади комсомольцев на отдельных стульях примостились приглашённые местные активисты. Когда все расселись и шум стих, Маруся торжественно объявила:

- Товарищи! Сегодня у нас необычное собрание! Мы открываем новый клуб! Теперь не надо бегать в соседнее село на буржуйские посиделки. Советская власть и наш вождь товарищ Сталин проявляют заботу о всей молодёжи страны. Забота выражается не только в предоставлении комсомольцам неограниченных возможностей, но и в конкретных делах. Пример – вот этот подарок: новый клуб!

При этих словах зал заплодировал и зашумел. Перекрывая шум, Маруся снова заговорила:

- А теперь слово предоставляется нашему управляющему, Петру Панфиловичу Клемешеву.

Клемешев встал, одёрнул френч и, прокашлявшись, начал говорить:

- Товарищи! Разрешите поздравить вас с присвоением нашему государственному предприятию имени «Совхоз номер семьдесят восемь»!

Комсомольцы вскочили со своих мест и заплодировали. Клемешев дождался тишины и продолжил:

- Я рад сообщить, что сегодня мы не только отмечаем открытие клуба, который переходит в ваше полное распоряжение. Для вас приготовлен подарок райкома комсомола. О нём скажет инструктор райкома товарищ Баев.

Из-за стола вышел молодой человек в гимнастёрке военного покроя, перетянутой офицерским ремнём. Он весь светился сытостью и довольством, пухлые щёки покрывал яркий румянец:

- Товарищи! – фальцетом начал инструктор. – Райком комсомола по текущей проверке определил лучшую работу среди сельских ячеек! По результатам проверки постановил признать одной из наилучших комсомольскую ячейку теперь уж «Совхоза номер семьдесят восемь».

Раздался первый хлопок, после которого все присутствующие бурно зааплодировали. Переждав аплодисменты, инструктор продолжал:

- Это признание, товарищи, райком подтвердил материально, наградив вашу ячейку патефоном!

Он торжественно подошёл к столу и представил на всеобщее обозрение небольшой ящик. Комсомольцы повскакали с мест, стараясь поближе рассмотреть подарок. Поднялся невообразимый гвалт. Маруся с трудом успокоила собрание. Когда все расселись по местам, представитель райкома вытащил из портфеля картонную коробку и вручил Стадниковой:

- Ещё к патефону прилагается три пластинки: вальс, краковяк и русские народные песни. Я думаю, на первое время вам хватит для организации вечеров.

Вновь раздался гром аплодисментов. В это время управляющий что-то проговорил инструктору на ухо, тот поднял руку, и, когда шум успокоился, торжественно объявил:

- Товарищи! Пётр Панфилович просит слово! Дадим ему?

Раздались возгласы: «Конечно! Дадим!»

Клемешев вышел из-за стола, взял лежавший рядом на стуле свёрток и, смущенно кашлянув в кулак, обратился к залу:

- Я пока не привык вручать подарки, но думаю, это дело времени. Мы ещё не так богаты, но руководство совхоза нашло кое-какие резервы и решило наградить вашего секретаря, Стадникову Марию, которая, кроме всего, является ещё и передовой дояркой. Так что, Маша, от имени руководства вручаю тебе отрез ситца.

Управляющий под гром аплодисментов вручил свёрток Стадниковой. Маруся от смущения покрылась красными пятнами.

По окончании комсомольского собрания по традиции начались танцы. Местный парень расположился на сцене и заиграл на гармошке, но Маруся уже

открыла крышку патефона и взмахом руки остановила гармониста. Присутствующие увидели, как она поставила пластинку. Клуб наполнился звуками вальса. Это было так неожиданно, что вначале все замерли. Парни и девушки стояли и слушали. Затем Алексей Бугаев, как бы в шутку, поклонился сестре, приглашая на танец, и они вихрем закружили посреди помещения. Это был сигнал, на который откликнулись все комсомольцы. Даже те парни, которым не хватило девушек для пары, схватили друг друга и завертелись, изображая немислимые па.

15. Мечь

В разгар танца распахнулась дверь и в клуб влетела растрёпанная Марфа Агафонова. Первой Марфу увидела Маруся Стадникова, стоявшая на сцене. Она поняла, что случилось что-то ужасное, и остановила музыку. В тишине раздались недовольные возгласы, но Маруся уже бежала к подруге, расталкивая остановившиеся в танце пары. Та, наконец, пришла в себя и выдохнула:

- Телятник горит!

Толпа кинулась в двери. Телятник находился рядом с клубом. Языки пламени подбирались совсем близко к зданию, поэтому все дружно начали заливать деревянные стены клуба. Лишь убедившись, что клуб вне опасности, комсомольцы переключились на остатки телятника и принялись растаскивать тлеющие брёвна. Постепенно бегающие огоньки затухли, только то там, то тут раздавался треск и едва теплящееся бревно испускало веер искр.

Клемешев позвал Агафонову в контору для дачи показаний. Марфа, плача и заикаясь, рассказала, как принимала сложный отёл. Телёнок шёл ногами вперёд и мог задохнуться, поэтому занятая им Марфа не сразу заметила огонь. А когда увидела, было уже поздно: пламя было слишком сильным. Телятница побежала в клуб звать на помощь и в это время увидела какого-то человека, бегущего от телятника. Ей показалось странным, что человек бежал не к пожару, а от него. Тогда Агафоновой было не до него, так как огонь мог перекинуться на здание клуба, и Марфа поспешила предупредить комсомольцев. Только сейчас она сообразила, что это мог быть поджигатель.

Управляющий позвонил в горотдел ОГПУ. Поговорив с уполномоченным, он успокоил Марфу и распорядился, чтобы определились с вещами для семьи, так как у Ширинкиных всё сгорело.

Утром приехал следователь. По некоторым приметам он сразу определил, что был, действительно, поджог. Так как к клубу нельзя было подобраться незаметно, бандиты решили поджечь телятник. Они всё рассчитали: ветер, дуо-

щий в нужном для них направлении, быстро перенёс бы огонь на новое здание. Но они не предполагали, что кто-то мог быстро заметить огонь. Если бы план поджога удался, то вместе с телятником сгорел бы и клуб.

Позже подъехал уполномоченный ОГПУ*. О чём-то поговорив с управляющим, он, не задерживаясь, отправился в райцентр.

В это же время Тарас Сизов выслушивал доклад повстанцев о попытке поджога клуба. Мужики оправдывались, что не смогли незаметно подойти к зданию из-за постоянного передвижения народа. А когда удалось поджечь телятник, какая-то девка выскочила неизвестно откуда и заголосила диким голосом, поэтому пришлось спешно удирать. Тарас зло выругался, но потом, успокоившись, решил, что надо действовать более обдуманно и тщательно готовить акты возмездия.

Неделю, другую Сизов обдумывал, как действовать дальше. В ближайшие поселения рассылалась разведка, которая собирала данные об охране складов и работе комсомольцев на местах. Мужики уже стали ворчать, что так можно и мхом обрасти или разжиреть от безделья. Но Тарас всё медлил. Наконец, собрав достаточно сведений, он созвал небольшое совещание. Изложив свои соображения, предложил одновременно запалить в нескольких местах, убрав охрану. При этом воспользоваться паникой и вывести часть конфискованной продукции, скопившейся в амбарах.

Ночью запылали склады Покровки, Вагановской коммуны и Ломовской дачи. Были убиты сторожа из числа комсомольцев. Но предыдущая попытка поджога кое-чему научила Клемешева, поэтому он каждую ночь выставлял усиленный скрытный патруль. В результате осодмиловцам совхоза удалось отбить нападение неизвестных.

16. Разгром «армии» Сизова

Участившиеся поджоги и убийства комсомольцев не на шутку встревожили краевое руководство. На внеочередном пленуме Новосибирского крайкома ВКП(б) секретарь товарищ Косиор подверг резкой критике подконтрольные сельские советы. Особенно досталось руководству Барлакского района, который обвинялся в недооценке событий и полном бездействии.

После этого в кратчайшие сроки был собран отряд ОГПУ из пятидесяти штыков во главе с уполномоченным особого отдела, товарищем Мезисом Михаилом Емельяновичем, который прекрасно знал местные условия. Отряду выделили два пулемёта со склада военкомата и неограниченное число патронов. При этом указывалось: стрелять на поражение и патронов не жалеть.

Отряд спешно выступил в район коммуны «Красный Трудовик». Прибыв в коммуну, Михаил Емельянович заперся с Макаровым в конторе и два часа обговаривал детали захвата и уничтожения банды. Благодаря местным жителям была известна как примерная численность повстанцев, так и место базирования отряда. В конечном итоге Макаров вызвал для беседы десять наиболее надёжных коммунаров, и уполномоченный выдал каждому трёхлинейку с двадцатью патронами. Разъяснив задачу, он зачитал приказ о полной ликвидации банды и, в случае необходимости, стрельбе на поражение. При этом с каждого была взята расписка о неразглашении, и отряд тайно выступил к месту, где скрывалась банда.

На рассвете бойцы рассредоточились на окраине леса, примыкающего к заброшенной мельнице Сизовых. Чтобы повстанцы не смогли перейти реку, Мезис приказал добровольцам из Вагановской коммуны во главе с Макаровым залечь вдоль берега. Часть бойцов с двумя пулемётами перешла реку и залегла на опушке леса с противоположной стороны. Один пулемёт он приказал спрятать на въезде, второй – на выезде с мельницы. Таким образом, все ходы сизовцам были прочно перекрыты. Стояла тишина. Слабый ветерок шевелил листву деревьев, не нарушая спокойствия окружающего леса. Иногда раздавался всплеск воды в запруде и слышались вскрики лесной птицы. Лёгкий утренний туман ещё не сошёл с реки и закрывал подступы к плотине. Посланные уполномоченным разведчики спокойно перешли по ней реку и сняли дремавшего у заброшенной мельницы часового. Спустя некоторое время Мезис подал знак Макарову и коммунары принялись кричать громовыми голосами и стрелять из винтовок. Перепуганные полуголые повстанцы начали выскакивать из здания разрушенной мельницы и бежать врассыпную к опушке леса, где, казалось, было спасение. Белое исподнее бельё ярко выделялось на фоне зелёной травы, представляя хорошие мишени для красноармейцев. Когда толпа уже приближалась к деревьям, где залегли бойцы, Мезис приказал открыть огонь. Раздался дружный залп, и одновременно заработали оба пулемёта. Бой был скоротечным. Это даже был не бой, а кровавая бойня. Двадцати минут хватило, чтобы уничтожить отряд повстанцев. Когда винтовочные залпы и стрёкот пулемётов замолкли, установилась звенящая тишина. Даже вода в реке затихла, боясь шевельнуться для продолжения бесконечного потока.

Минут пять на поляне перед мельницей не видно было никакого движения. Только белые пятна трупов напоминали о побоище. Затем из леса боязливо стали появляться красноармейцы. От опушки бежал уполномоченный. Он что-то кричал, глядя в сторону коммунаров, и радостно смеялся. Макаров понял, что всё закончилось, отложил в сторону револьвер, вытащил кисет и принялся

скручивать самокрутку. Внезапно его внимание привлёк шорох, раздавшийся сзади. Он оглянулся и встретил взгляд Сизова. Тарас криво усмехался и направлял на него обрез винтовки. Макаров дёрнулся, потянувшись к револьверу, но Тарас выстрелил. Пуля попала точно в сердце. Алексей Фёдорович упал. Почти одновременно прозвучал винтовочный выстрел коммунара, который поздно заметил опасность. Смертельно раненный Сизов попытался передёрнуть затвор, но сил больше не было, и, выронив из рук обрез, он медленно опустился рядом с Макаровым. Подбежавший коммунара хотел ещё раз выстрелить, но, видя, что изо рта Тараса потекла струйка крови, а из ослабевшей руки выпал обрез, опустился на колени и принялся расстёгивать френч на Макарове. Сняв кепку, он прислонился ухом к груди и, не услышав биения сердца, встал и молча склонил голову. Сзади столпились коммунары. Подбежавший Мезис велел отнести Сизова к остальным повстанцам, которых красноармейцы грузили на подводы. Коммунары на руках понесли своего командира на Вагановку. Когда поляна опустела, поднялся ураганный ветер и хлынул сильнейший ливень, смывая кровь, алевшую пятнами на зелёной траве. Через полчаса буря так же внезапно стихла, выглянуло солнце, и дождевые капли на листве засверкали под его лучами. Стало слышно журчание воды в реке. Вдали закуковала кукушка, равнодушно отсчитывая кому-то годы счастливой жизни.

17. Новая жизнь

Совхозные дни потекли в новых заботах. Комсомольцы перестали опасаться выходить в поле. Клемешева постоянно вызывали то в райком, то в исполком. Требовали, угрожали, иногда хвалили. Управляющий уже не обращал внимания на постоянные наезды различных инструкторов, которые в своих суждениях были далеки от реальности. Инструктора что-то требовали, кричали, размахивали резолюциями и решениями, а после небольшого застолья тихо убывали в город.

Однажды за стенами конторы Клемешев услышал шум колёс и конское ржание. Выглянув в приоткрытое окно, он разглядел знакомую бричку. Уполномоченный ОГПУ привязывал лошадь к столбу коновязи. Через минуту в коридоре послышались шаги и в кабинет шумно ввалилась знакомая фигура.

- Здорово, Клемешев! – раздался громкий голос. – Я смотрю, совхоз на ноги встаёт? Коровник заканчивают, телятник отремонтировали, две силосные ямы почти полностью готовы!

- Как видишь, работаем, – Пётр Панфилович радушно пожал протянутую руку.

- Я к тебе по делу.

- Ты, Михаил Емельянович, без дела не приезжаешь. Опять какую-нибудь пакость скажешь,

- Не совсем пакость, но есть и неприятный момент. Вначале о делах. Принимай в совхоз Вагановскую коммуну, а точнее, что от неё осталось.

- Не понял, – Клемешев от неожиданности присел на краешек стула.

- Что тут непонятного? Разбежалась коммуна.

- А Макаров?

- Нет больше Алексея Фёдоровича. Погиб от бандитской пули. Тарас Сизов, сволочь, срезал. Вот, понимаешь, какой расклад получается. А банду мы всю положили. Полгода охотились. Несколько раз на хвост гадюки наступали, но он успевал ускользнуть. У нас человек был на Ломовской даче, он и сообщал. А вышли мы на него через сына Ломова. Он к ним из-за кордона прибыл. Видал, как международный империализм сети раскинул. И до нас добрался. Наш человек его признал. Он до революции дворецким у Ломова служил, вот и признал сына. А тот из-за кордона для связи с Сизовым прибыл. Взяли мы его тёпленьким, он к лесничему помощником пристроился. Вроде как демобилизованный красноармеец. Когда мы ночью пришли, он со страху всю банду сдал. Сам стал выворачиваться, будто прибыл за добром отцовским, найти по приметам не смог. Врёт, сволочь. Ну ничего, у нас языки умеют развязывать. Выбьют правду.

Заключение

Тёплым июльским днём одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года на лавочке возле своего дома грелся на солнышке инвалид труда, бывший Яшка-комса Ширинкин Яков Матвеевич. Иссушённое тело инвалида просило тепла, а горло сдавливало астматическим кашлем. Пробитое вилами лёгкое так и не восстановилось, а на лечение требовались деньги, которых едва хватало на существование. Спасибо Советской власти, пенсия выплачивалась регулярно. За оградой на грядках возилась жена Якова, Марфа Игнатьевна. Семью надо было как-то кормить, и большой огород требовал постоянного ухода. Марфа после работы в совхозе вечерами и в выходные трудилась на подворье, не разгибая спины, отчего та согнулась и постоянно болела.

Заготовитель потребкооперации села Кубовая Ваганов Пётр Савельевич проезжал через село Сосновка, выросшее на месте дачи Лебедева. Пётр Савельевич восседал на бричке, свысока посматривая на местных жителей, презрительно сплёвывал, называя их по старой памяти «силосниками». Подъезжая к

окраине, он внезапно увидел знакомое, но сильно постаревшее лицо. Остановив лошадь, выхватил из-под пустого ящика, заменяющего сиденье, топор и кинулся к дому Ширинкиных. Из горла вырвался хрип:

- Яшка! Паскуда! Зарублю!

Как успела оказаться между ними Марфа Игнатьевна, она и сама потом не могла вспомнить. Но в тот момент сразу узнала бывшего «кулака» и в истерике кинулась ему в ноги:

- Пётр Савельевич! Не убивай! Развешь он виноват!?! Время-то какое было! Сын на отца шёл! Он же больной весь! Ты сам его чуть на тот свет не отправил!

Ваганов опомнился и опустил топор:

- Что, комса, построил светлое будущее? Ладно, не трону я тебя. Вижу, сам скоро сдохнешь.

Заготовитель презрительно сплюнул и пошёл к бричке.

Пояснения:

Атаман Семёнов Григорий Михайлович (1890–1946) – участник белого движения.

Бричка – лёгкая конная повозка.

Войцеховский Сергей Николаевич (1883–1950) – главнокомандующий Восточным фронтом (1920), участник Восточно-Сибирского ледового похода.

Вехотка – мочалка (сибирский говор).

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Гарнцевый сбор – взимаемая в натуральной форме плата за помол зерна и его переработку в крупу. Обязательный сбор гарнца в пользу государства был введен постановлением СНК СССР от 14 сентября 1928 г. Взимался с перерабатывающих предприятий всех форм собственности. Большая часть гарнца поступала в централизованный фонд. Для целей местного снабжения разрешалось использовать 10% от собранного по плану (данный объем предназначался исключительно для снабжения бедноты) и сверхплановое поступление.

Госхоз – В основе реформации земельного строя 20–30 годов лежала идея приоритетного положения в земледелии крупного государственного хозяйства (совхоза). Сельскохозяйственная кооперация крестьянства – колхозы – должна была в последующем трансформироваться в государственные хозяйства. Таким образом, была бы национализирована земля у крестьян (Декрет о земле не предусматривал национализации крестьянской земли, в противном случае не удалось бы партии большевиков одержать победу в гражданской войне и удержаться у власти).

Реформа земельных отношений характеризовалась следующими особенностями:

Укреплением правового статуса госхозов (совхозов) – государственных сельскохозяйственных предприятий:

- а) созданием условий для полного перехода к коммунистическому земледелию;
- б) созданием и развитием культурно-агрономических центров;

КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога. С 1924 года находилась в совместном управлении СССР и Китая.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – российский военачальник, полярный исследователь, гидролог, адмирал. В 1916–17 году командовал Черноморским флотом. Один из организаторов белого движения, установил военную диктатуру в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке (1918–1920г). По постановлению Иркутского ВЧК расстрелян.

Кулаки – Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» кулаки были разделены на три категории:

- первая категория – контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний,
- вторая категория – остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков,
- третья категория – остальные кулаки.

Лобогрейка – сенокосилка на конной тяге.

ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР, создано в 1922 году.

ОСОДМИЛ – общество содействия милиции (1928–1932 год), организация, созданная для охраны общественного порядка, позже преобразована в БРИГАДМИЛ (бригады содействия милиции) и в ДНД (добровольные народные дружины).

Под «правыми» извращениями понималось отрицание расслоения сибирской деревни, недообложение зажиточных крестьян налогами, сохранение за ними избирательных прав, продолжение их кредитования, машиноснабжения, агрообслуживания и т.п.

Пятикратка – налагаемый в соответствии со ст. 61 УК РСФСР за неисполнение «общегосударственных заданий» административный штраф в размере пятикратной стоимости невыполненного задания.

Сибкрайком – избран на 1-й Сибирской краевой партийной конференции, проходившей 8-11 мая 1924 г., вместо прекратившего свою деятельность чрезвычайного органа – Сиббюро ЦК РКП(б). Одновременно были избраны контрольная и ревизионная комиссии. Подчинялся ЦК ВКП(б).

Функции Сибкрайкома ВКП(б) – руководство партийными организациями на территории края по проведению в жизнь директив ЦК ВКП(б), выполнению народно-хозяйственных планов и культурному строительству в крае.

Станция Заводская – ныне Пашино, пригород Новосибирска.

Ставка на приоритетное развитие коммун была официально признана ошибочной в резолюции бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 10 апреля 1930 г.

Село Барлак – районный центр.

«Твёрдые задания» – в 1920–30 годах введены властью, с целью исправления сложного финансового положения. Они были обязательными и в течение времени увеличивались. «Твёрдые задания» касались кулаков, т. е. работающую и хорошо оснащённую группу крестьянства.

ЧОН (1917–1925) – части особого назначения, «боевые силы большевистской партии», организационно не входившие в Красную Армию.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД
Повесть

Посвящается трудпоселенцу (спецпереселенцу)*

пос. Новиково Нарымского края
Шкардуну Семёну Фёдоровичу,
расстрелянному 6 октября 1937 года.

Преамбула

Совершенно секретно

Экз № 1

30 июля 1937 г.

Гор. Москва.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С.С.Р.

№ 00447

об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов.

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков. Осело много, в прошлом репрессированных церковников и сектантов, бывших активных участников антисоветских вооруженных выступлений. Остались почти нетронутыми в деревне значительные кадры антисоветских политических партий (эсеров, грузмек, дашнаков, муссаватистов, иттихадистов и др.), а также кадры бывших активных участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и т.п.

Часть перечисленных выше элементов, уйдя из деревни в города, проникла на предприятия промышленности, транспорт и на строительства.

Кроме того, в деревне и городе до сих пор еще гнезятся значительные кадры уголовных преступников: скотоконокрадов, воров-рецидивистов, грабителей и др. отбывавших наказание, бежавших из мест заключения и скрывающихся от репрессий. Недостаточность борьбы с этими уголовными контингентами создала для них условия безнаказанности, способствующие их преступной деятельности.

Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства.

В соответствии с этим **ПРИКАЗЫВАЮ: С 5 АВГУСТА 1937 ГОДА ВО ВСЕХ РЕСПУБЛИКАХ, КРАЯХ и ОБЛАСТЯХ НАЧАТЬ ОПЕРАЦИЮ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, АКТИВНЫХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ и УГОЛОВНИКОВ.**

При организации и проведении операций руководствоваться следующим:

I. КОНТИНГЕНТЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ РЕПРЕССИИ.

1. Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания и продолжающие вести активную антисоветскую подрывную деятельность.

2. Бывшие кулаки, бежавшие из лагерей или трудпоселков, а также кулаки, скрывшиеся от раскулачивания, которые ведут антисоветскую деятельность.

3. Бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою преступную антисоветскую деятельность.

II. О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ РЕПРЕССИРУЕМЫМ.

1. Все репресслируемые кулаки, уголовники и др. антисоветские элементы разбиваются на две категории:

а) к первой категории относятся все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов. Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках, РАССТРЕЛУ;

б) ко второй категории относятся все остальные менее активные, но все же враждебные элементы. Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них, заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки.

4. Семьи приговоренных по первой и второй категории, как правило, не репрессировываются.

5. Все семьи лиц, репрессированных по первой и второй категориям, взять на учет и установить за ними систематическое наблюдение.

III. ПОРЯДОК ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИИ.

1. Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок.

2. В первую очередь подвергаются репрессиям контингенты, отнесенные к первой категории.

Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения репрессии не подвергаются.

3. В соответствии с обстановкой и местными условиями территория республики, края и области делится на оперативные сектора.

4. Оперативные группы укомплектовать необходимым количеством оперативных работников и придать им средства транспорта и связи.

5. На начальников оперативных групп возложить руководство учетом и выявлением подлежащих репрессированию, руководство следствием, утверждение обвинительных заключений и приведение приговоров троек в исполнение. Начальник оперативной группы несет ответственность за организацию и проведение операции на территории своего сектора.

6. На каждого репрессированного собираются подробные установочные данные и компрометирующие материалы. На основании последних составляются списки на арест, которые подписываются начальником оперативной группы и в 2-х экземплярах отсылаются на рассмотрение и утверждение Наркомму внутренних дел, начальнику управления или областного отдела НКВД.

7. На основании утвержденного списка начальник оперативной группы производит арест. Каждый арест оформляется ордером. При аресте производится тщательный обыск. Обяза-

тельно изымаются: оружие, боеприпасы, военное снаряжение, взрывчатые вещества, отравляющие и ядовитые вещества, контрреволюционная литература, драгоценные металлы в монете, слитках и изделиях, иностранная валюта, множительные приборы и переписка.

Все изъятое заносится в протокол обыска.

IV. ПОРЯДОК ВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ.

1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. Следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке.

В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение.

V. ОРГАНИЗАЦИЯ И РАБОТА ТРОЕК

2. На заседаниях троек может присутствовать (там, где он не входит в состав тройки) республиканский, краевой или областной прокурор.

3. Тройка ведёт свою работу, или находясь в пункте расположения соответствующих НКВД, УНКВД или областных отделов НКВД, или выезжая к местам расположения оперативных секторов.

4. Тройки рассматривают представленные им материалы на каждого арестованного или группу арестованных, а также на каждую подлежащую выселению семью в отдельности.

5. Тройки ведут протоколы своих заседаний, в которые и записывают вынесенные ими приговоры в отношении каждого осуждённого.

VI. ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ ПРИГОВОРОВ В ИСПОЛНЕНИЕ

1. Приговоры приводятся в исполнение лицами по указаниям представителей троек, т. е. республиканских НКВД, начальников управлений или областных отделов НКВД.

Основанием для приведения приговоров в исполнение являются – заверенная выписка из протокола заседания тройки.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Генеральный комиссар государственной безопасности

Н. Ежов*

Верно: Фриновский*

ЧАСТЬ I

1. Выселение

Новый тысяча девятьсот тридцать второй год Игнат Терентьев встретил в Новосибирском ИТЛ* № 1. Осенью двадцать девятого Игнат одним из первых попал под раскулачивание. Его и ещё двоих сельчан по решению райпятёрки по экспроприации и выселению кулачества Барлакского исполкома решили выселить из села. Чем руководствовалась пятёрка, Игнат так и не понял. Жил, как и все. Единственную мельницу, на которую потратил немало сил, передал государству. Да и какая с неё была польза? Неурожаи последних лет привели к тому, что крестьяне перестали возить зерно и мельница простаивала. Достаток семьи упал. Жили на грани обнищания. Вместе с ним выселили соседа, Петра Ваганова. У того и вовсе, кроме пустой избы, ничего не было. Правда, дом был добротный, срубленный дедом Петра, когда у семьи ещё водились деньги. Всё село собиралось на посиделки у Вагановых. В праздники до утра молодёжь танцевала под хозяйскую гармонию. С той поры, как выселили семью, смолкли разухабистые звуки кадрили. Дом пустовал, а потом в нём открыли клуб. Однако местные жители неохотно ходили в культурное заведение. У всех ещё в памяти были детские крики и стоны взрослых, когда тех буквально выбрасывали из дома.

Третьим должен был стать Тарас Сизов, которому удалось скрыться. Вместе с женой он ускользнул до прихода активистов, прибывших из соседнего села. Сельчане уважали Тараса и заранее предупредили о предстоящей операции. Ходили слухи, что он сколотил отряд для борьбы с Советской властью, бойцы которого, совершая поджоги складов и амбаров с зерном, мешали укреплению власти большевиков, периодически совершая диверсии в окрестных сёлах. Поговаривали, будто отряд вместе с Тарасом уничтожили бойцы ОГПУ с добровольцами из коммуны «Красный Трудовик». Тогда же от пулевого ранения скончался руководитель коммуны Алексей Макаров. Но коммунары молчали, и слухи постепенно прекратились. Тело Макарова с почестями отправили в родное село, где похоронили в братской могиле вместе с погибшими в

боях красноармейцами. Власти постарались выветрить всякое упоминание о сопротивлении раскулачиванию.

После выселения семьи Терентьева и Ваганова попали в разные пункты сбора, и их пути разошлись. Игната сразу отделили от семьи и поместили в камеру предварительного заключения, где он просидел до начала судебного разбирательства. Только на суде Терентьев увидел жену Александру, которая рассказала о своих мытарствах. Суд же вынес приговор: два года исправительных лагерей с последующей высылкой за пределы Сибирского края. Игнат толком не осознал, за что же его наказали. Если за наёмный труд, то крестьяне всегда помогали друг другу. Сам Игнат не раз работал на уборке соседских наделов. И другие поступали так же. Почему выбрали именно его? Откуда взяли убой скота? Сославшись на показания соседа? И этого он понять не мог. Он всегда был лоялен к Советской власти, вовремя платил налоги и никогда не высказывал порочащих власть слов. Игнат не знал, что наступление на кулаков уже через полгода примет массовый характер, что выселением кулацких семей займутся как органы ОГПУ, так и силы милиции. Ни вмешательство батрачества и местной бедноты, ни слабое сопротивление местных органов власти уже не могли остановить раскулачивание.

За два года у Игната выработалась привычка сутулиться и при каждом громком окрике втягивать голову в плечи. Всегда подтянутый, широкоплечий, сейчас он выглядел лет на десять старше. Заросшие щетиной впалые щёки подчёркивали остроту носа. На висках появилась седина, а некогда густая шевелюра поредела. От постоянного недоедания резко проступили скулы, одежда висела мешком.

Их бригада работала на строительстве многоэтажного дома. Строительную площадку обнесли высоким забором, поверх которого была натянута колючая проволока. Из-за колючки заключённым были видны весёлые прохожие, спешащие по своим делам с такими же весёлыми и жизнерадостными детьми. Люди с опаской обходили место стройки, считая, что под бдительной охраной находятся воры и убийцы.

Бригаду привозили в крытом автомобиле с надписью «ХЛЕБ». Каждое утро, в шесть часов, машины выезжали из ворот тюрьмы, доставляя бесплатную рабочую силу на объекты. В это же время пекарни заканчивали выпечку, и транспорт развозил хлеб в магазины. Понять, где тюремные автомобили, а где истинные «хлебовозки» было невозможно. Всё было сделано так, чтобы ни привлечь внимание жителей города, искренне считавших, что Советская власть заботится о качественном питании трудящихся.

После раскулачивания Терентьева с семьёй привезли в ближайший пункт сбора, который находился в помещении бывших городских бань. Там уже ютились несколько семей с котомками и мешками. В основном это были бабы и ребяташки. Только изредка в молчаливой толпе показывалось измождённое бородатое лицо.

Уполномоченный передал бумаги сопровождения начальнику охраны и тут же уехал. Стоявший у входа милиционер указал Игнату свободное место. Ждать пришлось долго. Дети плакали, просили есть. Было сыро и холодно. Младшие жались к матери, а старшие с нескрываемым любопытством озирались по сторонам. Рядом разложила пожитки такая же многодетная семья. У них каким-то образом сохранилась домашняя утварь. Женщина предложила Александре закопчённый чугунок с водой, и та смогла напоить детей. Кто-то сунул полбуханки хлеба, поэтому удалось даже их накормить. Часам к четырём всё затихло, лишь иногда слышались вздохи несчастных женщин да плач детей. Временами кто-нибудь из матерей затягивал заунывную колыбельную песню, укачивая голодного ребёнка.

Наконец к ним вышел начальник охраны, зачитавший постановление исполкома. Согласно решению «тройки»*, Терентьев Игнат Кузьмич подлежал заключению под стражу до решения суда. О семье ничего не говорилось. Игната тут же увели два красноармейца с винтовками, а жена осталась с детьми. В растерянности она присела на скамейку, не понимая, радоваться ей или нет. Вернувшийся начальник попросил оторопевшую женщину освободить помещение. На её вопрос, что же делать, он вначале пожал плечами. Потом, видимо, пожалев детей, вынул из сумки краюху хлеба, передал девочке и посоветовал быстрее ехать домой. Терентьева начала голосить, что она не знает, как добраться до дома с такой оравой без копейки денег, да и дома того, наверное, нет уже. На причитания женщины обратила внимание соседка. Присев рядом, стала утешать расстроенную плакальщицу. Затем посоветовала быстрее забирать детей и отправляться в город, там можно хоть что-нибудь продать.

- Что же я продам? У нас всё отобрали! Мы же и с собой ничего взять не смогли! – запричитала Александра.

Соседка её одёрнула:

- Ты радуйся, что отпустили. Говорят, нас отправляют куда-то в тайгу, на смерть. А ты домой возвращаешься.

- Да где тот дом? Всё ведь отобрали! – продолжала голосить женщина.

Но тётка вновь осадилась:

- Бери в охапку детей и мотай отседа, покуда начальство не передумало. Наверняка, в селе остались если не родственники, то близкие соседи. Народ у нас жалостливый, приютят.

- Я и не знаю, куда идти, никогда в город не выезжала. Муж иногда выбирался, а на мне всегда домашние дела висели, – всхлипывая, пожаловалась Александра.

К женщинам подошёл мужик с окладистой бородой, густыми бровями и удивительно голубыми глазами, оказавшийся супругом этой тётки.

- Ты, ежели выйдешь из дверей, пройди прямо и аккурат упрешься в городской базар. Тут недалеко иттить. Могёт быть, встретишь кого из сельчан, а нет, так что-нибудь продашь и топай на вокзал. Там бери билет на пригородный до крайней станции, – посоветовал муж тётки. – Помнишь, как она зовётся?

- Вроде, Заводская, – рыдая, промолвила Терентьева.

- Вот и выбирайся отседова скоренько, пока дозволение имеешь, - мужик вздохнул и пошёл прочь.

Собрав детей, Александра вышла из переполненного помещения. Слезы застилали глаза. Некоторое время она стояла в растерянности. Со всех сторон по улице спешили люди. У них был такой озабоченный вид, что бедная напуганная женщина не решалась к кому-либо обратиться. Всё же она осмелилась остановить одного из прохожих. Им оказался местный житель, который, к её удивлению, всё обстоятельно разъяснил и даже взялся помочь дойти до нужного места. С его помощью Александра без труда добралась до рынка. Там шла бойкая торговля. Скорее, даже не торговля, а натуральный обмен между городом и деревней. Странно было видеть, как зазывали к своим прилавкам бородастые мужики, меняя зерно на топоры, деревянные ложки на железные гвозди или выделанные овечьи шкуры на хомуты. Деньги были не в ходу, да и не водились они у крестьян. Тем не менее торговля была в разгаре. Расспросив торговцев о телегах с дровами, она пошла по рядам. На счастье, в самом конце обозных рядов увидела лошадь соседа. Телега была нагружена берёзовыми чурками. Сосед, Захар Овчинников, уже договорился с покупателем и собирался доставить ему дрова. Он издали приметил женщину с оравой детворы. Александра радостно устремила к нему. Отдышавшись, Терентьева хотела рассказать о своих мытарствах, но вместо этого разрыдалась. Тогда Захар велел всем оставаться на рынке и ждать, а сам выехал по адресу покупателя. Быстро обернувшись с дровами, повёл всех в чайную, которая находилось недалеко от рынка. Возле неё стояло с десятков разномастных телег. Лошади жевали сено, пока хозяева перекусывали. Сосед по-хозяйски открыл непомерно высокие две-

ри заведения, за ним робко переступила порог Терентьева, пропустив впереди себя детей.

В помещении было тепло и уютно. За столами сидели бородатые мужики и вели неспешные разговоры. В воздухе стоял знакомый запах дёгтя и лошадиного пота. Захар усадил всех за свободный столик и заказал незамысловатую снедь с горой хлеба. Детвора голодными глазами следила за тем, как расставляются блюда на столе, после чего с жадностью набросилась на еду. Накормив детей, Александра стала рассказывать:

- Когда выселяли, всё отобрали. Ничего не дали с собой взять, даже ложки пересчитали. Продукты забрали. Считаю, голыми отправили. Дети-то что им сделали? Привезли, бросили. Игната в тюрьму забрали. А на вас, говорят, указаний нет. Захар, что нам делать?

Сосед участливо выслушал и предложил свою помощь:

- Ты, Ляксандра, шибко не расстраивайся. У меня, конечно, не хоромы. Своих пятеро. Но тебя пристрою. Стайка* у меня тёплая, даже пол деревянный – жить можно. Корову пришлось сдать за налоги.

- А как же дом наш? – осторожно спросила Александра.

Захар вздохнул и троекратно перекрестился:

- Дом власть опечатала. Пока пустой стоит.

- Как же мы без вещей?

- Кое-какие вещи справим, а работать у меня в артели будешь. Так что и детей накормишь, и сама будешь при деле.

Поговорив ещё о последних сельских новостях, Захар засобирался домой. Детей Александра разместила на телеге, а сама с трудом уселась рядом с возницей. Впервые увидев город, она не переставала удивляться суетливой жизни горожан, толчее и многоголосью улиц. Дети притихли и тоже с удивлением рассматривали незнакомую обстановку. Миновав город, телега загромыхла по колдобинам просёлочной дороги. Сосед молчал. Да и о чём вести беседу? И так понятно: начинать всё сначала, да ещё с кучей детишек, мягко говоря, затруднительно, но надо жить.

Благополучно добравшись до села с родным названием Кубовая, Александра Андреевна всплакнула. Милый дом, такой когда-то близкий, вдруг ставший чужим, сиротливо возвышался на окраине. Покойный свёкор, Кузьма Семёнович, бывало, выйдет на крыльцо, стукнет кулаком по добротной двери, да как гыркнет во всё горло: «О-го-го!» Подхватит крик эхо и ухаёт со всех сторон, постепенно затихая. Такая звенящая тишина наступает, что уши закладывает. И вдруг лес, подступающий со всех сторон к дому, взрывается гомоном птиц. Красота!

Сейчас на дворе было тихо. Ни щебета птиц, ни голосов соседей. Тишину нарушал только скрип колёс. На двери висел замок. Окна с резными ставнями были крест на крест забиты досками. В некоторых из них отсутствовали стёкла, и развевающиеся белые занавески смахивали на флаги капитуляции. Только высокое крыльцо с перилами напоминало о былом величии. Возле крыльца лежал засохший фикус. Кадку из-под корней фикуса кто-то утащил. Кругом валялся мусор и обрывки одежды. Убитую собаку так никто и не убрал, и распухший трупик животного, облепленный синими мухами, источал мерзкое злое воние. Дети бросились к своим воротам, но в недоумении остановились, оглядывая непривычную обстановку. Вернувшись к матери, сели на подводу притихшие и растерянные. Сосед въехал во двор и показал тёплую стайку:

- Ты вот что, Ляксандра. Обустраивайся. А мы с бабой какие ни на есть вещи подберём.

Расторопный сосед притащил железную печь, ранее служившую для копчения сала, приладил трубу и вывел её через крохотное оконце, отчего в хлеву стало темнее. Но, когда печь затопили, повеяло живительным теплом. Во дворе нашёлся горбыль, из которого соорудили полати, и дети тут же на них забрались. Намаявшись за последние дни, они заснули. Александра набила соломой принесённые соседом мешки и осторожно подсунула под спящие головы детей. Сама села возле печи, невесело обдумывая дальнейшую жизнь. Перво-наперво надо узнать, куда отправили Игната, потом дети и работа. Мрачные мысли, охватившие голову, выворачивали мозг и отдавались головной болью. Несчастливая женщина заснула.

На другой день, опасливо озираясь, стали приходить сердобольные соседи. Женщины повздыхали, всплакнули, обнимая детей, и разошлись по домам. А через некоторое время к Терентьевым робко протиснулся соседский мальчишка и встал у двери.

- Чего тебе? – спросила Александра, думая, что он пришёл поиграть с детьми не вовремя.

- Тётъ Шура, меня мамка прислала вам кое-что передать.

Мальчик протянул чугунок, завернутый в тряпицу, и тут же убежал. Вслед за ним один за другим потянулись другие соседские дети с вещами. Кто-то принёс топор, кто-то деревянные ложки и самодельный нож. Приходили мужики. Эти молча курили и перед уходом обязательно оставляли съестные припасы.

За два дня Александра смогла кое-как обустроить быт. На полатах появились набитые соломой матрацы, на полке, возле печи, посуда. Пол она вымыла

и поскоблила. Стайка преобразилась и приняла жилой вид. Дети резвились тут же, забыв злключения прошлых дней.

На третий день сосед позвал на работу. Небольшая артель по заготовке дров состояла из четырёх мужиков и четырёх баб. Мужики пилили лес, кололи распиленные чурбаки, а бабы укладывали поленья на сани. Александру поставили на сбор хвороста, который увязывался аккуратными вязанками. Работа была не в тягость и двигалась споро. К вечеру, увязывая последний воз, сосед заметил:

- Вот что, Ляксандра, я ноне еду в город. Поспрашаю, куда определили Игната.

Терентьева всплеснула руками:

- Да как же ты узнаешь? Город-то больно громадный.

- Ничего, кругом люди. Да и откуда его взяли известно. Вот там и начну поиски. Найдём твою мужика. Не сумлевайся.

На следующий день Александра с трудом дождалась вечера. Весь день пошёл кувырком. Вязанки хвороста разваливались в руках, верёвка запутывалась и постоянно попадала под ноги. В конце концов, напарница её прогнала, и Александра занялась костром. Глядя на огонь, она ещё раз задумалась о своей жизни. Нарожав кучу детишек, что она видела? Даже в город не пришлось съездить. Все силы отнимала работа по дому. Было ли в её жизни счастье? Муж приносил в семью достаток. Дети были сыты, одеты и ухожены. Да, работали много, но и в праздники веселились. Кажется, что это всё было совсем недавно. А что сейчас? Как же налаживать жизнь? Как поставить на ноги детей? Что с мужем? От невесёлых мыслей и навалившихся забот женщина расплакалась.

Вечером приехал из города Захар. Молча распряг лошадь, отдал жене мешок с купленным товаром и подошёл к нетерпеливо ожидавшей женщине. Передав гостинцы детям, он, не торопясь, вошёл в стайку. За ним поспешила Терентьева. Сосед присел возле печи и закурил аккуратную самокрутку. Александра от нетерпения вся подалась вперёд.

- Значит так, Ляксандра. Разузнал я про твою мужика. Всё как есть разузнал, - сосед затянулся сигаркой и, выпустив дым в приоткрытую дверцу печи, замолчал.

- Захар, не тьяни ты душу, – взмолилась женщина, – говори скорее.

Сосед откашлялся и погрозил пальцем:

- Ты, Ляксандра, меня не торопи. Мне надо всё по порядку сообщать. Что бы ты всё правильно поняла. Значит, суд будет через пять днёв. Тогда можно с Игнатом увидеться. А пока разрешение не дают. Находится он в камере предва-

рительного заключения, и свиданка с ним запрещена. Как отправишься на суд, возьми тёплые вещи – я кое-что соберу.

- А зачем же тёплые вещи? Может, оправдают? – Александра смахнула слезу.

- Не надейся. Знающие люди подсказали, ещё ни один не вернулся.

Сосед для приличия ещё посидел, докурил самокрутку и, перекрестившись, пошёл в хату.

В назначенный день Захар запряг лошадь и Александра поехала на суд. Увидев мужа впервые после ареста, она ужаснулась произошедшей с ним перемене. Терентьев осунулся и ссутулился. Заросшие щетиной скулы придавали старческое выражение лицу. Взгляд стал безучастным и направленным куда-то вглубь себя.

Заседание суда длилось недолго. Судья зачитал дело и огласил приговор. Терентьеву удивила простота и быстрое окончание заседания. Ни допрос свидетелей, ни доводы документального освидетельствования не повлияли на приговор. После заседания ей удалось перекинуться с Игнатом несколькими фразами и передать вещи, которые тщательно проверила охрана. Александра так же узнала, где будут содержать мужа и когда разрешены свидания. Обливаясь слезами, она вернулась в село.

2. Где правда?

После оглашения приговора Терентьев пытался добиться правды, писал заявления в районный исполнительный комитет, окружной исполком, сельсовет, но они пропадали неизвестно где. При этом следователь, которому Игнат передавал бумаги, уверял, что даёт им ход. Дни шли за днями, а ничего не менялось. Терентьев не знал, что на каждый документ накладывалась резолюция: «Лишение избирательных прав Терентьева Игната Кузьмича считать правильным как злостного эксплуататора батрачества и бедноты».

А всё началось с характеристики хозяйства Игната. В характеристике рукой секретаря сельсовета было написано:

«Терентьев – кулак, индивидуально обложен, хозяйство его одно из кулацких с.Кубовая, ноне обложено впервые индивидуально. Он наряду с постоянной работницей эксплуатировал скрыто наёмную рабочую силу, т. к., имея два трудоспособных при восьми едоках, не мог своим трудом содержать хозяйство без наёмного труда. Имел наёмных от 90 до 100 трудодней.

Терентьев умышленно укрывал посев 1,5 десятин. Злостно уничтожал хозяйство, в особенности рогатого скота».

Характеристика с самого начала легла на стол председателя райисполкома, и любая жалоба Игната сразу опротестовывалась, возвращалась с соответствующей резолюцией. Следователь подшивал очередную бумагу к постепенно разбухающему делу, и всё стопорилось. На очередном свидании с женой Терентьев, вздыхая, пожаловался:

- Саша, у меня такое впечатление, что я стучусь в глухую стену. Ты стучишь, а ответного звука нет, и все твои потуги возвращаются вхолостую, без ответа. Неужто следователь придерживает мои заявления? Попробуй ты обратиться в район, может, бумага проскочит мимо тюрьмы.

Поплакав на плече мужа, Александра Андреевна по возвращении в село обратилась к Овчинникову, который умел читать и писать. Он мог грамотно составить любое прошение, поэтому к нему часто обращались неграмотные сельчане. Захар никому не отказывал, поэтому Терентьева сразу пошла к нему.

Было ещё светло, когда женщина вернулась из города. Захар был дома, пил чай. Накануне он совершил удачную сделку: купил на рынке плиточный прессованный чай. Теперь наслаждался густым ароматом редкого китайского напитка.

Александра робко переступила порог и обратилась к Овчинникову:

- Захар, я хочу заявление в Райисполком отправить. Помогите написать.

Она, как могла, объяснила соседу суть жалобы. Тот почесал затылок, затем, спохватившись, пригласил гостью к столу. Но Терентьевой было не до застолий. Взмолившись, она Христом-Богом уговорила Захара написать заявление. Тогда он неохотно взялся за составление бумаги. К вечеру из-под пера соседа под диктовку Терентьевой было написано следующее:

**В Барлакскую районную комиссию
по лишению избирательных прав
(при Райисполкоме)**

от гражданки села Кубовая Барлакского района
Терентьевой Александры Андреевны
ЗАЯВЛЕНИЕ

В феврале месяце текущего года муж мой Терентьев Игнат Кузьмич был осуждён Нар Судом по ст. 79 УК якобы за эксплуатацию наёмного труда и за умышленный убой скота.

Суд вынес ему приговор: 2 года лишения свободы и высылку за пределы Сибирского края.

Сразу же после суда, когда мой муж был отправлен в Новосибирский ИТЛ №1, Кубовинский сельсовет лишил его права голоса, отобрав на этом основании всё наше имущество.

Между тем нетрудового заработка в нашем хозяйстве не числилось. Чужим наёмным трудом мы так же не эксплуатировали. Сельхозмашин в нашем хозяйстве не имелось. Мельница фактически принадлежит коммуне «Красная Заря», что может подтвердить мельник Руленко М И. Все налоги и госповинности мужем выплачивались своевременно, весь хлеб, свыше 238 пудов (при посеве 8 десятин), также сдано государству незамедлительно, в чём имеется на руках документ.

А потому, прилагая при сём справку члена сельсовета Сергиенко-сборщика денежных сумм, подписку гр-на Бочкарёва Ивана Фёдоровича, подтверждающего о том, что никакого скота резано не было, я ходатайствую районной комиссией о пересмотре дела в отношении моего мужа Игната Терентьева и восстановлении его в избирательных правах.

Со слов Терентьевой записал: Овчинников
Просительница: подпись, А. Терентьева.

Захар прочитал заявление вслух, и Александра поставила корявую подпись. Затем она отдала соседу две справки, которые Захар приложил к документу:

СПРАВКА-ПОДПИСКА

Дана настоящая в том, что я, гр-н села Кубовая Барлакского района Бочкарёв Иван Фёдорович никакого скота не резал у заключённого Терентьева Игната.

Я, Бочкарёв Иван, об этом ничего не знаю, в чём в присутствии свидетелей подписываюсь.

Подписи свидетелей

Подпись моя по личной моей просьбе расписался: Рогожин.

СПРАВКА

Выдана гр-ну села Кубовая Терентьеву Игнату Кузьмичу в том, что он действительно рассчитался со всеми задолженностями всех видов, как-то: с/н, страх платежи, землеустройство, самообложение.

Что удостоверяется.

На следующий день Захар аккуратно сложил в холщовый мешок все бумажки, запряг лошадь и выехал в райцентр, находившийся в селе Барлак. В приёмной исполкома у него приняли заявление, и секретарь, молоденькая черноволосая девчушка с неестественно узкими плечами, внесла его в реестр входящей документации. На вопрос Овчинникова о дальнейшей судьбе заявления девушка пожалала плечиками и ответила, что всё зависит от решения председателя.

- О результате Вам сообщат, – с милой улыбкой пропела секретарша и упорхнула в кабинет председателя. Захар так и не понял, куда и кому сообщат, так как девушка не записала даже адрес. Он забыл, что на заявлении был записан адрес Терентьевой. Он так же не учёл, что любое заявление от члена семьи репрессированного направляется в органы ОГПУ. Постояв ещё несколько минут в приёмной, Захар вернулся к лошади и поехал домой.

Ночью за Захаром пришли. Терентьева спала и не слышала, как явились в дом два милиционера с уполномоченным ОГПУ, как они производили обыск и уводили соседа. Утром Александра застала плачущую жену соседа среди разбросанного тряпья. Что искали «слуги закона» у полунищего крестьянина? Неужели следы заговора против Советской власти или оружие для её свержения? Кто теперь их понимает? В последнее время всё перевернулось. Вроде, власть народная, а народ всё больше её боялся. Не жалела власть ни взрослых ни детей. Напуганные, они прижимались к матери и вздрагивали от малейшего стука. Бедная женщина ничего не понимала, а только в голос причитала.

3. Спецпереселенцы*

Зачем вы от них отказались?

За что же сослали вы их?

Они уж себя не жалеют,

Лишь жалко им деток своих.

Согнали их всех беспричинно

В веселые майские дни,

Ох, сколько здесь маленьких деток

В сырую могилу легли.

(Из песни о горькой доле спецпереселенцев)

Двадцатого февраля тридцать второго года Игната Терентьева вызвали к следователю. Охранник завёл его в следственную камеру и встал за дверью. В

камере находился следователь со знаками отличия капитана внутренних войск. Перед ним на столе лежала серая папка. Терентьев доложил статью и остался стоять возле двери. Следователь за столом перелистывал какие-то бумаги. Сложив их в папку и мельком взглянув на Игната, он вежливо предложил сесть. Когда Игнат опасливо присел на краешек стула, тот пододвинул к нему папку. На ней аккуратным почерком было написано:

ДЕЛО

*по жалобе гр. села Кубовая Кубовинского с/с
Барлакского района
Новосибирского округа
ТЕРЕНТЬЕВ Игнат Кузьмич
На неправильное лишение избирательных прав.*

Начато 15 мая 1930 года

В деле были подшиты все заявления Игната с резолюциями различных органов власти об отказе в рассмотрении дела. Как под копирку везде значилось: «Оснований нет. Отказать». Там же находилась странная выписка, написанная рукой секретаря сельского совета:

ВЫПИСКА из протокола № 8

Заседания Кубовинского с/с совместно с батрацко-бедняцким активом и середняцким активом.

Присутствовало 50 человек

Председатель Епачинцев Г Д

Секретарь Деревнин В Д

Повестка дня:

О ходе весеннего сева, коллективизации и кулачестве.

Разное.

Слушали по первому вопросу о ходе сева и коллективизации и о кулачестве.

Постановили Заслушав и обсудив доклад о ходе весеннего сева, коллективизации и кулачестве

Заседание с/совета с бедняцким, батрацким и середняцким активом постановили:

Взятая партией линия на сплошную коллективизацию верна и на основе этого полная ликвидация кулачества как класса правильна.

В целях укрепления колхозного строительства и снятия антиколхозной работы кулачества просить районные директивные о выселении кулака **Терентьева Игната Кузьмича** из села Кабовая за пределы района как злейшего врага и вредителя колхозного строительства.

Пред. сельсовета

Верно: секретарь с/совета: п/п

Выписка вызвала явное сомнение, так как была датирована двадцать девятым годом. Игнат был на том собрании и вопрос о его высылке не стоял. Самого понятия «раскулачивание и высылка» никто даже не слышал, а Терентьев был уважаемым человеком в селе. В выписке, кроме того, фамилия Игната была вписана другими чернилами и другим почерком. К выписке была прикреплена справка с резолюцией:

СПРАВКА

Выдана Кубовинским с/советом в том, что гр-н с Кубовая Терентьев Игнат Кузьмич держал скрыто батрака под видом члена семьи Проспирина Василия, эксплуатировал наёмный труд: Адамова Василия, Сидоренко Якова, Гудкова с заимки.

Во время коллективизации растранижил своё хозяйство, скот. За что судим. Что местный с/совет свидетельствует.

Июня 1930 №36

Резолюция красным: «лишен, выслан по 2к»

Обидно было то, что собрание вёл известный пьяница Гришка Епачинцев, который для новой власти стал уважаемым человеком. Раньше Гришка перебивался случайными заработками и вечно шатался пьяным по селу в рваной рубахе и с гармошкой. В девятнадцатом он пропал и появился через три года, перепоясанный ремнями, с маузером, которым размахивал при каждом удобном случае. Пил он всё так же, но ходил без гармошки, так как состоял в партии большевиков и считал несолидным для себя брать в руки инструмент. Был он уполномоченным по какой-то линии и постоянно требовал отчёта от сельсовета. Справки он отвозил в райцентр, где получал новые задания. Все собрания обязательно вёл Епачинцев, а секретарём был Деревнин, который под стать Гришке был пьянью и голытьбой. Васька Деревнин целыми днями торчал с удочкой на реке, но имел многодетную семью. Его жена, худая, измождённая,

вечно кашляющая женщина, нарожала Ваське восьмерых детей. В рваных ломотьях те бегали по селу, и сердобольные сельчане, кто как мог, подкармливали грязную сопливую ораву. Когда решили помочь семье и сельсовет выделил Дервинным тёлку, глава торжественно ввёл животину во двор. Но та постоянно хотела есть, а Васька не стремился заготавливать сено, и никто за скотиной не ухаживал. Васькина жена пыталась как-то повлиять на мужа, но тот всякий раз от неё отмахивался, ссылаясь то на занятость, то на отсутствие необходимого инвентаря. Через две недели корова сдохла. Васька в присутствии двух свидетелей составил акт на списание крупного рогатого скота в количестве одной штуки, отнёс в сельсовет и снова сел с удочкой на берег реки. Зато на всех собраниях он заседал в президиуме как представитель бедняцкого актива. Ему часто доверяли вести протокол.

Последней лежала бумага с окончательным решением:

**Барлакский район.
Исполнительный
комитет**

Кубовинскому Сельизбиркому.

Рег 7 дек 1931г

Барлакский райизбирком при сём препровождает заявление гр-на ТЕРЕНТЬЕВ вашего с/с о неправильном лишении его в избирательных правах.

Все заявления, поступающие о неправильном лишении избирательных прав на основании инструкции РСФСР от 30, рассматриваются избирательной комиссией, составляющей список и со своим заключением препровождать в вышестоящую избирательную комиссию.

А потому вам предлагается указанную жалобу рассмотреть и со своим заключением выслать в Райизбирком.

Управ. делами Райисполкома

Делопроизводитель

Резолюция: Терентьев Игнат как эксплуататор. Чего и сам не отрицает. Лишён избирательных прав.

Избирком сельсовета 18/XII-31. Подпись

Закончив читать, Игнат захлопнул папку и дрожащим голосом спросил:

- Мне теперь что делать? Это же враньё.

Капитан усмехнулся:

- Игнат Кузьмич, неужели вы думаете, что я поверю кулаку и эксплуататору и не поверю государственным органам? Я дал вам прочесть дело, чтобы

вы не отвлекали больше компетентные органы. Ваш срок закончился, и по решению тройки вы и ваша семья подлежите высылке в Нарымский край. Завтра вас отправят на пункт сбора, где обеспечат необходимым инструментом, продуктами и вместе с семьёй отправят к месту высылки.

Утром следующего дня Игната посадили в кузов полуприцепа и в сопровождении двух конвоиров отправили на станцию Иня, где его уже ждала Александра Андреевна с детьми. Их заранее отправили в Новосибирск. Накануне окружком ВКП(б) и окрисполком направили секретарям райкомов, председателям райисполкомов и начальникам районных оперативных групп секретную директиву с указанием отправки кулаков, отбывших различные сроки заключения в отдалённые районы вместе с семьями:

«1) Мобилизовать необходимое количество, как партийного, комсомольского состава, так и сельского актива.

2) Обеспечить своевременную и быструю доставку выселяемых в пункты погрузки с таким расчётом, чтобы они прибыли в последний по указанию нач. опергруппы.

3) Обеспечить семьи выселяемых тёплой одеждой, обувью и бельём в установленном количестве.

4) Те семьи выселяемых, у коих нет продовольствия, обеспечить последних на 6-7 дней.

5) Обеспечить выселяемых, у коих отобраны вещи, необходимым количеством инструментов для лесоразработок.

6) Ни в коем случае не допускать в число выселяемых семьи кулаков, в составе которых нет трудоспособных мужчин.

7) Пункты концентрации кулаков обеспечить надёжной охраной».

Концентрацию кулацких семей сочли целесообразным организовать не в городе, а на железнодорожной станции, подальше от людских глаз.

На станцию подогнали порожняк: состав с пятьюдесятью вагонами для перевозки скота и двумя теплушками. Началась погрузка. Откуда-то появились ещё люди. Как и прежде, это были женщины и дети. Причём детей было большинство. Закутанные в тряпье, они представляли ужасное зрелище. Шум и гвалт прерывался короткими командами конвоиров. Охрана перегоняла ссыльных по мере наполнения вагонов от первого до хвоста состава. В вагоны загоняли от сорока до пятидесяти человек, в зависимости от состава семей. К хвосту подцепили ещё несколько пустых вагонов. Охрана бесцеремонно выдернула из толпы десятков более-менее крепких мужчин, и они начали загружать про-

довольствие и сельхозинвентарь. Как только погрузку закончили, состав тронулся. Никто не знал, куда их везут. Лишь когда замелькали пригородные постройки, стало понятно, что поезд прибыл в Томск. Вагоны поставили в тупик на пустынном разъезде, где они сутки простояли под неусыпным взором охраны. Людям не давали ни есть, ни пить, не разрешали выходить из вагонов, поэтому они приспособивали для отправления естественных нужд любые ёмкости, а потом выливали через окно. Из-за грязи и вони к вагонам невозможно было подойти. Через сутки, ночью, вагоны открыли. Свежий ветер накрыл истомлённую толпу несчастных узников. В проёме показалась голова конвойного. Раздался крик:

- Выгружайсь!

Опьянённые хлынувшим в вагоны чистым воздухом, пошатываясь, стали выпрыгивать из вагонов сначала мужики, а за ними женщины и дети.

Охрана велела всем строиться в колонну. Отобрав двадцать пять человек, разбили людей на пятерки, и приказали разгружать вагоны с сельхозинвентарём на подводы, которые подогнали к тупику. Игнат попал в одну из пятёрок и разгружал лопаты. Он с трудом таскал тяжёлые связки, еле передвигая ноги. Сказывалось постоянное недоедание. И без того скудный паёк он делил с детьми, которым не полагалось полноценной пищи. Невыносимо было смотреть в их голодные глаза, кусок не шёл в горло, поэтому к концу поездки он ослаб настолько, что с трудом двигался.

Закончив с разгрузкой, Терентьев, шатаясь и падая, бесконечно подгоняемый охраной, присоединился к семье. Неровный строй в сопровождении конвоиров с собаками медленно двинулся к городской пристани, где возле причала стояла полуразвалившаяся баржа. Снова началась погрузка. Затем толпу загнали в трюм и задраили люки. Вечером подогнали пароход, который зацепил развалюху и медленно потащил вниз по Оби.

4. Нарымский край

**Бог создал рай, а чёрт –
Нарымский край.
(поговорка)**

*Кто в Нарыме не бывал,
тот и горя не видал.
(поговорка)*

Уже сутки пароход с громким названием «Пролетарий» тянул по Оби баржу из Томска в Нарым. Сто двадцать семей спецпереселенцев кое-как разместили на старой посудине с полусгнившими бортами. Перед отправкой каждой семье выдали по ведру для отправления нужд. Начальник охраны, свирепо вращая глазами, предупредил: если кто нагадит на палубе, а тем более в трюме, будет слизывать языком. Только один раз в день охрана разрешала выносить ведра и сливать за борт испражнения. От ведер и от скученности переселенцев в трюме стоял невыносимый смрад. На второй день пути задыхающиеся в зловонном воздухе люди стали стучать в задранные люки. Вскоре ропот перерос в явное неповиновение охране. Стали раздаваться крики о том, что лучше пусть всех перестреляют, чем задыхаться в трюмном аду.

Рядом с семьёй Терентьевых сидела худая девушка с лицом землистого цвета. Надсадно кашляя, она старалась подползти к щели в люке, при этом перекрывая хоть и небольшой приток живительного воздуха. Её отец оттаскивал от люка соседей, пытавшихся пробраться ближе к этому месту.

Тарас кое-как обустроился с семейством в углу трюма. Рядом маялись дети, одетые в лохмотья, грязные, с язвами на лице и руках. Они постоянно хныкали и непрерывно просили есть. Дядька в драном треухе вполголоса рассказывал печальной соседке, закутанной в пёстрый платок, о своих мытарствах:

- За что меня Советская власть возненавидела? Земли-то всего кот наплакал. Васька-комсомол на собрании список зачитал. «Мироед» – говорит. А у меня восемь ребятишек, и все есть хотят. С энтим списком с городу уполномоченный по деревне пошёл. А с ним пятеро красноармейцев, у каждого винтовка. И что яму моя семья? Сказано: мироед, и вся недолга. Ворвались ночью. Всех на улицу. Даже взять с собой ничего не дали. Той ночью почтальона арестовали, ветеринара забрали, доктора, учителей двух, всех забирали. Через дом они жили. Что деется в стране?

Женщина вздохнула и вытерла концом платка проступившие слёзы:

- У нас всю скотину увели: корову, пару лошадей, свинью, а нас выгнали из хаты. Прямо на улицу. Отчего выгнали? Не хотели вступать в колхоз. Ну, а потом – куда деваться! – поступили в колхоз, робили все. Не помогло. Всё равно кулаки.

Женщина разрыдалась, а дядька повернулся к Игнату и снова стал что-то говорить. Но тот уже не слушал, занятый своими мыслями.

Духота становилась невыносимой. В конце концов, общими усилиями удалось приподнять крышку люка. Охрана решила припугнуть, стреляя в воздух, но громкий стук и крики спецпереселенцев вынудили принять компро-

миссное решение о частичном проветривании трюма и разрешении часовых прогулок по десять человек.

Измощённые люди с трудом выползали из люка, чтобы глотнуть свежего воздуха. Сырая одежда не согревала. Весенний ветер пронизывал насквозь. Матери старались согреть детей, одетых в латаные-перелатанные лохмотья. Начались простудные заболевания. От тяжелейшей пневмонии скончалось несколько грудничков. Тогда же умерла девушка, сидевшая рядом с Терентьевыми. Начальство вынуждено было причалить баржу к берегу, чтобы похоронить детей.

По берегам ещё кое-где лежал снег, и по реке плыли льдины. Баржу с трудом подогнали к голому обрыву. Родители под охраной вынесли закутанные в серые грязные тряпки тельца и тут же на берегу стали долбить мёрзлую землю. Удалось вырыть неглубокую могилку. Охрана мёрзла и торопила, поэтому матери с плачем уложили в ямку небольшие свёртки, а отцы кое-как забросали их землёй. Тут же красноармейцы погнали всех на баржу, и пароход потянул старую посудину дальше по Оби.

Однажды ранним утром баржа остановилась. Прогулки прекратились, и начальник охраны приказал всем выходить с вещами. Баржа была причалена к левому берегу Оби. Под мелким весенним дождём по хлипким мосткам людей начали выводить на временный причал, ходивший ходуном. Неожиданным вихрем подхватило маленького ребёнка. Мальчик упал в воду, за ним кинулась мать. Обе головы мгновенно скрылись в водовороте и больше не показывались.

Охрана криками стала подгонять замедлившую шаг колонну. На берегу уже стояло несколько подвод с возницами из местных жителей. Переселенцев разделили на две части, выкрикивая семьи по фамилиям, и охрана погнала колонны закутанных в лохмотья людей мимо посёлка Парабель в глубь тайги.

5. Посёлок Новиково

Путь от Парабели до спецпосёлка занял шесть дней. Дорога проложенная ещё до революции ссыльными пролегла по узкой лежнёвке, вспухшей от грязи. Две лошадёнки с трудом тащили телеги, нагруженные топорами, лопатами и пилами. Третья лошадь тянула полупустую подводу с мешками, на которой сидела детвора. Люди на себе несли скудные припасы. Взрослые дети шли рядом с матерями, шлёпая самодельной обувкой по грязным лужам. Оборванные, худые, они были похожи на маленьких старичков. Рядом с Александрой Андреевной вышагивали четверо старших, которым было от семи до десяти лет. Млад-

шенькая, Софья, постоянно хныкала и просила есть. Шагавший рядом охранник со злостью кинул:

- Заткни своего буржуйского выкормыша, иначе на штык посажу.

Это было сказано таким равнодушным голосом, что Александра поняла, если малышку не унять, то он исполнит свою угрозу. Игнат взял дочку на руки и как мог успокоил.

Младших удалось пристроить на телегу. Хозяин лошади, вольнонаёмный возчик, примирительно спросил красноармейца:

- Что ты на них взелся?

Солдат зло взглянул на колонну и сквозь зубы процедил:

- Буржуи недорезанные, меси тут грязь из-за них неизвестно сколько.

Софья, которая было затихла и, казалось, спала, вдруг открыла глаза и тихо спросила возницу:

- Дядь, а буржуи – это такие нищие?

Мужик только горько усмехнулся.

У посёлка Новиково колоннам устроили переключку. Первую колонну повернули к посёлку, а вторую погнали дальше, на Старицу.

Посёлок Новиково показался спецпереселенцам достигнутым раем. Женщины решили, что могут хоть как-то просушить одежду и согреть детей в невзрачных, низеньких избушках местных жителей. Но конвой повернул в сторону, и комендант велел строить жильё в километре от посёлка. Промёрзлая земля не позволила рыть землянки, у ослабевших в пути спецпереселенцев топоры выпадали из рук. Мужчины вырубали тонкие слепи, женщины их ошкурили и поставили шалашом. На них разложила ребятня лапник и сверху прикрыла дёрном. Внутри из таких же жердей соорудили нары, а женщины наковыряли на косогоре глины. Общими усилиями удалось соорудить подобие печи. Первые две ночи пришлось ночевать под открытым небом возле костров. Многие надсадно кашляли. Особенно тяжело было детям, которые постоянно хныкали и настолько ослабли от постоянного недоедания, что даже не просили есть, а неподвижно лежали, свернувшись калачиком.

У Терентьевых внезапно слёг младший, Коленька. Он метался в жару, но помочь было нечем. Коленька скончался в первую же ночь. Игнат отнёс почти невесомое тельце к косогору и стал копать могилку. Земля поддавалась с трудом, лопата то и дело натыкалась на камни, но Игнат упорно копал. Утлубив яму, он уложил на дно свёрток и молча перекрестился. Взявшись снова за лопату и набросав холм, хотел помолиться, но молитвы не шли на ум. Закончив скорбное дело, он минуту постоял над холмиком и, не оглядываясь, зашагал к посёлку. Это было первое захоронение спецпосёлка Новиково. Александра Ан-

дреевна тогда не могла быть рядом. Она с трудом согревала остальных детей, которые даже не поняли, что произошло. На третью ночь переселенцы перебрались в шалаши, и тут хлынул дождь. Хилая крыша не выдержала обложного ливня, и отовсюду сверху потекло.

Утром в лагерь вернулись охранники, ночевавшие в посёлке во главе с комендантом. Ударами железной палки по лемеху, подвешенному к сучку кривой берёзы, они попытались выманить людей из убогих жилищ. Хмурые мужики стали выползать из своих берлог, а женщины всё ещё не решались покидать с трудом пригретые места, укутывая дрожащих от холода детей. Комендант раздал прогорклый хлеб и приказал начать заготовку леса для выполнения задания и дополнительно для подготовки строительства барачков. Задание было рассчитано на мужчин, выехавших из Томска, а так как часть их по дороге умерла, комендант распорядился работать на лесосеках, в том числе женщинам и детям, начиная с девяти лет.

Тайга подступала к самому берегу, поэтому проблем с заготовкой леса не было. Расчистив площадку под бараки, тут же определили отдельный дом для коменданта. Строили быстро, лес не успевал просохнуть, и стены в бараках насквозь продувались, но спецпоселенцы были рады даже этому жилью. В отличие от барачков, для дома коменданта просушенные брёвна доставили из ближайшего леспромхоза. После убогих шалашей можно было хоть как-то обустроить быт.

В первые бараки, рассчитанные на двадцать семей, вселялось сорок и более. Днём на людей нападала мошкара, которая лезла в любое открытое место и буквально выедала плоть. Ночью не давали спать вши. Эти мерзкие твари полчищами заползали во все щели, наполняя более-менее тёплые углы и заполняя швы одежды. Чтобы хоть как-то облегчить жизнь, было принято решение построить вошебойку. В ней круглые сутки работали наиболее ослабленные спецпереселенцы. Но у многих не было смены одежды, поэтому после прожарки они снова надевали на себя полусырое бельё, что приносило только временное облегчение. Один за другим стали умирать люди. Кладбище разрасталось. Комендант отчитывался перед начальством, называя это естественной убылью.

Но всё же быт постепенно налаживался. Спецпосёлок разрастался. Охрана не донимала: их задачей было предотвратить побег. А только какие могли быть побег, если кругом тайга и болота? Единственная связь с Парабелью – узкая лежнёвка. Но там снова комендатура и охранники, а дальше – река. В любом случае схватят. Комендант запрещал выходить за пределы посёлка даже детям. А как не ходить в лес, когда наступает лето. Есть нечего, а в лесу грибы, ягоды. Даже под страхом смерти ребята уходили за пределы посёлка. Со-

фья и Клавдия собирали клюкву. Так как обуви не было, девочки ходили босиком. В ледяной воде холод сводил судорогой пальцы ног. Но голод гнал на болото. Дети приходили домой буквально синюшные. После одного такого «похода» младшая Софья слегла на два месяца с двухсторонним воспалением лёгких.

Коменданта интересовал только процент выполнения выработки. При любом срыве работы он мог применить любые меры наказания: от лишения продуктового пайка до привлечения к уголовной ответственности. Чаще всего производилось заключение в штрафной изолятор с обязательным выходом на работу. Изолятор представлял собой бревенчатый сарай с небольшим оконцем, забранным решёткой без стекла. В сарае стояли двухъярусные нары и небольшой стол. Там был постоянный холод. Мало кто выдерживал в нём более десяти суток.

Игната поставили на плотницкие работы. Плотничать было, конечно, легче, чем работать на лесоповале. Дел было много. Чтобы не отвлекать от работы женщин, комендант приказал заложить строительство яслей и детского сада. Но пришло указание из Парабели перекинуть силы на строительство школы. В короткий срок построили начальную. Это был длинный барак, разделённый на комнатухи, где в коридоре установили гипсовый бюст Сталина*, а на стене повесили плакат, на котором был изображён улыбающийся вождь в окружении розовощёких пионеров. Ниже красовалась надпись: «Спасибо родному Сталину».

Собрали детвору, и первое время наиболее грамотные спецпереселенцы стали обучать детей читать и писать. Это не устраивало руководство, и однажды из Томска и Новосибирска были присланы молоденькие учительницы. Так, проходя мимо здания школы, Игнат увидел одетых по-городскому девушек. Позже он узнал, что девушки откликнулись на призыв осваивать неприступный Север. Но то, что они увидели на самом деле, ужаснуло молодых людей. Через полгода учительницы исчезли из посёлка, в школе опять появились учителя из спецпоселенцев. Это очень не нравилось коменданту, но другого выхода не было.

6. Встреча с Василием Ломовым

Была Пасха. Игнат шёл с работы. Невесёлые мысли одолевали рано поседевшую голову. Раньше вся семья Терентьевых собиралась в этот день за столом. Женщины надевали праздничные сарафаны, мужчины до блеска начищали смальцем сапоги. Глава семейства, Кузьма Семёнович, смазывал усы салом,

чтобы те не торчали в стороны, как у разбойника, а солидно лежали по обе стороны от бороды, и торжественно выносил поднос с крашеными яйцами во двор. Зычным голосом созывал соседей. Каждый считал за честь посетить двор Терентьевых. Ребятня разбирала яйца и начинала со смехом ими биться. Там же стоял стол с графинами, наполненными «казёнкой», и всё семейство приступало к празднованию. Всем входящим подносилась рюмка водки, произносилось «Христос воскрес», и после троекратного поцелуя в ответ слышалось «Воистину воскрес». А вечером под гармошку танцевали «барыню», «польку». Кажется, это было в другой жизни.

Внезапно кто-то его окликнул. Игнат оглянулся и увидел, что его догоняет худой рыжебородый мужчина в сером кафтане. В посёлке было не принято разговаривать между собой, тем более с незнакомцами, но Игнат остановился. Мужчина, поравнявшись с ним, тихо произнёс:

- Христос воскрес.

Игнат подозрительно оглядел подошедшего, но по старой привычке ответил:

- Воистину воскрес.

И тут же осёкся: кто знает, что можно ждать от незнакомца.

- Скажите, пожалуйста, вы из Кубовой? – тихо спросил мужчина.

- Да. Жил я там, – Игнат насторожился. – А тебе-то какая надобность во мне?

Терентьев отметил про себя, что незнакомец наверное долгое время находился в местах не столь отдалённых. Что-то неуловимо знакомое отпечатывалось на лицах таких людей. Поэтому он сразу успокоился.

- Я слышал, вы дружили с Тарасом Сизовым.

Игнат от неожиданности вздрогнул. Он знал, что Сизов сколотил «повстанческую армию». Но «армию» вместе с Тарасом всю уничтожили. Поэтому неожиданный вопрос не на шутку его встревожил. Такая дружба могла стоить головы.

- Откуда ты это взял? – с дрожью в голосе спросил Терентьев.

- Вы не бойтесь. Мне сам Тарас говорил. Он из-под раскулачивания сбежал, когда вас с Вагановым брали. Тарас хотел поднять восстание против Советов, да не успел. Когда он собирал повстанцев, я у него связным был. Меня сам Тарас в лесничество устроил на бывшую нашу дачу. Ломов я, Василий.

- Ломов? Сын Семёна Аркадьевича? – Тарас взгляделся в лицо собеседника, пытаюсь найти знакомые черты. – Как же ты уцелел? Я слышал, тогда всех бойцов красноармейцы положили.

- Так и уцелел. Я ведь в активных действиях не участвовал. На тот момент даже в отряде не был, вот и дали мне пять лет с высылкой. Когда отсидел, сюда сослали. Случайно узнал, что земляк здесь.

- Ты вот что, Василий. Поменьше распространяйся насчёт землячества. Здесь это не приветствуется, а у меня семья, дети. Лучше приходи вечером ко мне домой, там и поговорим.

7. План побега

Вечером того же дня в тесную комнату длинного барака, где ютилась семья Терентьевых, постучали. Комендант и охрана никогда не опускались до этого. Они могли внезапно ворваться в любое время суток, по-хозяйски расположиться за столом и, громко разговаривая, устроить внезапный обыск. Стук в дверь был настолько необычен, что вся семья настороженно застыла в ожидании. Хлипкая дверь приоткрылась и в проём заглянул Василий Ломов.

- Хозяева, что не отвечаете? Зайти можно? – негромко спросил он.

Терентьев облегчённо вздохнул:

- Проходи, Василий, гостем будешь. Бутылку ставишь, хозяин будешь.

Игнат снял с печки чугунок, в котором варились семь картофелин в мундире, ровно по числу едоков. Дети уже сидели за подобием стола, голодными глазами наблюдая за действиями главы семейства. Василий неловко протиснулся в комнату, тщательно вытер ноги и встал возле стола:

- Шутишь, Игнат Кузьмич, я уж давно забыл, какая она есть, бутылка.

Игнат, наконец, совсем очнулся после появления гостя, пригласил того садиться и посетовал:

- Не обессудь и ты, Василий Семёнович. Нам тоже угостить тебя нечем. Если только поделишь со мной картофелину.

- Ничего, я со своим угощением, – успокоил Ломов. С этими словами он вытащил из-за пазухи краюху хлеба, тщательно разделил на пять частей и раздал детям. При этом старший, Виктор, разломил свою долю и половину отдал Сонечке, которая с жадностью набросилась на неожиданное угощение. Игнат только отвернулся, еле сдерживая слёзы. Василий, продолжая стоять у порога, тихо произнёс:

- Мне бы пошептать.

- Успеем пошептать. Садись, в ногах правды нет, – Игнат разлил оставшийся кипяток по кружкам и, дождавшись, когда гость сядет, присел рядом. – Ты сначала расскажи, где тебя носило? Мы же, считай, с девятнадцатого с тобой не виделись. Вы, помнится, с Лебедевыми к белякам подались?

- Точно, Игнат Кузьмич. К самому Александру Васильевичу Колчаку. С ним до Байкала отступали. А потом по тайге плутали. Где только нас не мотало! От самой Монголии драпали. Всю Манчжурию прошли. Там и отец мой, Семён Аркадьевич, голову сложил. Потом вот с Петькой сюда двинулись. Помнишь ещё Петьку Лебедева?

- Как же, конечно. Вечно вы каждое лето на нашей мельнице ошивались. Руленко-мельник прутом гонял. Где Лебедев сейчас?

- Мы с ним в Новосибирске расстались. Он по Оби через Колывань подался на свою дачу, а я напрямую на свою. Должны были в Кубовой встретиться, да видно – не судьба. Меня почти сразу взяли, а след Петьки затерялся.

- А зачем вы опять вернулись? Жили бы за границей. Что вам не сиделось?

- Ты что, Кузьмич, думаешь, в Манчжурии сладко было? Месяцами недоедали. Только на КВЖД чуть подкормились.

- Ну и работали бы на КВЖД. Ностальгия замучила?

- Да причём тут ностальгия? Золото отцовское решили достать.

- Откуда в Кубовой золото? – Игнат рассмеялся.

- Ты не смейся. Конечно, не в Кубовой. Помнишь, как в девятнадцатом нам срочно бежать пришлось? Мы же на даче жили. Вот тогда мы с батей закопали под берёзой горшок с золотыми червонцами. С собой же не возьмёшь такую тяжесть. Сами еле ноги унесли.

- А Лебедев?

- У того тоже был свой интерес. Вроде как их конюх тоже что-то знал. Вот я Петьку и подбил границу пересечь.

- Тоже, небось, золото было припрятано.

- Наверное. Так просто он бы не согласился ехать.

- И что с ним теперь?

- С ним-то? Я Петьку так и не видел. Слышал, что ему удалось бежать. А вот с золотом или без него – не знаю. А мне вот не повезло.

- Как же ты здесь оказался? – сочувственно спросил Игнат.

- Меня бывший дворецкий выдал. На отцовской даче большевики лесничество организовали, у Сизова там свой человек работал. Тарас меня туда на работу устроил, а дворецкий меня узнал. Я берёзу тогда приметную искал, под которой мы с отцом горшок закопали. Берёзы уже не было, и местность сильно изменилась. Я под видом землеустроителя работал и почти вышел на это место. Оставалось только найти схрон, я уже и лопату приготовил. Вот только на том месте лыва* огромная разлилась. Надо было подождать, когда дожди перестанут, и лыва та просохнет. Ещё несколько дней ожидания и можно было ночью

приступить к поиску. Я и план начертил. Не успел. Мне потом этот план в вину и поставили. Будто я хотел передать его японскому атташе. Приплели чёрт знает что. Слава Богу, не поняли, что это было на самом деле, а я тот план на всю жизнь запомнил. Мне он даже по ночам снится.

- Не повезло тебе. Столько труда, и всё напрасно. Хорошо хоть жив остался. Только отсюда всё равно не выбраться. Зря ты себя терзаешь. Здесь один путь, – Игнат махнул рукой в сторону кладбища.

Василий как-то странно посмотрел на хозяина квартиры и, спешно попросившись, ушёл. С тех пор Ломов стал заходить к Терентьевым. Иногда он приносил краюху хлеба для детей, которой те радовались как сладкой конфете. А Игната всерьёз беспокоили редкие, но заметные для постороннего глаза встречи. Он прекрасно знал, что находится под постоянным надзором. Но сказать об этом Василию не решался. Всё-таки Ломов был земляк, да и в посёлке это хоть как-то отвлекало от унылой жизни.

Однажды Ломов снова заговорил про клад. Игнат оборвал его:

- Слушай, Вася, что ты рвёшь себе душу? Пропало золото. Тебе оно больше не достанется, а больше никто не знает, где оно находится. И покончим с этим.

Ломов вскинулся и заговорил вполголоса:

- Ты, Игнат, не понимаешь, это же цель всей моей жизни. Я, может, этим дышу. Я вот думаю, наверно, в живых остался, потому что цель была. А так бы меня сразу расстреляли. Какие-то высшие силы уберегли.

Игнат расхохотался:

- Не смейся. Отсюда один путь – вон на пригорок. Мы живём одним днём. К вечеру живы – и слава Богу.

- Ты не прав. Я бежать решил.

- Куда бежать! Тут кругом топь, шагу ступить нельзя. Комендант ещё свирепствует, каждое утро проверка. Тебя день не будет на месте, тут же объявят в розыск, – Игнат тяжело вздохнул.

- Я всё продумал. Лодка у меня есть, в затоне спрятана, - шёпотом сообщил Ломов.

Игнат вдруг рассмеялся.

- Ты что? Я тебе серьёзно говорю, а ты смеяться. Что тут весёлого? – обиделся Василий.

Игнат прищурил один глаз и с придыхом спросил:

- А ты не боишься?

- Чего мне бояться? – удивился собеседник. – Я тебе только рассказал.

- Вот рассказал, а я и продам.

- Побойся Бога, Игнат Кузьмич. Я ведь тебе по дружбе.
- Бога вспомнил. А как отряд Тараса Сизова сдавал, Бога помнил?
- Так то ж другое дело было. Мне же расстрел грозил. А тебе-то зачем?

Игнат снова закатился раскатистым смехом:

- Зачем говоришь? А в отместку. Мы, чай, с Тарасом в друзьях хаживали ещё с той поры, как за девками бегали. Да и про золотишко ты мне всё рассказывал.

Ломов не на шутку перепугался. Лицо Василия побелело от одной мысли, что всё может пойти прахом. Кто знает, может, действительно Игнат хочет отомстить за друга. Неподдельный ужас отразился на перекошенном лице гостя. Дрожащими пальцами он попытался скрутить самокрутку, но просыпал на пол табак. Видя, как Ломов затрясся от страха, Игнат ещё сильнее расхохотался:

- Ладно. Пошутил я. Это, чтобы ты меньше распространялся о своей дурацкой затее. А то и мне из-за твоих бредней может попасть, а у меня, как ты видишь, семья. И мой тебе совет: прекрати думать о побеге. Ничего у тебя не выйдет. Тайги ты не знаешь. Здесь кругом, куда ни кинь, везде болота. Пытались некоторые бежать, потом находили обглоданные зверьём кости. Так что забудь и не помышляй.

Василий облегчённо вздохнул:

- Ну, ты шутник, Игнат Кузьмич. Я уж вправду думал – выдашь. Нынче, видишь, и верить никому нельзя. Запуган народ.

Ломов ушёл, проклиная себя за то, что в минуту слабости открылся Терентьеву, но не оставил мысли о побеге. Он стал тщательно подбирать соответствующую таёжному переходу экипировку. Раздобыл сапоги, крепкие штаны, приспособил мешок с ляжками под припасы, кремень и кусок железа для разведения костра и начал откладывать сухари. За всеми этими приготовлениями Игнат наблюдал с усмешкой.

8. Донос

Перебирая почту за последние дни, оперуполномоченный четвёртого отделения Нарымского отдела НКВД Колесников Василий Фёдорович отложил в сторону сообщение из посёлка Новиково Парабельского района. В сообщении говорилось:

Источник сообщает, что Ломов Василий Семёнович неоднократно встречался с Игнатом Терентьевым, с которым вёл длительные разговоры. Содержание разговоров источнику не

удалось выяснить, т. к. беседы велись вполголоса и прерывались при приближении источника.

Подпись *Кубик*

Колесников велел запрячь лошадь и спешно выехал в посёлок. Явившись к коменданту, напрямую спросил о поведении Терентьева и о его контактах с Василием Ломовым. Но тот ничего предосудительного ни о том ни о другом сказать не мог. Работали они добросовестно, встречаться тоже никому не возбранялось. В посёлке многие ходят друг к другу в гости. Видя, что от коменданта ничего не узнаешь, Колесников нетерпеливо выхватил из портфеля лист бумаги со штампом Парабельского отдела НКВД и протянул собеседнику:

- Пиши под мою диктовку.

Комендант разглядел лист на столе и вопросительно взглянул на Колесникова:

- Что писать?

- Пиши: «Характеристика. На учёте трудпоселенцев состоит . . .» И дальше по порядку.

Оперуполномоченный подождал, пока комендант напишет общие фразы, затем стал диктовать:

«Терентьев эксплуататор батраков, анти советский элемент. С момента вселения вёл контрреволюционную агитацию. В 1929 году был арестован органами ОГПУ. По прибытии из заключения не исправился ещё. Имеет до сих пор тесную связь с родственниками находящимися за границей. К Сов. власти относится явно враждебно».

Подпись: Учкомендант Молчанов.

Перечитав документ, Колесников аккуратно сложил лист пополам и, спрятав в портфель рядом с доносом, распрощался. Даже при самых лояльных действиях Игната к Советской власти, первый кирпичик в огромное здание обвинительного заключения тщательно сооружаемое органами НКВД был уже положен. Ничего этого Терентьев не знал, продолжая работать на строительстве школы. Он радовался, что, наконец, у детей будет своя школа и не надо будет их отсылать в интернат на многие зимние месяцы, где не очень хорошо кормят, и где и некому как следует присмотреть за ними.

Но между тем Игнат стал замечать, что за ним пристально наблюдает комендант посёлка. А жизнь шла своим чередом.

9. Побег

Работая без выходных, Игнат Терентьев совсем упустил тот момент, когда наступило лето. Возвращаясь домой, вдруг обнаружил, что деревья стоят в добротной листве, во дворе вымахала трава, и даже старый пенёк выпустил несколько зелёных ростков. «Когда всё успело?» – удивился Игнат, натуженно припоминая, когда весна отошла и заполыхало лето. Внезапно он вспомнил, что уже давно не видел Ломова. Люди в посёлке исчезали часто. Спустя время комендант зачитывал на общих собраниях решения о ликвидации того или иного тщательно замаскированного шпиона иностранного государства. Все искренне удивлялись, как это удавалось «врагам народа» организовывать кипучую шпионскую деятельность, да так, что даже близкие не знали о готовившихся заговорах.

В отличие от жителей посёлка комендант был прекрасно осведомлён о внезапном исчезновении Василия Ломова. В один из тёплых погожих дней, когда лето только вступило в свои права, коменданту сообщили, что трудпоселенец Ломов не вышел на работу по лесоповалу. Бригадир десятки послал одного из работников в общежитие, где проживал пропавший Ломов, но тот Василия не застал. Поднятые по тревоге красноармейцы прочесали тайгу, прилегающую к посёлку, но никаких следов не обнаружили. Сутки продолжались поиски. Солдаты буквально внюхивались в каждый куст. Были опрошены местные охотники, но те ничего не знали о побеге или не хотели отвечать. За последнее время из посёлка не пропала ни одна лодка и незаметно было, чтобы кто-то строил плот. Поиски прекратили, но для коменданта это была сильнейшая головная боль. За побег трудпоселенца он мог ответить, поэтому скрыл исчезновение Ломова от Нарымского окружного отдела НКВД. Если бы он знал, к каким последствиям приведёт сокрытие побега, то немедленно доложил бы о неприятном эпизоде. Единственное, что комендант сделал, это сообщил о побеге в оперативный штаб НКВД. Переправив тоненькую папочку дела Ломова Василия Семёновичи в Парабель, он успокоился. А в районном отделе НКВД благополучно закопали папку среди сотен таких же нераскрытых дел массовых побегов из мест ссылки. За последнее время в тайге часто стали находить обглоданные зверьём человеческие останки. Идентифицировать их не было никакой возможности, да никто и не пытался это сделать. Так, совсем недавно нашли останки, похожие на труп Ломова сильно повреждённый зверями. Поиски продолжились.

Но Василий выжил. Сначала всё было хорошо. Лодка, припрятанная за год до побега, шла ходко. Потом стали появляться жилые постройки. Стало

опасно плыть по реке, и судно пришлось утопить. Дальше Василий пошёл пешком. Ночевать приходилось у костра. Еда была, и погода стояла погожая. Солнечные лучи ярко освещали землю, но почти не грели. Лето заканчивалось, и тайга готовилась к зимней спячке. На открытых местах кусты черники ломились от ягод. Болота подсохли, кое-где проступала вода. Шагать было легко. Но вот начались морозящие дожди. Закончились продукты. Василию стало тяжело. Сырой валежник не загорался, одежда намокла и потяжелела. Беглец почувствовал близкое дуновение смерти. Он всё чаще останавливался перевести дыхание, садился на какую-нибудь кочку и подолгу отдыхал. Силы таяли с каждым днём. Однажды Василий не смог подняться. Голова кружилась, перед глазами мелькали разноцветные огоньки. Они завихрились хороводом сначала где-то сбоку, как будто кто-то подсвечивал фонариком. Василий даже испугался, думая, что его нашли солдаты. Но огоньки замелькали все быстрее, и он понял, что теряет последние силы. Присев на сломленную ветром берёзу, повалился набок, в голове зашумело, и он провалился в черноту.

Очнувшись, не поверил глазам. Прямо перед ним стояла приземистая избушка. Василий собрал остатки сил и шатаясь пошёл. С трудом добравшись до входа, открыл хлипкую дверь и вполз в избушку. Небольшое оконце освещало убогое, но продуманное убранство. В углу располагалась сложенная из природных камней и обмазанная глиной печь. На печи стоял котелок. Удобная лежанка приютилась напротив, а под окном был собранный из тонких ошкуренных жердей стол. На нём уютно устроилась керосиновая лампа. На полке поблёскивала стеклянная закрытая банка, а под потолком подвешены коробки. По всему полу избушки валялись клочки газет и небольшими кучками лежал мышиный помёт. Чувствовалось, что избушку давно не посещали.

Василий достал с полки банку. Там оказались спички и какие-то документы. Он затопил печь. Благо, рядом с топкой лежали сухие дрова, а в печи уже было всё приготовлено для розжига. От печи потянуло теплом. Огонь придал силы. Преодолевая одышку, Василий сходил за водой к ручью, который он заметил ещё подползая к избушке. В коробках оказались съестные припасы, спрятанные от лесных грызунов. Хозяин жилья, видно, рассчитывал оставаться надолго, но что-то ему помешало.

Сварив жидкий кулеш, беглец смог утолить голод и провалился в глубокий сон.

Когда он проснулся, в избушке было холодно. Печь давно погасла, и было непонятно, сколько он проспал. Может, двенадцать часов, а может, сутки. Лучи солнца пробивались сквозь оконце, и за стеной хорошо было слышно весёлое щебетанье птиц. Василий чувствовал себя превосходно. Первым делом он

осмотрел жилище. Бывший хозяин основательно запасся продуктами. Найденные в банке документы указывали на то, что он жил там некоторое время, потом ушёл ненадолго в тайгу и не вернулся. Из документов было видно, что он ровесник Василия, Зайцев Иван Семёнович, охотник из села Подгорное. Понятно, что в нынешней обстановке человека, задержанного в тайге без документов, могли не только препроводить для выяснения личности, но и пристрелить на месте. Неясно, почему охотник оставил их в избушке. Вероятнее всего, он отошёл недалеко, что-то случилось, и человек погиб. Судя по мышинным следам, в избушке давно никто не жил.

Отдохнув и набравшись сил, Ломов принялся обследовать ближайшие окрестности. Избушка стояла на пригорке. Возле крыльца протекал небольшой ручей, который брал своё начало из прозрачного родника. Под навесом лежали сухие дрова, к поленнице была прислонена лучковая пила, и в колоду воткнул топор. Найдя в избушке силки, Василий стал охотиться. Попадалась в основном мелкая дичь: мелкие рыжие зверушки да полёвки, но это была пища, и это была жизнь.

Однажды он набрёл на еле заметную тропинку и стал готовиться идти дальше.

ЧАСТЬ II

“Крепче удар по кулаку, жулику, лодырю!”

“Да здравствует вождь ВКП(б) тов. Сталин!”

Призывы к 1 Мая. 30-е годы

1.1937 год. Эйхе*

Пятнадцатого марта тысяча девятьсот тридцать седьмого года в здании Новосибирского крайкома партии на всех этажах горел свет. Несмотря на то что трудовой день окончился, все работники крайкома были на местах. Люди не расходились до той поры, пока от крыльца не отходила чёрная «эмка». В любой момент мог раздасться телефонный звонок, и не дай Бог требуемого человека не окажется на месте. Первый секретарь Западно – Сибирского крайкома ВКП(б) Эйхе Роберт Индрикович* сидел в просторном кабинете и вчитывался в доклад Сталина. Изредка в знак согласия он удовлетворительно кивал головой. Закончив читать и отчеркнув для себя наиболее значимые абзацы, Роберт Индрикович вызвал помощника. Дав распоряжение собрать членов крайкома на завтра, Эйхе выехал домой. Все вздохнули с облегчением. Зная крутой нрав первого секретаря, народ находился в напряжении, изображая кипучую

деятельность. Через минуту после отъезда «эмки» захлопали двери кабинетов, сотрудники заспешили к своим семьям. Дома ждали близкие, привыкшие к поздним приходам родственников. Здание опустело и погрузилось в полную темноту. Только в комнате дежурного милиционера окно продолжало светиться до утра.

На следующий день в здании крайкома собрались все члены комитета. На повестке дня стоял один вопрос: «Ужесточение борьбы с «врагами народа». Обсуждался Сталинский доклад об обострении классовой борьбы. Выступал товарищ Эйхе. Он говорил несколько часов подряд. Роберт Индрикович самокритично признал недостаточной работу по разоблачению вражеских элементов в Сибири. В конце выступления первый секретарь сказал:

- Попрятавшиеся в щели контрреволюционные элементы продолжают вести планомерную подрывную работу по свержению Советской власти. Подчас власти запоздало реагируют на контрреволюционные выступления, потому что не знают, какова ситуация на местах. У нас ещё плохо организовано доносительство. Те лица, которые выслушивают агитацию и не разоблачают «контру», сами косвенно способствуют попыткам развала страны, и этому надо поставить железный заслон!

Члены крайкома внимательно выслушали доклад и в обширных прениях единодушно поддержали курс партии на полное искоренение врагов социализма и революции. Заседание затянулось до позднего вечера.

Когда актив разъехался, Эйхе прилёг отдохнуть в своём кабинете на диване, велел разбудить через два часа. После короткого сна он позвонил в Москву. Эйхе знал, что в столице партийная верхушка в это время не спит. Сталин ложился не раньше трёх часов утра, и поэтому весь секретариат тоже оставался на своих рабочих местах. Можно было докладывать, несмотря на большую разницу во времени. Действительно, телефонистка почти мгновенно соединила абонента с кем нужно. Доложив о заседании крайкома и принятой резолюции, Роберт Индрикович попросил скорейшего принятия конкретных решений о начале развёртывания наступления на «враждебные элементы».

Выслушав Эйхе, Сталин удовлетворённо кивнул головой и потянулся за трубкой. Рядом лежала коробка папирос «Герцеговиной Флор». Набив трубку табаком, он с удовольствием затянулся душистым дымом. Значит, на местах принимают правильные решения, и пора жёстко реагировать.

Второго июля Александр Николаевич Поскрёбышев*, секретарь Сталина, обзвонил членов Политбюро, приглашая на внеочередное заседание. Собравшиеся в кремлёвском кабинете Сталина ждали недолго. В комнату неторопливой походкой вошёл «хозяин», держа в руках неизменную трубку, и, нетороп-

ливо попыхивая, сразу перешёл к делу. Нажимая на каждое слово, он с грузинским акцентом обратился к Лазарю Моисеевичу Кагановичу*:

- Товарищ Каганович, запишите телеграмму.

Лазарь Моисеевич подался вперёд, всем видом выражая внимание и готовность.

Сталин выдержал паузу и, время от времени вынимая изо рта трубку, размеренно шагая по кабинету, тихим голосом стал диктовать:

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, - являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте, и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП (б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учёт всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но всё же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП (б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Сталин остановился, замолчал, зорко оглядел всех присутствующих и снова заговорил:

- У Политбюро есть возражения?

Члены политбюро сидели молча. Все ждали, какие указания последуют от Сталина.

Заметив, что Калинин* пошевелился, он спросил:

- У товарища Калинина есть какие-то дополнения?

- Нет, нет, товарищ Сталин, я полностью одобряю, - вскочив со стула, поспешно согласился «всесоюзный староста».

Хозяин кабинета ещё раз окинул всех взглядом и продолжил:

- Тогда, я думаю, оформляем это решением Политбюро, рассылаем в низовые организации, и передаём товарищу Ежову для принятия конкретного постановления НКВД.

На этом заседание закончилось. Члены политбюро стали поспешно расходиться, остался только Ежов*. Генеральному секретарю необходимо было уточнить детали взаимодействия органов НКВД с партийными. После долгого разговора с Ежовым, Сталин вызвал Поскрёбышева и приказал разослать на места директиву о начале кампании по борьбе с «врагами народа».

Уже шестнадцатого июля состоялось совещание Ежова с начальниками областных управлений НКВД. Генеральный комиссар государственной безопасности дал общую оперативно-политическую директиву, где описал задачу комиссариата внутренних дел на текущий момент. Когда закончилось совещание, заместитель Ежова Фриновский* определил каждому начальнику управления количество лиц, подлежащих репрессиям.

Получив на руки «оперативный лимит» на подавление мятежного движения, начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю Сергей Наумович Миронов схватился за голову. Такой масштаб операции повлечёт за собой аресты не только простых граждан, но и ряда высокопоставленных лиц. Как с ними поступать?

Добившись приёма к Ежову, он прямо спросил об этом. Генеральный комиссар с досадой ответил:

- Почему вы их не арестовываете? Мы за вас работать не будем. Посадите их, а потом разберётесь: на кого не будет показаний отсеете. Действуйте смелее, я уже вам неоднократно об этом говорил.

Затем подмигнул и добавил:

- Знаете что? В отдельных случаях, если нужно, начальники отделов с вашего разрешения могут применять и физические методы воздействия. Чтобы стоворчивее были.

Выйдя из-за стола, Ежов протянул руку, показывая, что разговор окончен. Как бы ставя точку в неприятной беседе, он твёрдо отрубил:

- Запомните, в связи с разгромом врагов будет уничтожена и некоторая часть невинных людей, но это неизбежно. Ещё раз напоминаю: революционный долг превыше всего.

Видя, что Миронов не уходит, Ежов, поморщившись, спросил:

- Что-то ещё?

- Да, Николай Иванович. Что делать с арестованными стариками семидесяти и восьмидесяти лет?

Ежов усмехнулся:

- Если держится на ногах – стреляй.

А двадцать пятого июля в Новосибирском клубе имени Дзержинского был собран начсостав всех подразделений НКВД. Там выступил Миронов. Сер-

гей Наумович призвал к особой бдительности и дал указание приступить к массовому аресту бывших белых офицеров, карателей, сектантов, уголовников, бывших бандитов и кулаков. Он подчеркнул, что согласно директиве Генерального комиссара государственной безопасности товарища Ежова никаких ограничений на арест названных категорий нет. Следствие в их отношении необходимо вести максимально упрощённым порядком. После этого совещания секретным приказом Управления Государственной Безопасности УНКВД по Запсибкраю разлетелись разнарядки на аресты по каждому региону полутора-двух процентов от численности населения. Решением Управления план ликвидации «враждебных элементов» был доведён до местных органов власти.

Ориентировочно, по Западно-Сибирскому краю планировалось расстрелять пять тысяч человек и лишить свободы двенадцать тысяч. В отдельной беседе с низовыми организациями Миронов заявил, что выполнение намеченных операций вызовет определённые «технические» проблемы. При этом он не выбирал выражения в наставлениях коллегам:

«Остановлюсь на вопросах техники. Если взять Томский оперсектор и ряд других секторов, то по каждому из них в среднем, примерно, надо будет привести в исполнение приговоры на тысячу человек, а по некоторым – до двух тысяч. Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он приедет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дёрн и потом этим дёрном покрыть это место, с тем чтобы всячески конспирировать место, где приведён приговор в исполнение, потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни их количество, ничего не должен знать абсолютно – потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений...»

Последняя фраза говорила о том, что в руководстве УНКВД понимали: предстоящие репрессивные действия незаконны. Страх перед разоблачением где-то теплился и иногда показывал «заячьи» уши.

Через некоторое время курьер доставил в Новосибирск ещё один секретный приказ из Москвы, за номером 00447, с утверждением внесудебной «тройки» в составе первого секретаря Эйхе, начальника управления НКВД Миронова и краевого прокурора Баркова. Маховик репрессий был запущен.

2. Секретная переписка

Начальник Нарымского окружного отдела НКВД Мезис Михаил Емельянович сидел в своём кабинете и разбирал присланную нарочным почту. Перед ним лежал конверт с пометкой «совершенно секретно». Мезис вскрыл конверт и удовлетворённо улыбнулся. В послании значилось:

«При этом направляются документы по запросу на Ломова Василия Семёновича для определения репрессивных мер по запрашиваемым лицам:

Управлением Государственной Безопасности УНКВД по ЗСК на территории Западно-Сибирского края вскрыта и ликвидирована контрреволюционная кадетско-монархическая и эсеровская организации, которые по заданиям японской разведки и зарубежной белогвардейской организации, именующей себя «Российский Общевоинский Союз», до последнего времени вела активную подготовку к вооружённому выступлению против соввласти, намереваясь поднять вооружённое восстание в момент внешних военных осложнений.

В 1935 году один из руководителей к-р. кадетско-монархической организации, бывш. генерал ЭСКИН установил в Новосибирске связи с членами т. н. «Сиббюро ПСР» ПЕТЕЛИНЫМ и другими, возглавлявшими к-р. эсеровскую организацию в Западной Сибири.

В том же 1935 году руководители «Сиббюро ПСР» и члены боевого штаба кадетско-монархической организации пришли к убеждению о необходимости объединения повстанческих кадров обеих к-р. организаций. Руководство всей боевой и повстанческой работой, по договорённости с руководителем «Сиббюро ПСР» ПЕТЕЛИНЫМ, взял на себя боевой повстанческий штаб, возглавлявшийся б. генералами ЭСКИНЫМ и МИХАЙЛОВЫМ.

Следствием установлено, что с 1931 по 1937 года членами боевого повстанческого штаба МИХАЙЛОВЫМ, ЭСКИНЫМ, ДОЛГОРУКОВЫМ и ПИРОЦКИМ в Нарымском округе была сформирована повстанческая дивизия, в состав которой входил ряд войсковых подразделений и отдельных боевых отрядов, возглавлявшихся бывшими офицерами царской и белой армий.

Активным участником контрреволюционной эсеровско-монархической террористической повстанческой организации

был командир повстанческого взвода ЛОМОВ В. С. По поручению одного из руководителей данной контрреволюционной организации пом. командира повстанческого полка б/казачим подъесаулом МИХАЙЛО-ПУЛО, он, формируя повстанческий взвод, в марте м-це 1933 г. в пос. Новиково завербовал в контрреволюционную эсеровско-монархическую террористическую повстанческую организацию трудпоселенца ТЕРЕНТЬЕВА Игната Кузьмича.

Из протокола допроса Ломова В. С., обвиняемого в шпионской деятельности в пользу Японской разведки и как участника эсеровско-монархической повстанческо-монархической организации выяснено, что, кроме Терентьева, им в антисоветскую организацию были завербованы Налимов, Карлов, Брусов, Куракин, братья Пичулис, Макаров и Зиновьев, проживающие в Парабельском районе, из которых он сформировал повстанческий взвод и возглавил руководство этим взводом.

Сотрудник штаба Парабельского отдела НКВД
Ст. лейтенант госбезопасности подпись (Мартов)

Выписка из протокола № 18/3
Заседания ТРОЙКИ УПРАВЛЕНИЯ НКВД ЗАПСИБКРАЯ
26 августа 1937 г

С Л У Ш А Л И

Дело № 3665 Нарымского Окротдела НКВД.

ЛОМОВ Василий Семёнович 1905 года рожден. урожен. бывш. Новониколаевска обвиняется по ст. 58-2-6-11 в шпионской деятельности в пользу Японской разведки и как участник эсеровско-монархической повстанческо-монархической организации

П О С Т А Н О В И Л И

ЛОМОВА Василия Семёновича

Р А С С Т Р Е Л Я Т Ь

Лично принадлежащее ему имущество конфисковать.

Выписка верна: Инспектор 8 отд. УГБ УНКВД по ЗСК

Подпись

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки УНКВД Запсибкрая от 26 08 месяца 1937 года о расстреле ЛОМОВА Василия Семёновича приведено в исполнение 27 08 мес. 1937 г

ВЕРНО СОТРУДНИК ОПЕРШТАБА Подпись

Мезис не знал, что документы на самом деле были фиктивны. После запроса дела Ломова Василия Семёновича из Нарымского окружного отдела начальник оперштаба НКВД Парабельского района не спал несколько ночей. Дело Ломова нашли среди папок под грифом «Розыск». Это значит, что человек совершил побег и не найден. За такие дела, да ещё после запроса вышестоящей организации, можно было и самому попасть в места не столь отдалённые. Спас положение один из работников штаба, вспомнивший, что совсем недавно рассматривалось дело некоего Сомова Василия Семёновича. Дело Сомова ещё не успели передать в областной архив. Умельцы оперштаба подправили листы допроса. Сомова хорошо обработали перед расстрелом «спецсредствами», поэтому подпись была корявая и легко исправлялась. С лёгкой совестью оперштаб переслал состряпанное дело Ломова в Нарымский окружной отдел НКВД, а старое дело сожгли. О Ломове забыли.

3. Арест

Августовской ночью в барак, где ютились кроме Терентьевых ещё шесть семей, вломился сотрудник Нарымского окротдела НКВД в сопровождении двух милиционеров. Предъявив Игнату ордер на арест, он тут же приступил к обыску. Один из милиционеров вытащил бланк протокола обыска, заполнил все данные о Терентьеве и спросил, что записывать? К этому времени закончился обыск. Сотрудник развёл руками. Нищета проглядывала из всех щелей. Конечно, ни оружия, ни каких-либо бумаг с записями в комнате не было. Даже денег у Терентьевых не обнаружилось, так как в работе Игната учитывались только трудодни, а жене за работу выдавался скудный паёк. Подумав немного, опер бросил:

- Пиши, как есть: «При обыске ничего не обнаружено».

Закончив все формальности, уполномоченный вежливо попросил Терентьева собираться в дорогу. Разбуженные дети испуганно жалась к матери, не понимая, что происходит. В сопровождении милиции Игната увезли в село Парабель, там его сдали в дом предварительного заключения при окружном отделе НКВД.

В камере была уже знакомая обстановка. Напротив небольшого оконца, расположенного почти под потолком и забранного железной решёткой, стоял привинченный к полу стол, тут же – две небольших скамейки. Вдоль стен камеры были сооружены двухъярусные нары, на которых полагалось лежать только после отбоя, в углу стоял бак с нечистотами. В камере находились ещё три человека. Двоих Терентьев знал. Это были соседи из села Новиково. Войдя в камеру, Игнат, как и положено, представился и спросил, куда положить вещи. Ему указали на свободные нары. Оглядывая сокамерников, он попытался узнать, за что их арестовали. Те только пожимали плечами. Их самих срочно привезли в Парабель, не объясняя причины ареста. Они угрюмо сидели, склонив головы. Зато третий мужичонка, с жиденькой бородкой и красным носом, в драном треухе, сразу подсел к Игнату, явно вызывая на откровенность. Мужик снял треух, под которым обнаружилась обширная плешь, и назвался плотником из села Старица, находившегося недалеко от Новиково. Плотник, не умолкая, рассказывал, как он умело мастерил гробы, отчего навеял на Игната грусть. Болтливость мужичка вызывала раздражение. В конце концов Игнат отошёл к окну, делая вид, что очень заинтересовался чирикающими воробьями, заглядывающими за решётку. Мужик наконец отстал.

Раз в день в двери открывалась форточка и на полку выставлялась миска с кашей и четыре пайки хлеба. В первый день Терентьев хотел сразу всё съесть, но те, кто сидел давно, предупредили, что вечером будут давать только кипяток, и поэтому сразу съедалась только каша, а хлеб оставлялся на вечер с положенным кипятком. Через двадцать дней, когда Терентьев уже отчаялся ждать, его вызвали на допрос.

4. Допрос

Ранним утром Игната доставили в кабинет следователя Нарымского окружного отдела НКВД Бузулина. Охранник ввел Терентьева в небольшую комнату с зарешётчатым окном и велел ждать. Минуты через три вошёл розовощёкий молодой человек с лейтенантскими знаками отличия в петлицах. На вид ему было лет двадцать – двадцать пять. С левой стороны кителя алел значок «КИМ». Над верхней губой лейтенанта едва проступали рыжие усики. Бравый вид дополняли скрипучая портупея и новенькая кобура револьвера.

Игнат представился и вытянулся возле стола. Хозяин кабинета приветливо бросил:

- Присаживайтесь, Игнат Кузьмич.

Терентьев присел на кончик стула.

Бузулин протянул пачку папирос и располагающе улыбнулся:

- Закуривайте.

Игнат никогда не курил, поэтому вежливо отказался. Тогда следователь достал бланк. На бланке значилось:

«НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Управление Государственной Безопасности УНКВД по
Запсибкраю

**Нарымский Окружной Отдел НКВД
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА»**

Бузулин стал аккуратно заполнять бланк, изредка задавая вопросы. При этом он дружелюбно улыбался, всем своим видом показывая сочувствие к сидящему напротив подследственному.

1937 г *Сентября* мес 4 дня Я *Пом Опер Уполн 4 отдела*

УГБ УНКВД Бузулин допросил в качестве *Обвиняемого*

Фамилия *Терентьев*

Имя и отчество *Игнат Кузьмич*

Дата рождения *1899*

Место рождения *с Рогозово. б/ Полтавской губ.*

Рогозовского уезд.

Место жительства *пос Новиково Парабельского района*

Нац и гражданство *Русский, СССР*

Паспорта *Нет*

Род занятий *Плотник на строительстве школы*

Социальное происхождение *из крестьян кулаков*

Состав семьи *Жена Терентьева Александра Андреевна 34 года домохозяйка, дочь Анна 14 лет учащаяся, сын Виктор 13 лет учащийся, дочь Агафья 12 лет, учащаяся, дочь Клавдия 11 лет учащаяся, дочь Софья 10 лет учащаяся. Все они проживают в пос. Новиково Парабельского района*

Образование *С/шк*

Каким репрессиям подвергался

а) до революции *не судим*

б) после революции в 1930 году осуждён на 2 года ИТЛ
и на 5 лет ссылки

категория воинского учёта *снят с учёта как кулак*

Вопрос: *Когда и откуда прибыл в Нарым?*

Ответ: В Нарым я был выслан как кулак из с Кубовая Барлакского района Запсибкрая после отбытия срока ИТЛ №1 г. Новосибирска

Вопрос: Какое имел хозяйство до выселения?

Ответ: Хозяйство у меня было: 2 лошади, одна корова, две овечки, дом, лобогрейка, посеvu производил 12 га, своём хозяйстве применял наёмную рабочую силу.

Протокол мне прочитан, записано правильно

В чём расписуюсь

Терентьев

**Допросил: Пом опер упол 4 отдела УГБ УНКВД
Бузулин**

Закончив писать, Бузулин протянул протокол Игнату:

- Прочтите и распишитесь на каждом листе и в конце, что написанное соответствует вашим словам.

Поставив подпись под протоколом, Терентьев поинтересовался:

- За что меня задержали?

Следователь удивился:

- Вам что, до сих пор не предъявлено обвинение? Хорошо, я выясню и в ближайшие дни вам сообщу.

Бузулин ещё раз посочувствовал Игнату и пообещал сделать всё, чтобы тот оказался на свободе. Что все недоразумения будут наконец-то выяснены и Игната отпустят. После этого Бузулин вызвал конвойного ещё раз посочувствовав заключённому.

Вернувшись в камеру, Терентьев попал в радушные объятия плотника из Старицы. Мужичонка засуетился вокруг Игната. Сняв треух, смахнул со стола несуществующие крошки и заорал на сокамерников:

- Чё расшоперились! Видите, человек с допроса сам не свой явился! Давайте, давайте, освободите место.

Он усадил Игната на освободившуюся скамейку и суетливо присел рядом. Расспросив о следователе, о вопросах, которые тот задавал, внезапно заплакал. Игнат даже растерялся от неожиданности и принялся утешать собеседника. Тот доверительно придвинулся к самому уху:

- Ты вот что, Игнат, не особливо артачься.

- А это ещё почему? – насторожился Игнат.

Мужичонка утёр треухом слёзы и, шмыгая красным носом, зашептал:

- Ко мне давеча жена на свиданку приходила. Нас с ейным братцем вместе повязали. Ночью пришли с обыском. А что у нас искать? Только если вошь под подушкой. Привезли вот сюды же. Он аккурат на твоём месте спал. Прому-

рыжили, как и тебя, а потом вызывают по одному к следователю. Сначала меня. Следователь протягивает бумаги, а там на машинке напечатано, что я являюсь японским агентом, и говорит – подпиши. Я, конечно, в отказ. Знать не знаю и знать не желаю. Вот как столб стою и всё тут. Как он ни уламывал – стою на своём. Меня назад – в камеру, а шурыка – к следователю. И тоже бумагу подсовывает. А шурыку всё равно. Он и подписал все листы. Через два дня шурык на свободе, а мне – этап или того хуже.

- Ты же не подписал. Так за что этап? – удивился Игнат.

- В том-то и заковыка. Жена сказывала: подпись нужна для отчётности. У них там своя булгахтерия. Они же не дураки. Какой шпионаж в нашем болоте? Лягушек посчитать для япошек? А так припомнят, что я в колхоз не хотел вступать и что-нибудь ещё, чего я сам не помню. Вот и думай: или к жене под бок, или новый срок.

Мужичонка почесал жиденькую бородку, опасливо оглянулся и сунул Игнату сухарь:

- Держи. Подкрепись малость. Жена передала.

Игнат был голоден, так как из-за допроса пропустил обед, и охотно взял сухарь. Ночью он долго не мог уснуть. А и действительно, что ещё надо власти? Всё добро отобрали, отсидел неизвестно за что, сослали в глушь. Сейчас-то что он сделал? Живёт, работает. Даже имеет поощрения. Только под утро Игнат забылся беспокойным сном.

5. Повторный допрос

Помощник оперуполномоченного четвёртого отдела УГБ УНКВД Бузулин Семён Николаевич просмотрел все материала дела Терентьева и отправился на доклад к начальству. Осторожно постучав в дверь с надписью «Начальник окружного отдела НКВД Мезис М. Е.», приоткрыл дверь. Мезис поднял голову от бумаг и приветливо махнул рукой:

- Заходи, заходи, Семён Николаевич. Вот ты-то мне и нужен. Ты ведёшь дело Игната Терентьева?

Бузулин утвердительно кивнул.

- Можешь мне его занести? – Мезис закурил и вопросительно посмотрел на опера.

- Я как раз хотел доложить о ходе расследования, – Бузулин прошёл к столу и протянул папку.

Мезис просмотрел листы и удовлетворённо захлопнул папку:

- Попалась гнида. Как это он сумел до сих пор ускользнуть?

- Что? Старый знакомый?

- Ты ещё спрашиваешь? Да ты знаешь, как он нас встретил в двадцать девятом, когда я с местными комсомольцами его раскулачивал?

- Сильно лютовал, Михаил Емельянович?

- С топором, сволочь, кинулся. Тогда мне поручение дали: взять под стражу в селе Кубовая троих: Терентьева, Ваганова и Сизова. Этого гада мы сразу взяли. Вторым был Ваганов. Только мы в ворота въехали, как он выскочил с вилами. Тогда один парнишка, кажется, его звали Яшка Ширинкин, меня своим телом прикрыл. Лихой осодмиловец* был. Так Ваганов ему легкое пробил. Не знаю, жив он или нет сейчас. А Сизов сбежал. Банду сколотил. Но банду мы всё равно уничтожили вместе с Сизовым. Так вот. К чему я это говорю? А, да. Связным у Сизова был некто Ломов, сын помещика, который прибыл из Харбина. Цель у него была: вначале собирать шпионские сведения и в дальнейшем установить связи с недовольными Советской властью. И это ему удалось. Тогда его не расстреляли только потому, что фактически мы через него на банду вышли. А сейчас след его обнаружился в Новиково. Отсидел, сволочь, и опять за своё взялся. К счастью, ребята полностью его изобличили. Расстреляли гада. Мне передали документы по нему. Здесь все связи, в том числе и с Терентьевым. Так что не отвертеться голубчику. Завтра протокол подготовь и постарайся, чтобы Терентьев его подписал.

Мезис протянул следователю папку с делом Ломова и махнул рукой, показывая, что разговор окончен.

Утром следующего дня следователь вызвал Игната на допрос. Подсадной уже сообщил охране, что заключённый Терентьев поддался обработке и фактически готов подписать любые бумаги, лишь бы встретиться с семьёй.

Разложив на столе следственной камеры тщательно отпечатанные на машинке допросные листы, Бузулин задумался. Как повести себя, если Терентьев откажется подписывать протокол? Всё, что там написано, явная липа. Какой заговор? В этой тьму-таракани можно готовить заговоры только против волков, которые в последнее время невероятно расплодились. Старики говорят, такое нашествие зверья бывает только перед войной. Бузулину приходилось не раз применять жёсткие методы допроса. За десять дней он более тридцати раз встречался с подследственными. В основном это были сломленные тюрьмой люди, подписывающие любую бумагу. Но попадались упёртые, к которым применялись меры физического воздействия. Совсем недавно шедший по этому же делу заключённый Зиновьев наотрез отказался подписывать липовый протокол. Бузулин вспомнил, как два охранника по очереди избивали того в течение пяти дней, пока он, захлёбываясь кровью, не согласился поставить подпись на

всех допросных листах. Следователь должен был добиться одного: признания, любого, пусть самого фантастического преступления. Бузулин не раз применял, как говорили, «недозволенные меры физического воздействия». Попросту хладнокровно избивал допрашиваемых. В его руках любой предмет мог превратиться в орудие пытки. Не важно, был ли это простой карандаш или табуретка, умело выбиваемая из-под заключённого. Под рукой всегда была скрученная верёвка, резиновая дубинка, изготовленная из автомобильной покрышки, и ведро с водой. Он очень устал от людей, которых надо было ломать.

В дверь постучали. Бузулин ещё раз оглядел камеру, отметил про себя, что все орудия пыток на месте и скрыты в полумраке. В камеру вошёл охранник. После традиционного представления он доложил, подследственный Терентьев Игнат Кузьмич доставлен.

- Хорошо. Пусть входит, - следователь встал навстречу Игнату, приглашая того к столу. Весь вид Бузулина источал радушие и гостеприимство.

- Игнат Кузьмич, как себя чувствуете? Жалобы есть? Понимаю, тюрьма не курорт. Но думаю, скоро все недоразумения разрешатся, и вам позволят соединиться с семьёй. Пожалуйста, присаживайтесь.

Игнат сел, по-стариковски ссутулившись, напряжённо держа руки на коленях.

Дождавшись, когда подследственный усядется, Бузулин спросил:

- Может, чаю?

Терентьев пожал плечами. Следователь вызвал охранника и велел принести два стакана крепкого чая с печеньем. Охранник обернулся быстро, неся поднос с двумя стаканами, источающими забытый аромат. На блюде возвышалась горка печенья.

- Угощайтесь, – вкрадчиво предложил следователь.

Терентьев не ожидал такого приёма и растерялся, но чай взял. Откусывая кусочки печенья и прихлёбывая из стакана, он с удивлением отметил, что чай очень хорош. А следователь продолжал говорить, рассуждая об ошибочных задержаниях и о том, как трудно подчас бывает разобраться в несправедливости по отношению к осуждённым.

Вслушиваясь в голос следователя, Игнат успокоился. Действительно, вот и его непонятно зачем арестовали и уже много дней держат в тюрьме. Между тем Бузулин продолжал:

- Вы, вероятно, не догадываетесь, почему вы ещё здесь?

Игнат удивлённо кивнул:

- Я уже спрашивал. Вы обещали разобраться.

- Да, да, помню. Вы уж извините, что наши органы несколько перегнули. Вообще, конечно, вы случайно попали в поле наблюдения за японским шпионом Василием Ломовым. Я понимаю: встретились земляки, разговор, то да сё. Наверное, пытался вербовать?

Бузулин пытливо взглянул на Игната. Тот востропнулся и приподнялся со стула:

- У нас даже и разговоров не было!

Следователь задумчиво кивнул:

- Ну да, ну да. Глубоко законспирировался. Ничего, мы его всё равно раскрыли, так что враг пойман. Но для окончания следствия необходимо его припереть к стенке, вот для этого нужны ваши показания.

- Но мы ни о чём таком не говорили.

Игнат даже обиделся: почему следователь ему не верит? Ломова же разоблачили. Но тут следователь, как бы возражая мыслям Игната, воскликнул:

- Верю, верю. Кто бы мог подумать, что столько лет не могли выйти на злостного врага. Я думаю, ему не отвертеться. Не хватает малых деталей. Если вы нам поможете, то мы быстро завершим следствие, а вы вернётесь к своей семье.

- Так что я могу сделать, находясь в заключении? – Игнат искренне возмутился.

- Что вы! Ничего делать и не надо. Нужно только подписать протокол. Конечно, многое в нём для вас непонятно, но, поверьте, это необходимо для окончательного разоблачения долго скрывавшегося врага.

Терентьев взял листы протокола, отметив про себя, как тщательно выведена так называемая «контрреволюционная» деятельность допрашиваемого. Создавалось впечатление, что он сам подчёркивал принадлежность к некой мифической организации, которая готовилась серьёзным образом свергать Советскую власть. После стандартных вопросов и ответов, перепечатанных из предыдущего протокола, следовал откровенный вымысел:

Вопрос: Вам предъявляется обвинение в том, что Вы являлись активным участником контр-революционной эсеровско-монархической повстанческой организации, существующей в Парабельском районе, подготовлявшей вооружённое восстание против соввласти. Вы признаёте себя виновным в этом?

Ответ: Да, признаю себя виновным в том, что я действительно до момента ареста являлся участником контр-революционной эсеровско-монархической повстанческой организации, существующей в Парабельском районе, подготовившей вооружённое восстание против советской власти.

Вопрос: Когда и кем Вы были вовлечены в данную контр-революционную организацию?

Ответ: В подпольную контр-революционную эсеровско-монархическую организацию я был завербован в марте м-це 1933 г. трудпереселенцем ЛОМОВЫМ Василием Семёновичем.

Вопрос: Когда Вам ЛОМОВ рассказал о контр-революционной эсеровско-монархической повстанческой организации, Вы дали согласие на участие в ней?

Ответ: Когда я у ЛОМОВА расспросил все подробности, только тогда дал своё согласие вступить в контр-революционную эсеровско-монархическую организацию и принять активное участие в вооружённом восстании против советской власти. ЛОМОВ меня зачислил в свой взвод.

Вопрос: Какие задачи стояли перед вашим взводом?

Ответ: ЛОМОВ мне говорил, что во время восстания мы со своим взводом должны напасть на село Старицу, перебить коммунистов, сельский актив и ликвидировать с/совет, захватить всё оружие в Сибпушнине и двигаться в Парабель на соединение с другими повстанцами.

Вопрос: Что Вам известно о сроках вооружённого восстания?

Ответ: ЛОМОВ мне говорил, что восстание против советской власти подготавливается в момент военного нападения на Советский Союз со стороны Японии и Германии, при этом ЛОМОВ заявил, что свергнуть советскую власть только своими силами мы не сможем. Нам нужна помощь капиталистических государств.

Вопрос: Какие задания Вам дал ЛОМОВ?

Ответ: Когда я дал согласие вступить в подпольную эсеровско-монархическую повстанческую организацию, ЛОМОВ предложил мне найти и купить для себя оружие, какое только могу я приобрести, и с этим оружием должен буду участвовать в вооружённом восстании против соввласти, при этом ЛОМОВ заявил, что наша к-р. организация постарается снабдить меня более лучшим оружием.

Вопрос: Вы приобрели оружие?

Ответ: Я принял меры приобрести себе оружие. Мне, как не охотнику, комендант не разрешил ждать вооружённое восстание и вооружить себя за счёт отобранных трофеев.

Вопрос: После вербовки Вы встечались с ЛОМОВЫМ?

Ответ: Да, встречался, последний раз, я с ЛОМОВЫМ встречался в мае м-це 1937 года.

Вопрос: Кого из числа руководителей вашей контр-революционной организации и других участников называл Вам ЛОМОВ?

Ответ: ЛОМОВ мне руководителей и участников нашей подпольной контр-революционной эсеровско-монархической организации не называл, когда я спрашивал у ЛОМОВА о руководителях и участниках, то он мне сказал, что я должен знать только его одного. Ответом ЛОМОВА я вполне был удовлетворён и мне это знать не полагается, поэтому фамилии участников нашей организации я не знаю.

Вопрос: В чём конкретно выражалась Ваша практическая деятельность как участника к-р. организации?

Ответ: Мне, как участнику нашей контр-революционной организации, было предложено среди трудпоселенцев и местного населения проводить контр-революционную агитацию, что я и делал до момента ареста.

Больше добавить ничего не имею, протокол мне прочитан. записан с моих слов правильно, в чём и расписуюсь

(Терентьев)

ДОПРОСИЛИ: ПОМ. ОП.УП. 4 ОТД. УГБ УНКВД ЗСК

(Бузулин)

ПОМ. ОПЕР. УП. НАРЫМСКОГО О/О НКВД

(ДОЦЕНКО)

Игнат вчитывался в страницы протокола и не мог понять, как можно поверить в эту чушь. Перед ним вырисовывалась мифическая шпионская сеть, руководимая непонятным образом из-за рубежа. Да в Парабель не то что из-за границы, из Томска редко наведываются. Вся эта галиматья не стоила выеденного яйца. Но, если это нужно для следствия, он подпишет, лишь бы встретиться с семьёй. Игнат потянулся за ручкой и расписался на каждом листе. Так Терентьев подписал себе смертный приговор.

6. Особая тройка

Двадцать второго сентября на стол прокурора Западно-Сибирского края Игнатия Ильича Баркова* секретарь положил заранее подготовленный прото-

кол с тридцатью четырьмя фамилиями. На отдельном листе стояли подписи ознакомления начальника УНКВД и секретаря крайисполкома. Барков недовольно поморщился: опять предстояла бессонная ночь заседания тройки. Игнатию Ильичу приходилось несколько кривить душой, визируя списки на рассмотрение Особой Тройки*. Но что делать, если партия требует усилить борьбу с контрреволюцией. Ещё на фронтах гражданской войны он, будучи молодым бойцом, получил тяжёлое ранение в ногу и прихрамывал, опираясь на трость. Сегодня так некстати с утра заныла рана. Да ещё эта проклятая изжога! Она всегда начинала донимать в самое неподходящее время.

Протокол содержал фамилии активных участников контрреволюционной эсеровско-монархической террористической организации, готовившей вооружённое восстание против Советской власти в Парабельском районе Нарымского края. В душе Игнатий Ильич понимал, что восстание в Нарымских болотах вызывает горький смех. Но обвинительные заключения, присланные с мест, были слишком убедительны, так же, как и признательные показания с подписями членов организации. Если он бился за эту власть, то даже в мыслях не допускал малейших попыток её свержения, где бы это ни было.

Секретарь, видя, как поморщился прокурор, участливо переспросил:

- Что-нибудь ещё, Игорь Ильич?

Барков не любил своё имя и требовал, чтобы все называли его Игорем.

- Завари-ка мне чайку и позвони Анфисе Андреевне. Передай, что я приду поздно: работы много, и распорядись, чтобы к двадцати двум подали машину.

- Хорошо, Игорь Ильич. Что-то ещё? – секретарь сделал пометку в блокноте

- Загляни в столовую, прихвати какую-нибудь котлетку. С утра ничего не ел, а ещё в управление НКВД ехать.

- Будет исполнено, – секретарь повернулся, пытаясь уйти, но Барков жестом его остановил.

- Ты там постарайся покрепче заварить, а то в прошлый раз пить невозможно было – не чай, а коровья моча.

- Сказали бы, Игорь Ильич. Я не думал, что вы крепкий чай любите.

- Ничего-ничего, только имей в виду на будущее.

Секретарь вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, а Барков задумчиво склонил голову. В этом году он остался без отпуска. Из Москвы пришла секретная директива: увеличить аресты «враждебных элементов» по Западно-Сибирскому краю на полтора – два процента. Требовались прокурорские санкции на семнадцать тысяч человек.

Работы было невпроворот, какой уж тут отпуск. Пропала и путёвка в Ялту, а жена, Анфиса Андреевна, целый год её ждала. Она уже приготовила новый сногшибательный купальный костюм и готовилась поразить подруг, с которыми состояла в переписке. Подруги, жёны высокопоставленных чиновников из Москвы, засыпали письмами с приглашением встретиться летом на юге. Теперь готовься к серьёзным скандалам и упрёкам. Супруга сидит на чемоданах, ждёт не дожждётся выезда. Не избежать привычной истерики. Барков голову сломал: как теперь оправдаться.

Невесёлые раздумья прокурора прервал секретарь, занёсший чай и котлету с гарниром. Барков наскоро перекусил и снова взял в руки ненавистную папку. Ещё раз перечитал вскользь фамилии участников подготовки восстания, хлопнул папку и, посмотрев на часы, вызвал машину.

На Коммунистической, в кабинете начальника УНКВД, он по-свойски поздоровался с начальником. Новый начальник, старший майор госбезопасности Григорий Фёдорович Горбач*, заменивший на этом посту Миронова и совсем недавно введённый в тройку, вышел из-за стола, развязно улыбаясь. Его заметно покачивало. В последнее время он много пил. Окружающие и раньше замечали за ним болезненную тягу к спиртному, но делали вид, что всё в порядке. Слишком большие связи были в столице у старшего майора.

- Представителю закона моё нижайшее! – фамильярно воскликнул Горбач. Баркову было неприятно такое отношение, но он промолчал.

- Роберт Индрикович скоро будет? – тихо спросил он, усаживаясь за стол.

- Товарищ Эйхе как всегда задерживается. У него важные дела, ему не до пустяков, - у Горбача заметно заплетался язык.

Барков поморщился.

- Ты бы, Григорий Фёдорович, чуть воздержался от возлияний.

- Что? У закона ко мне претензии? Я сутками пашу как проклятый! Могу расслабиться!? Может, у меня от этого производительность увеличивается? Может, мне работается легче? И вообще, за мои заслуги сам товарищ Ежов мне в Москве орден Ленина вручил! И я не позволю!..

Пафосную тираду прервал вошедший Эйхе:

- Здравствуйте, товарищи. Что? Опять выясняете, кто главней? Не забывайте: над всеми главенствует партия.

- Что Вы, Роберт Индрикович, мы просто разговариваем, - примирительно произнёс Барков.

- Ну, раз так, приступим к делу.

Несмотря на то что по приказу тройку возглавлял начальник УНКВД, фактически руководил всеми заседаниями Эйхе. Разложив по-хозяйски бумаги на столе, он продолжил:

- Надеюсь, вы уже ознакомились с делами на участников контрреволюционной организации Нарымского края. Товарищи из Нарыма давно прислали материал. Все сознались в подготовке восстания, и, я думаю, ни у кого не будет возражения в вынесении высшей меры. Как будем голосовать? По каждому отдельно или списком?

У Баркова обострилась изжога. С утра проглотив три ложки соды, он со страхом думал о том, что придётся разбирать каждую кандидатуру. Всё равно итог один – ВМН*, поэтому он тут же согласился голосовать полным списком. Горбачу было всё равно. Он уже принял порцию коньяка и был в самом радужном настроении. Никого не пришлось уговаривать голосовать. Эйхе зачитал список, где на букву «Т» значился Терентьев Игнат Кузьмич. При этом Горбач на своём экземпляре против каждой фамилии красным карандашом вписал лишь одну букву «Р», что означало расстрел, и расписался. В конце списка остальные члены «тройки» поставили свои подписи. Затем он вызвал дежурного офицера, которому передал протокол с постановлением о расстреле, и приказал на следующий день в срочном порядке выслать документ в Нарым. Машины ждали у подъезда, и все трое разъехались по домам, тут же забыв о заседании.

Эйхе, конечно, схитрил, сразу предложив голосовать списком. В загородном доме его ждала супруга с праздничным ужином, и гости заждались хозяйна. Евгения Евсеевна уже несколько раз звонила, поторапливая мужа. В Новосибирском университете, где она работала на кафедре математики, произошли какие-то передвижки, очень для неё важные, и жене хотелось отметить это событие со своими сослуживцами. Гости уже давно собрались в загородном доме Эйхе, и вечер был в разгаре. Супруга злилась и, непрерывно названивая по телефону, торопила мужа. Поэтому Роберт Индрикович очень спешил. Он нетерпеливо подгонял водителя «эмки», и тот выжимал из машины максимальную скорость. Нетерпению Эйхе пришёл конец только тогда, когда среди леса показались знакомые огни загородного дворца. Это был, действительно, дворец, выстроенный в старинном стиле, с колоннами и высоким крыльцом. Дом сиял разноцветными огнями ажурных фонарей, развешенных вдоль садовых дорожек. Там же были высажены невысокие ели, а у самого крыльца огромная клумба с экзотическими цветами. Центр клумбы украшала скульптура в античном стиле, изображающая девушку с амфорой. Чувствовались размах и хозяй-

ская рука жены, которая с особой тщательностью следила за порядком вокруг дома.

Войдя в дом, Роберт Индрикович быстро разделся в прихожей и прошёл в зал. Здесь он сразу попал в водоворот праздника. Посреди зала стоял огромный ореховый стол, вокруг которого сидели многочисленные гости. Стол ломился от всевозможной закуски. Здесь были не только сибирские деликатесы, но и доставленные с юга фрукты. В хрустальных вазах над гроздьями крымского винограда возвышались наливные яблоки попеременно с сочными грушами. Мало-сольный байкальский омуль занимал достойное место в огромном фарфоровом блюде. Начищенные до блеска столовые приборы были аккуратно разложены на белоснежных салфетках. Бутылки с дорогим коньяком стояли рядом с графинами, наполненными грузинским вином. А посреди стола красовался на подносе молочный поросёнок, украшенный яблоками. Видно, повар постарался под неусыпным взором Евгении Евсеевны. Возле стола сновали две молоденькие официантки из крайкомовской столовой. Мужчины были уже изрядно навеселе и встретили хозяина дома громкими воплями, заставив выпить штрафную рюмку. Вокруг мелькали радостные лица. Некоторые гости искренне радовались маленькому семейному празднику, а были и те, которые старались извлечь выгоду из близкого знакомства с первым секретарём. Но Эйхе не замечал фальши и, упиваясь превосходством над гостями, предавался неподдельному веселью.

Баркова же, кроме изжоги, мучила ноющая боль в ноге, и он больше ни о чём не мог думать. Подъезжая к дому, вспомнил о пропавшей путёвке, и его настроение окончательно испортилось. Тихонько открыв дверь своим ключом, крадучись прошёл по широкому коридору передней, но дверь спальни внезапно открылась. В проёме стояла Анфиса Андреевна во всей своей красе. В руках она держала тот самый злополучный купальный костюм. Сердце Игнатия ёкнуло. Он понял, что скандала не избежать. К тому же в дверях он заметил два новеньких чемодана. Занятый мрачными мыслями, Барков не расслышал, что говорила жена. А та, не переставая любоваться купальным костюмом, сообщала последние московские сплетни.

- Ты помнишь Евстолию Германовну. Ну, жену художника. Она мне сегодня позвонила. Её муж был приглашён к самому. Представляешь, как они все перепугались. Звонок. Открывают дверь, а там офицер НКВД. «Проедемте со мной». Думали – арест. А оказывается, мужу поручили нарисовать портрет самого. Это такое ответственное поручение. Евстолия Германовна вся на нервах. За мужем каждое утро приходит «эмка», а она ночи не спит. Как всё получится? Вдруг портрет не понравится. А у Ольги Николаевны, помнишь, у которой мы в

прошлом году гостили, Милочку арестовали. Ты её не знаешь. Она недавно у них стала работать. Можешь себе представить: такая скромная домработница. А оказывается, шпионка. Ужас! Оленька до сих пор не может прийти в себя. Придётся её успокаивать. Она плачет. Пятно на семью. А у них в гостях столько ответственных работников побывало. Что эта шпионка могла передать по своим каналам? Боже мой! Какой кошмар!

Барков молчал, не зная, как прервать этот словесный поток. Наконец жена замолкла и, как это она всегда умела, неожиданно задала самый страшный вопрос:

- Игорёша, ты заказал билеты?

У Баркова испарились последние капли храбрости. Он сел в кресло и еле слышно пролепетал:

- Понимаешь, Физа, отпуск отменяется.

Уже давно привыкший к истеричному характеру жены Барков не ожидал такого взрыва эмоций. Анфиса Андреевна стала кричать и топтать ногами, обвиняя его во всех смертных грехах, громко бросая обидные сравнения и ругательства. Лицо жены исказилось гримасой ненависти. Она билась в истерике, визжала и стонала одновременно. Несколько минут Барков сидел, обхватив голову руками, наблюдая как бы со стороны за женой, и молчал. Затем так же молча встал, подошел к столу, взял графин с водой и прямо из горлышка плеснул благоверной в лицо. Это мгновенно привело супругу в чувство. Она села на краешек кровати и заплакала.

- Что теперь делать? – сквозь слёзы спросила она спокойным голосом. - Я уже подругам сказала, что через неделю мы встретимся.

Барков присел рядом, обнял одной рукой жену, другой протянул салфетку, которой она вытерла глаза, и кротко посмотрела на мужа. Куда девалось звериное выражение лица? На него смотрела домашняя кошечка, готовая замурлыкать. Игнатий Ильич погладил жену, вытер кончиком салфетки капли воды, оставшиеся на лице, и пересел в кресло. Несмотря на частые истерики, он любил свою жену.

- В конце концов, это не смертельно. Ты можешь поехать одна. Я не думаю, что твои подруги, жёны ответственных московских работников, будут со своими мужьями. Обстановка в стране сложная. Поступил приказ всем оставаться на местах, – тихим голосом произнёс он.

Понимая, что не все решения зависят от воли супруга, Анфиса Андреевна согласилась на компромисс. Таким образом мир был восстановлен. Барков подошёл к небольшому шкафчику, на котором стоял патефон, нашёл в стопке

пластинок, лежавших тут же, любимую арию итальянского певца и прилёг на диван, предавшись сладкому голосу знаменитого тенора.

У Горбача дома стояла початая бутылка водки, и он с удовольствием думал о продолжении «банкета». Отпустив шофёра, шатаясь, прошёл мимо охранника, вытянувшегося перед всеильным хозяином квартиры. Горбач даже не заметил, кто перед ним стоял. Дома вытащил из шкафчика бутылку, налил полный стакан и, не морщась, залпом опорожнил. Удовлетворённо крикнув, тут же налил новый, снова выпил и только после этого стал искать, чем бы закутить. Не найдя ничего, прямо из горлышка опорожнил всю бутылку и, не раздеваясь, упал в кровать. Через минуту раздался мощный храп человека, не отягощённого проблемами. Если кто-то и думал, что палач заливал спиртным остатки совести, он глубоко ошибался. Горбач был заурядным алкоголиком, находящим обыкновенное успокоение в состоянии опьянения. Совесть его была совершенно спокойна.

Закончился обычный день. Особая тройка на сегодня прекратила свою деятельность и окунулась в бытовой водоворот. И это был не самый продуктивный день. Просто каждого ждали более насущные дела дома. А страшный репрессивный маховик набирал обороты, перемалывая судьбы и превращая в пыль ни в чём не повинных людей.

7. Расстрел

Уже два месяца сидел Терентьев в следственной тюрьме. Тягостные дни сменялись бессонными ночами. Игнат думал о своей жизни. Что было не так? Снова и снова перебирал в уме дни, месяцы, годы. Почему он попал в жестокую мясорубку? Всю жизнь работал, как и его отец, поднимая благосостояние семьи. Только встал на ноги, а тут новая власть. В газетах писали – власть трудящихся. Радовался, ходил на собрания. Но ещё в то время насторожился, потому что городские уполномоченные явно опирались не на истинных трудяг, зажиточных крестьян, а на отъявленных лодырей, коих в деревне хватало.

- Нет, так нельзя. Должен ведь кто-то понять, что рубят сук, на котором сидят. Кто же будет выращивать хлеб, кормить страну? – Игнат тяжело вздохнул.

А с ним получилась ошибка. Власти разберутся.

Сейчас, бесцельно сидя на нарах, Игнат ждал. Подписав дурацкий протокол, он ждал скорого освобождения. Не будет власть серьёзно думать, что можно планировать переворот, начиная с Парабельского района. В ушах стоял вкрадчивый голос следователя о жизни, о жене, о детях. Действительно, доб-

рейший человек, как он сочувственно отнёсся к Игнату. Мужичонка был прав. Так и следователь сказал, мол, скоро освободят. А протокол – ерунда. Для подтверждения вины Ломова. Он ведь точно прибыл из Харбина, и кто знает, с какой целью. То, что про золото говорил, могло быть прикрытием истинной шпионской цели. Врал для отвода глаз.

Голос охранника прервал ход мыслей Игната:

- Терентьев! С вещами на выход!

«Вот и кончились мои мытарства, – подумал с облегчением Игнат. – Наконец-то разобрались, кто прав, кто неправ. Сейчас следователь зачитает постановление об освобождении, и всё закончится».

Длинный коридор следственной тюрьмы раздваивался, и в кабинет к следователю надо было повернуть направо. Терентьев уже хотел привычно повернуть, но услышал окрик:

- Налево!

Игнат удивился, но свернул в узкий проход, не менее длинный, заканчивающийся тупиком. Дойдя до тупика, он снова услышал окрик:

- Стоять!

Всё ещё не понимая, в чём дело, остановился. Открылась еле заметная дверь. Охранник приказал оставить вещи и входить. В комнате находился незнакомый пожилой офицер НКВД без знаков отличия. Уродливый шрам поперёк щеки и сломанный нос придавали зверское выражение лицу. В руках он держал папку, из которой вытащил какой-то бланк. Пробежав глазами бумагу, офицер прикрепил бланк к остальным документам, кинул папку на стол и поднял глаза на заключённого. Игнат покорно стоял, переминаясь с ноги на ногу, не понимая, что ему делать. Офицер коротко приказал:

- Лицом к стене!

Игнат послушно повернулся. «Зачем?» – мелькнуло у него в голове, и тут услышал ужасающие слова, которые торопливо произнёс офицер:

- Согласно постановлению Тройки УНКВД Запсибкрая Терентьев Игнат Кузьмич, обвиняемый как участник повстанческо-террористической организации приговаривается к расстрелу.

«Как же так? Это же неправда!» – хотел крикнуть Игнат, но лишь почувствовал тупой толчок в затылок. Он даже не услышал глухой звук револьверного выстрела. Тело мягко опустилось на бетонный пол. Тут же появились два сотрудника НКВД, которые молча, с деловым видом завернули труп в мешковину и вынесли из подвала. Палач, всё ещё держа револьвер в руке, взял папку под мышку и вышел. Увидев на скамье возле двери узелок с вещами, выдернул более-менее чистое полотенце, обтёр револьвер и брезгливо кинул полотенце в

угол, оружие небрежно сунул в кобуру и, шатаясь, зашагал прочь. Свернув по коридору, он зашёл в следственную камеру. Подойдя к столу, открыл ящик, из которого вытащил лежавшие сверху чистые бланки. Взяв один бланк, офицер аккуратно его заполнил, расписался и, вложив в папку, ещё раз пробежал глазами написанное:

Постановление Тройки Запсибкрая от 24/VII месяца 1937 года о расстреле Терентьева Игната Кузьмича приведено в исполнение 6/X мес. 1937 г

Сотрудник оперштаба Подпись

Скрипнув зубами, офицер захлопнул папку и положил в ящик, затем закрыл на ключ и грузно сел за стол. Вытащив из другого ящика бутылку водки, гранёный стакан, заметно дрожащей рукой налил с верхом и, не закусывая, залпом выпил содержимое. Окно камеры выходило на тюремный двор, поэтому внутри не доходило ни одного звука. Давящую тишину нарушил только скрежет закрываемого ящика стола да стук стакана о стол. Офицер вдруг обхватил голову руками и, обведя мутным взглядом камеру, дико завыл. Приоткрылась дверь, в образовавшуюся щель заглянуло удивлённое лицо караульного. Он что-то хотел сказать, но захлопнул дверь, увернувшись от запущенного стакана, который со звоном разбился, ударившись о косяк. Офицер, шатаясь, встал, оперся одной рукой о спинку стула, другой достал из кобуры револьвер, крутанул барабан и высыпал на стол патроны, оставив один. Он обвёл мутным взглядом камеру, приставил револьвер к виску и нажал на спусковой крючок. Раздался сухой щелчок. Выстрела не было. Офицер засмеялся. Смех получился неестественным и лающим, как смеются провинциальные артисты в захолустных театрах. В дверь снова заглянул караульный.

- Чего тебе?! – пьяно заорал офицер.

- Там это... Из Нарымского окружного отдела НКВД. К вам.

- Что у него? – офицер отложил револьвер.

- Вроде как на стажировку. Молодой ишо, неопытный, – робко пролепетал охранник.

- Пусть заходит, – совершенно трезвым голосом спокойно проговорил папач.

Охранник вышел и через секунду в дверях появился молодой человек:

- Помощник опер уполномоченного 4 отдела УГБ УНКВД по Нарымскому краю Бузулин, – вошедший козырнул.

- Комендант оперсектора Копычев, – в тон ему ответил хозяин кабинета.

– С какой целью прибыли?

- Отследить исполнение приговоров. Так сказать, учёт и контроль. Ну и, вроде, на стажировку.

- Это ещё зачем? – удивился пожилой.

- Приказ из центра. Участились случаи небрежного исполнения ВМН.

- Насчёт высшей меры можете не беспокоиться. Учёт можете просмотреть в записях, а стажироваться начинайте хоть сейчас, – офицер достал папку из сейфа и протянул Бузулину. В дверь постучали.

- Кто там? – недовольным голосом крикнул хозяин кабинета.

В приоткрывшуюся дверную щель снова заглянул охранник:

- Там это. Очередного ведут. Вы как?

- Сейчас буду. Вот тебе и стажировка. Ладно, бумаги потом посмотрим, а сейчас прошу за мной.

Копычев встал из-за стола и, открыв тяжёлую дверь кабинета, жестом пригласил Бузурина следовать за ним. Пройдя через узкий коридор в соседнее помещение, оба оказались лицом к лицу с растерянным человеком, стоявшим возле кирпичной стены. Копычев приказал ему повернуться лицом к стене, взял бланк из папки, услужливо протянутой охранником, привычно зачитал постановление тройки и выстрелил в затылок приговорённого. Сзади раздались странные рвотные звуки. Палач удивлённо обернулся. Бузулин стоял, согнувшись, его выворачивало наизнанку. Копычев рассмеялся своим лающим смехом:

- Привыкай, стажёр. Это у тебя с непривычки. Сейчас я тебя подлечу. Зовут-то тебя как?

- Семён, – еле шевеля губами, прошептал Бузулин.

- Привыкай, Семён. Я в гражданскую и не такое видывал. Вон как мне скулу разворотил беляк. Только не помогло ему, не успел увернуться от моего клинка. Я ему череп надвое и раскроил, так что только мозги брызнули.

Он отечески похлопал следователя по плечу и, подхватив под локоть, буквально втянул в свой кабинет. Открыв ящик стола, вытащил ужу початую бутылку водки, протянул Бузулину:

- Пей прямо из горла, полегчает. Муторно, но ведь кто-то должен исполнять и эту революционную необходимость.

Захлёбываясь и надсадно кашляя, гость из Нарымска торопливо сделал глоток.

- Я не думал, что всё так просто и обыденно, – сдавленным голосом произнёс он

- Ты что же считал, тут рота солдат с винтовками и прокурор с адвокатом? Так никаких патронов не хватит. У нас ограничение на каждый день.

Тридцать штук. А приговорённых ежедневно доставляют от тридцати до пятидесяти человек. Вот и приходится справляться подручными средствами.

- Как это?

- С охранником свяжешь, чтобы не брыкался, и удавку на шею. Долг выполнять надо, а патронов нет.

В это время в дверь заглянул охранник:

- Это... Очередной.

- Сейчас. Иду уже, – равнодушно кинул палач.

Чудовищная человеческая мясорубка подготовила очередную жертву. Бессмысленность и безысходность процесса понимали даже сами палачи, заливая безумные мысли водкой и оправдываясь революционной необходимостью. Хотя, что это такое, никто толком объяснить не мог. Требовалось только одно: подчиняться приказу сверху и исполнять «долг».

8. «Спасибо родному Сталину за счастливое детство»

Из директивного письма заместителя начальника ОТП УНКВД по Западно-Сибирскому краю Анастасенко и начальника 1 отделения Гладышева секретарю Нарымского окружкома ВКП(б) К.И. Левицу:

Лично

Совершенно секретно

2 января 1935 г

По данным на август, полученным от Вас, у Вас имеется нетрудоспособных женщин, обремененных детьми, стариков, инвалидов, не могущих быть освоенными с точки зрения втягивания их в сельское хозяйство или промышленность, 6250 человек. Эти люди, по существу, являются только иждивенцами комендатуры, и мы вынуждены их все время кормить и одевать.

Учитывая, что в ближайшие год-два будет передача контингента частично, а возможно, и полностью в органы Советской власти, мы неизбежно столкнемся с таким положением, что эти люди, не могущие в какой-либо мере быть приспособленными к труду, окажутся в совершенно критическом положении, т.к. органы не будут иметь той возможности по прокармливанью и вообще обеспечению их, какую мы имеем сейчас. Учитывая это, краевой комитет партии решил всю эту массу, т.н. балласт, ни к чему не способный, рассосать двумя путями.

1. Путем выявления родственников стариков и инвалидов (братьев, сестер и т.д.): списаться с ними и передавать им на иждивение.

2. Женщин, обремененных детьми, больных, инвалидов, стариков, не имеющих родственников, дальних и близких, не подлежащих хоть в какой-то мере быть использованными, путем сбора на них характеристик, составления подобных списков с указанием всех установочных данных, после проверки в местных районных отделениях НКВД и после установления, что данное лицо ни в чем плохом, антисоветском себя не проявило, нужно освобождать.

...Составьте определенный список с перечислением поименно и возрастно всех детей и самой главы с обязательной визой местного райотдела НКВД о непрохождении у них по материалам... Ту часть нетрудоспособных, которую можно рассосать по артелям в качестве сторожей, мастеров или инструкторов, не нужно представлять к освобождению.

Ознакомить с директивой разрешено только Вашего помощника и руководителя работой УСО.

За восемь лет невзгод Терентьева стала похожа на согбенную старуху с тусклым взглядом подслеповатых, съдаемых трахомой глаз. Сильно подкосило здоровье Александры Андреевны известие об аресте мужа. Получив на руки решение тройки, она совсем занемогла. Пока Игнат находился под следствием, от жены не принимали никакие передачи, которые она с исступлённой регулярностью привозила в приёмную городской тюрьмы. Через два месяца охранник, просмотрев какие-то записи в журнале, велел ждать и вышел. Ждать пришлось долго. Александра устала и задремала. Наконец охранник вернулся, взглянул как-то странно на уставшую женщину, тяжело вздохнул и сообщил:

- Терентьев Игнат Кузьмич приговорён к десяти годам исправительно-трудовых лагерей без права переписки*. Передачи и письма не принимаются.

Бедная женщина почувствовала, как пол под ней внезапно провалился, и она потеряла сознание. Видно, не она первая была в таком состоянии, так как охранник быстро схватил со стола нашатырный спирт и поднёс к её лицу. Одновременно он похлопал Терентьеву по щекам, чем быстро привёл в чувство. Пошатываясь, она вышла на улицу. Видя нетвёрдо стоящую на ногах, с растрепанной косой и безумным взглядом женщину, прохожие быстро переходили на другую сторону и, поминутно оглядываясь, прибавляли шаг. Но Александра

ничего этого не замечала. Многие односельчанки ещё раньше получили сообщения о таких же приговорах своим мужьям и ни на что не надеялись.

Она понимала: поднять одной ораву из пятерых ребятишек ей будет не по силам, и тогда Терентьева решилась написать родной сестре, которая жила в Белоруссии. Года два назад она попыталась наладить связь с сестрой, но тогда власти предупредили, что дальнейшая переписка будет иметь последствия не только для Терентьевых, но и для родных. Теперь же многие в Новиково переписывались с родственниками и даже получали от них посылки. Помимо этого семьям, положение которых не давало возможности содержать иждивенцев, разрешили отправлять детей к родственникам.

Александра Андреевна позвала грамотного мужика, жившего по соседству, угостила его травяным чаем, положив перед ним листок, вырванный из тетради, попросила написать письмо. Тот удобно уселся за столом и, взяв ручку, приготовился писать, а Александра Андреевна продиктовала обращение к сестре:

«Добрый день или вечер, дорогая моя сестра Клавдия. Во-первых строках своего письма спешу сообщить, что прошлое письмо от тебя я получила, хоть и с опозданием, но не смогла ответить из-за запрета властями. Сейчас пошло послабление. Живу я сейчас одна с детьми, так как Игната забрали. Здоровье моё совсем плохое. Болит спина, а особенно нуют руки. Работа всё боле в тягость, а у меня пятеро детей. Дорогая сестра, ты жаловалась, что Бог не даёт тебе своих детей. Ты всегда мне завидовала, за моих детей. Вот пришло такое время, когда мне нелегко растить их. Не знаю, как ты воспримешь мою просьбу, но прошу тебя, сестрёнка, забрать хотя бы моих старшеньких, Анну и Виктора. Они уже взрослые и могут сами добраться до Минска, а там бы ты встретила. Через год-два и тебе помощники вырастут. Прошлый комендант не разрешал выезд. Теперь новый, к людям жалостливый. Этот дал справки на выезд, так что они могут ехать. Ты только дай согласие. Передавай привет куму Борису, соседу Глебу, соседу Андрею, а так же всем знакомым.

Остаюсь твоя сестра Александра.

Писал со слов сосед Павел.

Письмо запечатала в заранее приготовленный конверт, и сосед написал адрес сестры Терентьевой. Затем забрал конверт и положил в карман. Взглянув на заплаканное лицо Александры, он сочувственно вздохнул:

- Ты, Ляксандра, не сумлевайся, письмо отправлю через Парабель, там знакомые лесозаготовители передадут дале. Так что получит сестра весточку.

Терентьева поблагодарила соседа, отдав драгоценную краюху хлеба, и вытерла слёзы краем платка. Оставалось только ждать. Осень неуволимо приближалась. На берёзах пожелтела листва. В лесу запахло сыростью. Зачастили занудливые холодные дожди. Впереди надвигалась долгая сибирская зима. Что только не делала Александра Андреевна, чтобы облегчить существование. Новый комендант, присланный на смену Молчанову, переведённому в Парабель, установил жёсткие порядки. Сам развлекался тем, что в пьяном виде палил из наградного оружия по прохожим. От неминуемой смерти их спасало то, что комендант после попок всё видел как в тумане, но при этом строго следил за охраной. Несмотря на жёсткие установки, женщины по перелескам собирали сныть, чтобы хоть немного засолить на зиму. Собирала по болотам клюкву и бруснику. Вместе с ними ходила Анна, рискуя получить пулю от охранников.

Однажды нарвалась на коменданта. Тот ехал на лошади и издали заметил женщину. Но и она заприметила всадника ещё на горизонте. Только вначале не могла понять, кто там скачет. Не ожидая ничего хорошего от неожиданной встречи с незнакомцем, Александра бегом направилась к посёлку. Зная, что спецпоселенцам запрещалось покидать пределы жилья, особенно в вечернее и тем более в ночное время, не помня себя бежала к жилью. Сзади неслась отборная матерщина. Поняв, что это комендант, и ей не добраться до посёлка, беглянка кинулась к болоту. В болото лошадь не пойдёт, и можно отсидеться до той поры, пока коменданту не надоест её ждать. Было слышно, как преследующий женщину всадник громко ругался, выкрикивая угрозы. Проваливаясь по колению в зловонную жижу, она с трудом добралась до редких сосёнок посреди болота. Там пришлось буквально лечь в холодную воду, спрятавшись за небольшую кочку. Озверевший комендант, видя, что беглянку не достать, выхватил маузер и начал без разбора палить по кустам. Ещё некоторое время он погарцевал у кромки болота. Затем, видя бессмысленность затеи, а может, решив, что пристрелил сбежавшую спецпереселенку, спрятал маузер и скрылся по направлению к посёлку.

Лёжа в болотной жиже, Терентьева продолжала думать об оставленных дома детях. До встречи с комендантом удалось нарвать немного сныти, чтобы хоть как-то утолить ею постоянный голод. Мешок с травой она крепко держала в руках, и никакая сила не смогла отнять драгоценную ношу. Ноги Александры сводило от холода судорогой, но сидеть ей пришлось до самого вечера. Вернувшись домой, ещё долго не могла прийти в себя от страха. А ночью начался жар. Ей всё казалось, что комендант узнал её и жестоко накажет, как уже нака-

зал соседку только за то, что та не поприветствовала его при неожиданной встрече. А ведь та просто не заметила, когда подъехал комендант. Она была занята работой. Тогда этот садист избил беднягу нагайкой так, что на спине долго не заживали кровавые рубцы. А тут такое нарушение режима.

Александра пролежала две недели. Дети были сильно напуганы. Младшие плакали и снова просили есть. Хорошо, соседи по бараку, ни слова не говоря, пришли на помощь. Разобрав младших по своим семьям, они, кто чем мог, стали помогать старшим поставить мать на ноги. Бригадир тоже пошёл навстречу и скрыл болезнь Терентьевой, хотя очень рисковал. За такое нарушение начальство могло снять с бригадирства.

Поднявшись с постели, Александра отправилась на лесоповал, где бригадир распределял женщин по делянкам. Она сильно застудила ноги, с тех пор ступни болели, а колени сильно опухли. Видя, как мучается бедная женщина, бригадир поставил её на самые лёгкие работы, но и с ними Терентьева еле справлялась.

Александра с трудом передвигалась, но засушила грибов и насобираала ягод. Всё это она сдала заготовителям и на вырученные деньги сумела кое-как обуить детей, а питания на семью не хватало.

Бедная женщина с ужасом ждала зимних месяцев. Одежда совсем обветшала, да и дети подросли. Если младшим доставалась одежда от старших, то Анне и Виктору взять одежду было негде, а это означало, что со школой придётся распрощаться.

Но вот наконец-то пришло письмо от сестры. Она сообщала, что будет рада принять детей. В том же письме сестра написала, что выезжает в Томск, где будет ждать детей для их сопровождения. Начались хлопоты по сбору в дорогу, в которых активное участие приняли все соседи.

Отправив старших детей, Терентьева совсем занемогла. Ночью ей приснился Игнат. Он молча стоял у изголовья, лица разобрать было невозможно, но Александра точно знала, что это её муж. Внезапно проснувшись, женщина поняла, что Игната больше нет. Утром она не смогла подняться. Тело не повиновалось. Александра осознала, что это конец, и слабым голосом позвала детей. Трое девочек, всхлипывая, подошли к матери. Александра мутным взглядом окинула старшую, Агафью, перевела взгляд на Клавдию и остановилась на тщедушной младшенькой, Сонечке. Дети стояли с опухшими от постоянных укусов мошкары лицами, маленькие ручонки сплошь были покрыты коростой. И так ей жалко стало этих горемык, что женщина заплакала. Не понимая причины слёз, но видя, что происходит что-то необычное и страшное, дети тоже

зарыдали и кинулись к матери. Они прильнули к родному теплу и постепенно успокоились. А та только вздыхала:

- Милые вы мои, какое у вас детство несчастное. За что?

Невыносимо горько прошли годы жизни, в невзгодах и лишениях. Восемь лет после раскулачивания тянула Александра жилы, чтобы хоть как-то облегчить трудные детские годы своих ненаглядных. Вот и Коленку не сберегла. Она вспомнила, как мальчик метался, преодолевая жар. И ведь не плакал. Мужик. Лишь перед смертью посмотрел на мать ясным взглядом и тяжело вздохнул, как бы сожалея, что доставил столько беспокойства родным. Разве такую жизнь обещала Советская власть детям тружеников? Девочки всё ещё непонимающе смотрели на мать, а та слабеющей рукой попросила приблизиться и тихо произнесла:

- Помираю я. Позовите соседей, самим-то несподручно хоронить будет.

Дети плача побежали исполнять просьбу матери, а когда вернулись с женщинами из соседнего барака, Александра уже не дышала. Кто-то сходил за комендантом. Тот пришёл с милиционером, наскоро составил акт, и милиционер повёл девочек к зданию нового детского дома посёлка. Женщины попытались уговорить коменданта оставить детей на похороны матери, но тот только отмахнулся:

- Некогда мне. Без них похороните.

В детском доме, рассчитанном на сто сорок детей, их было уже больше двухсот. Кое-как одетые, наголо обритые, похожие на маленькие скелетики, они угрюмо встретили новых жильцов. Серые стены, серые столы, серые лица. А в приёмном отделении висел красочный плакат: «Спасибо родному Сталину за счастливое детство».

Вот и оборвались последние семейные связи многодетной крестьянской семьи Кузьмы Семёновича Терентьева. Солнце по-прежнему равнодушно вставало на востоке. Долгая зима угрюмо надвигалась на короткое лето. Кажется, всё как всегда: и деревья, и кусты, и трава, и листья. Ничего не изменилось, а семьи не стало. Никто не знает, где похоронен глава семьи, Кузьма Семёнович, где зарыт труп Игната. Заросла бурьяном могилка маленького Коленки. Как сложилась судьба старших детей? Где теперь девочки, которые даже не знают, в каком месте похоронили мать? Вот и всё. Была семья, и нет семьи.

Вместо эпилога

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

президиума Томского областного суда

18 октября 1956 г

гор Томск

Президиум Томского областного суда в составе:

Председателя Президиума ЕЛАГИНА

И членов Президиума Безбородова Лебедевой и Черныше-
ва

С участием прокурора области Выпряжкина

Рассмотрел в заседании Президиума уголовное дело по протесту прокурора Томской области на постановление Тройки УНКВД по Зап.Сиб.Краю от 22 сентября 1937 года, которым:

ТЕРЕНТЬЕВ Игнат Кузьмич 1899 года рождения уроженец б/ Полтавской губернии, русский, гражданин СССР, из крестьян-кулаков, малограмотный, беспартийный, не судимый -

осуждён по ст. 58-2-8 и 11 УК РСФСР к высшей мере наказания, расстрелу с конфискацией имущества.

Протест принесён на предмет отмены постановления тройки и прекращения дела производством.

Заслушав доклад члена Президиума Безбородова и заключение прокурора тов. Выпряжкина, Президиум -

У с т а н о в и л :

Терентьев признан виновным в том, что до дня ареста являлся активным участником контрреволюционной эсеровско-монархической повстанческо-террористической организации, готовившей вооружённое восстание против советской власти, в которую был завербован в 1933 году арестованным по другому делу Ломовым, и по заданию которой проводил антисоветскую агитацию.

Постановление Тройки УНКВД подлежит отмене с прекращением дела производством по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, обвинение Терентьева основывалось на противоречивых и неконкретных показаниях самого осуждённого по другому делу Ломова, протокол допроса которого приобщён к делу в копии.

Свидетели по делу не допрашивались, и показания Терентьева и Ломова об их контрреволюционной деятельности во время следствия не проверялись.

В ходе проверки установлено, что доказательств, подтверждающих виновность Терентьева в антисоветской деятельности к моменту его ареста в распоряжении органов следствия не имелось.

На допросе 5 сентября 1937 года Терентьев подтвердил факт его вербовки Ломовым в антисоветскую организацию, однако дополнительной следственной проверкой, произведённой по делу Ломова в 1956 году, установлено, что за шпионскую и антисоветскую деятельность в 1937 году он был осуждён неосновательно.

Из показаний Ломова, на допросе 26 августа 1937 года усматривается, что, кроме Терентьева, им в антисоветскую организацию были завербованы Налимов, Карлов, Брусов, Куракин, братья Пичулис, Макаров и Зиновьев, из которых он сформировал повстанческий взвод и возглавил руководство этим взводом. Однако пересмотром и изучением архивно-следственных дел на указанную выше группу лиц установлено, что никто из них друг друга не знал и все они в 1937 г. были осуждены неосновательно.

Допрошенный при проверке дела Зиновьев показал, что никаких преступлений против советской власти он не совершал, ни в каких антисоветских формированиях не состоял, не знает об их существовании, что на следствии в 1937 г. он оговорил себя в результате применения к нему незаконных методов ведения следствия.

Приобщённая к делу характеристика, в которой Терентьев характеризуется как антисоветская личность, была написана Молчановым по данным РО НКВД. Лично ему, как показал он на допросе 6 августа 1956 года, о проявлениях антисоветского характера со стороны Терентьева, ничего не было известно.

Допрошенные при проверке дела бывшие сотрудники Нарымского окротдела НКВД – Доценко, Смирнов, Филиппович, Карпов, Мартан подтвердили необъективный характер оформления материалов следствия по делам о контрреволюционных преступлениях периода 1937-1938 годов.

Ввиду изложенного и руководствуясь ст. 418 УПК РСФСР
Президиум –

п о с т а н о в и л

Постановление Тройки УНКВД Западно-Сибирского края от 22 сентября 1937 года в отношении Терентьева Игната Кузьмича отменить и дело на него производством в уголовном порядке на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР прекратить.

Председательствующий – подпись /Елагин/

Печать – Томский Областной суд.

Пояснения

Внесудебные тройки – процедура принятия решений на тройках была упрощённой. Дела на тройку поступали прямо из отделов полпредств, распределительных заседаний не было, сохранялся принцип заочного рассмотрения дел без участия обвиняемых, свидетелей и защиты. В 1926–29 гг. в стране функционировало от трёх до шести таких троек полпредств ОГПУ (Сибирь, Северный Кавказ, Закавказье и некоторые другие регионы). То же – пятёрки.

В феврале 1930 года, для того чтобы сломить массовое сопротивление коллективизации, Тройки были созданы при всех Полпредствах ОГПУ. Они получили право выносить приговоры по всему спектру обвинений в «контрреволюционных преступлениях». В Тройки входили, кроме председательствовавшего в них Полпреда ОГПУ (или его заместителя), представители местных партийных и прокурорских органов. Ликвидированы Тройки были в июле 1934 г., при преобразовании ОГПУ в НКВД СССР. Тройки полпредств ОГПУ 1930–1934 гг. – прямые предшественники широко известных Троек УНКВД, действовавших в августе 1937 – ноябре 1938 гг. и приговоривших за этот период к расстрелу более 400 тысяч человек.

Барков Игнатий Ильич (1897–1938) – работник прокуратуры. С февраля 1933 г. краевой прокурор Западно-Сибирского края. Входил в состав тройки. Покончил жизнь самоубийством.

ВМН – высшая мера наказания (расстрел).

Горбач Григорий Фёдорович – в 1937 нач. УНКВД по Западно-Сибирскому краю. Расстрелян 7 марта 1939 года. Реабилитирован не был.

Десять лет без права переписки – ответ родственникам расстрелянных в местах заключения в 30-х годах. Кем и когда было дано такое указание неизвестно, на сегодняшний день имеется два рассекреченных документа, подтверждающих этот факт:

1. Докладная записка Кузнецова

Согласно существующему порядку, при выдаче справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания бывшими тройками НКВД — УНКВД, Военной Коллегией Верховного Суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года и в особом порядке, указывается, что эти лица осуждены к лишению свободы на 10 лет с конфискацией имущества и для отбытия наказания отправлены в лагери с особым режимом, с лишением права переписки и передач.

В связи с истечением десятилетнего срока в приемные НКВД — УНКВД поступают многочисленные заявления граждан о выдаче справок о местонахождении их близких родственников, осужденных названным выше порядком.

Наряду с этим граждане ходатайствуют о выдаче им письменных справок об осуждении своих родственников, мотивируя необходимостью представления соответствующего свидетельства в суды в связи с рассмотрением гражданских дел (развод, оформление наследства и т. д.).

Докладывая об изложенном, полагал бы необходимым установить следующий порядок выдачи справок о лицах, осужденных к высшей мере наказания:

Впредь на запросы граждан о местонахождении их близких родственников, осужденных к ВМН в 1934–1938 годах бывшими тройками НКВД — УНКВД, Военной Коллегией Верховного Суда СССР с применением закона от 1 декабря 1934 года и в особом порядке, сообщать им устно, что их родственники, отбывая срок наказания, умерли в местах заключения НКВД СССР.

Резолюция: Согласен.

Л. БЕРИЯ. 29.IX.45 г.

2. Директива КГБ при СМ СССР «О порядке ответов на запросы граждан о судьбе осужденных к высшей мере наказания в 30-е годы»

Совершенно секретно

**ПРЕДСЕДАТЕЛЯМ КОМИТЕТОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ
СОВЕТАХ МИНИСТРОВ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК**

НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР ПО КРАЯМ И ОБЛАСТЯМ

Устанавливается следующий порядок рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе лиц, осужденных к ВМН бывш. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД — УНКВД, Особым совещанием при НКВД СССР, а также Военной Коллегией Верховного Суда СССР по делам, расследование по которым производилось органами госбезопасности:

На запросы граждан о судьбе осужденных за контрреволюционную деятельность к ВМН бывш. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ и НКВД — УНКВД и Особым совещанием при НКВД СССР органы КГБ сообщают устно, что осужденные были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения.

Такие ответы, как правило, даются только членам семьи осужденного: родителям, жене-мужу, детям, братьям-сестрам. Гражданам, проживающим вне областных, краевых и республиканских центров, устные ответы даются через районные аппараты КГБ, а там, где таковых нет, — через районные аппараты милиции, согласно письменному уведомлению органа КГБ в каждом отдельном случае.

Председатель Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР генерал армии И. СЕРОВ

№ 108сс

24 августа 1955 года

гор. Москва

Ежов Николай Иванович – Советский партийный и государственный деятель, генеральный комиссар госбезопасности. Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП, член Оргбюро ЦК ВКП, секретарь ЦК ВКП, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП. Народный комиссар внутренних дел СССР, народный комиссар водного транспорта СССР.

Родился 1 мая 1895 г. Расстрелян 4 февраля 1940 г. (44 года).

ИТЛ – в 20–30-е гг. встал вопрос об источниках осуществления индустриализации и коллективизации крестьянства. Орудием проведения индустриализации и коллективизации стал репрессивный аппарат, исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа НКВД СССР. Отныне все осужденные ранее на срок 3 года и более переводились из мест заключения прямо туда. К 1930г. было сформировано управлений исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ОГПУ: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири,

Дальнего Востока и Казахстана. Лагеря и трудовые колонии начинали играть важную роль в экономике страны: хозяйственные органы планировали свою деятельность в расчете на труд заключенных. В 1934г., с созданием общесоюзного НКВД, все советские лагеря были объединены в единую систему Главного управления лагерей (ГУЛАГ).

Каганóвич Лázарь Моисéевич (10 [22] ноября 1893 года –25 июля 1991 года)— советский государственный, хозяйственный и партийный деятель, близкий сподвижник И. В. Сталина.

Кандидат в члены ЦК РКП(б) (1923–1924), член ЦК партии (1924–1957), член Оргбюро ЦК ВКП(б) (1924–1925, 1928–1946), секретарь ЦК ВКП(б) (1924–1925, 1928–1939), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1926–1930), член Политбюро (Президиума) ЦК (1930–1957).

Калинин Михаил Иванович (19 ноября 1875 г. –3 июня 1946 г.) – Российский революционный, советский государственный и партийный деятель. С 1919 года председатель ВЦИК, с 1922 года председатель ЦИК СССР, с 1938 по март 1946 года председатель Президиума Верховного Совета СССР, затем член Президиума.

КИМ (Коммунистический Интернационал Молодёжи, 1919–1943 гг.) – международная марксистская массовая молодёжная организация, секция Коминтерна.

Лыва – лужа (сибирский говор).

ОСОДМИЛ – общество содействия милиции (1928–1932 год), организация, созданная для охраны общественного порядка, позже преобразована в БРИГАДМИЛ (бригады содействия милиции) и в ДНД (добровольные народные дружины).

Поскрёбышев Александр Николаевич – личный секретарь Сталина, был его «тенью», решая не только административные, но и личные вопросы. Следил не только за корреспонденцией Генсека, но и за соблюдением протокола и явкой членов Политбюро. С Поскрёбышевым приходилось считаться всем – и обычным людям, и военачальникам.

Спецпоселенец, трудпоселенец – лицо, выселенное из места проживания, преимущественно в отдалённый район страны, без судебной процедуры, по решению «троек». До 1934 года крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку». Спецпоселенцы – до 1934 года, трудпоселенцы – с 1934 по 1944 год, с 1944 года – спецпоселенцы.

Стайка – помещение для домашнего скота, хлев.

Сталин Иосиф Виссарионович – Российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель, Генералиссимус Советского Союза. С конца 1920-х – начала 1930-х годов до своей смерти в 1953 году Сталин был лидером Советского государства.

Родился 18 декабря 1878 г. Умер 5 марта 1953 г. (74 года).

Тройка Западно-Сибирского края – приказом НКВД была вначале создана тройка по Западно-Сибирскому краю, которую возглавил С. Н. Миронов (один из инициаторов всей «кулацкой» операции). В тройку вошли также первый секретарь крайкома Р. И. Эйхе и прокурор края И. И. Барков. Уже 17 августа палач Сибири Миронов был выведен из состава тройки. В тот же день тройку возглавил (и был введён в её состав) заместитель начальника УНКВД Западно-Сибирского края И. А. Мальцев.

9 сентября в качестве запасного (по сути 4-го) члена был постановлением Политбюро введён в тройку новый начальник Западно-Сибирского УНКВД Г. Ф. Горбач. В связи с разделением Западно-Сибирского края на Новосибирскую область и Алтайский край 1 октября указанная тройка и была переименована в тройку Управления НКВД Новосибирской области (в том же составе). Часть её дел перешла во вновь созданную тройку НКВД по Алтайскому краю. 17 октября 1937 г. видный член Новосибирской тройки Р. И. Эйхе был снят с поста 1-го секретаря Новосибирского обкома и переведён в Москву на пост наркома земледелия.

В итоге состав Новосибирской областной тройки НКВД с середины октября до конца 1937 г. выглядел так: чекистские начальники области И. А. Мальцев (председатель) и Г. Ф. Горбач, а также прокурор области И. И. Барков.

Эйхе Роберт Индрикович (1890–1940) – латыш.

С 1924 года – заместитель председателя Сибревкома, с 4 декабря 1925 – председатель Сибирского краевого исполнительного комитета. С 1925 кандидат в члены ЦК, с июля 1930 член ЦК ВКП(б). С 1929 – 1-й секретарь Сибирского

крайкома ВКП(б). Август 1930 – 17 октября 1937 – 1-й секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). Организатор коллективизации и раскулачивания. Входил в самую первую из троек, вынесшую тысячи смертных приговоров во внесудебном порядке.

В 1937 году тройкой под руководством Эйхе были репрессированы 34872 человека по сфабрикованным делам «Белогвардейско-монархической организации РОВС», «Сибирского филиала Трудовой Крестьянской партии», «Церковно-монархической повстанческой организации» и другим.

Эйхе стремился лично направлять работу сибирских чекистов, вмешивался в дела НКВД.

29 апреля 1938 года Эйхе был арестован и обвинён в создании «латышской фашистской организации». 2 февраля 1940 года приговорён к смертной казни. Расстрелян в тот же день.

Фриновский Михаил Петрович – политик. Деятель советских органов госбезопасности, командарм 1-го ранга. Член ЦИК СССР 7-го созыва, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Один из непосредственных организаторов «Большого террора».

Родился 7 февраля 1898 г. Расстрелян 4 февраля 1940 г. (41 год).

Автор выражает искреннюю благодарность Лузянину Владимиру Тимофеевичу за предоставление документов ОГПУ, НКВД, КГБ, касающихся его деда *Шкардуна Семёна Фёдоровича*, попавшего в жернова репрессий в 1929 году и расстрелянному в 1937.

ВОЙНА

Повесть

Памяти Татьяны Дмитриевны Кореневич

Пролог

Граждане и гражданки Советского Союза!

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбежке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершенны также с румынской стороны и со стороны Финляндии.

Это неслыханное нападение на нашу страну, несмотря на наличие договора о ненападении между СССР и Германией, является беспримерным в истории цивилизованных народов. Вся ответственность за это нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германское фашистское правительство.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 час. 30 минут утра сделал заявление мне, как народному комиссару иностранных дел, от имени своего правительства. Что Германское правительство якобы было вынуждено принять военные контрмеры в связи с концентрацией вооружённых сил Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству и что Германией совершено нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза. И, что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. По поручению Правительства Советского Союза я должен заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому, сделанное сегодня утром, заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам отбить нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наша доблестная армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар по врагу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

*Выступление заместителя СНК СССР
наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова.
22 июня 1941 года*

1. Призыв

Двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года Виктор Терентьев со своими одноклассниками получил на руки аттестат зрелости. Впереди был прощальный вечер, затем встреча рассвета. Хотелось последний раз вместе прогуляться по родному посёлку.

Было тепло. От разнотравья пахло мёдом. Девчонки пели песни и беспрерывно хихикали. Парни пытались развести подруг по парам, но те отделивались шутками. Только в три часа утра разошлись по домам.

Виктор ещё спал, когда в комнату вбежала тётка, и начала тормошить племянника.

- Витя, Витя! Вставай!

- Ты что, тётъ Клава. Сегодня воскресенье. Дай поспать, - Виктор потянул одеяло на себя, но тётка не унималась.

- Да проснись же ты! – уже громко и нетерпеливо закричала она.

- Ну, что случилось? Пожар? Наводнение? – Виктор попытался повернуться на другой бок и дёрнул одеяло на себя.

- Витя, война, – тихо произнесла женщина и заплакала.

Виктор вскочил как ошпаренный:

- Какая война?

Тётка заплакала сильнее:

- Настоящая, Витя. С немцами. Передали: Слуцк бомбят.

- Тётя Клава, там же Аня! – вскричал Виктор.

- Я пыталась дозвониться до училища, но связи нет. Так что о твоей сестре ничего не известно.

Торопливо одевшись и схватив кусок хлеба, Виктор выскочил из дома.

- Ты куда?! – только и успела крикнуть тётка.

Уже из-за двери она услышала:

- Я в военкомат! Тётъ Клав, вы там соберите, что нужно! И узнайте, где Аня!

Военкомат находился на центральной площади в красном кирпичном здании, ярко выделявшемся на фоне серых стен исполкома и райкома партии. Уже подходя к площади, Виктор почувствовал повисшее в воздухе напряжение. У людей, спешащих мимо, исчезли с лиц улыбки. Угрюмые возчики молча погоняли лошадей, даже бездомные собаки попрятались в подворотни. Возле громкоговорителя, высоко подвешенного к столбу, молчаливая толпа вслушивалась в голос Левитана. Продуктовый магазин змейкой обступила очередь хмурых женщин. Миновав угрюмую очередь, Виктор открыл дверь военкомата. Там у него проверили документы и дали предписание прибыть на сборы через час. На складе тут же выдали обмундирование, винтовку и подсумок с патронами.

Проверив винтовку, Виктор побежал домой собирать вещмешок. Разложив вещи на диване, он стал складывать горкой продукты, смену белья, полотенце, кусок мыла. Вроде, не так и много, но мешок наполнился до отказа. Тётка молчала, наблюдая за сборами племянника. На глазах у неё стояли слёзы.

Час пролетел быстро. Сборы закончились, подошло время прощаться. Тут тётка не выдержала. Кинулась на грудь племяннику и запричитала. Виктор даже оторопел от такого взрыва эмоций.

- Тётя Клава, не плачьте. Мы быстро разобьём гадину. Ждите с победой.

Тётка заплакала ещё сильнее. Успокаивать её у Виктора уже не было времени. Он с трудом освободился из её объятий, ещё раз окинул взглядом родную комнату и побежал на вокзал, где формировались отбывающие на фронт части.

2. Педучилище

В конце июня в Слуцком педучилище шли выпускные экзамены по русскому языку и литературе. Помещения училища готовили к ремонту, поэтому комиссия располагалась в здании интерната, который находился возле реки. В одной из комнат поставили два стола, за которыми разместились экзаменаторы. Возле двери собрались учащиеся группы «В»: Лидия Бур, Мария Арцехович и Анна Терентьева. Больше всех волновалась староста группы Мария Арцехович. Её била мелкая дрожь, и бедная девушка, едва шевеля губами, повторяла правила. В голове её была каша. Стоило только закрыть глаза, как слова начинали весело перескакивать из одного предложения в другое и покидать память. Ко-

гда Арцехович открывала глаза, то уже ничего не помнила. От этой пустоты ей хотелось плакать, но Маша упрямо зубрила ненавистные словосочетания.

После небольшого перерыва преподаватели пригласили всех троих. Смешливый одноглазый учитель русского языка, которого любил весь курс, сидел во главе стола, представляя собой главу комиссии. Заметив, как девчонки волнуются, стал посмеиваться над ними:

- Не дрожите! Пять минут позора – и вы специалисты.

При этом он хитро подмигивал единственным здоровым глазом и заразительно хохотал. Смех разрядил обстановку. Все трое получили пятёрки. Это был последний экзамен.

С радостными криками девчонки выскочили на крыльцо.

- Девочки! Вечером танцы! Вы идёте!? – закричала Маша Арцехович, размахивая портфелем. У Маши был поклонник, поэтому она с нетерпением ждала вечера.

- Какие танцы? – удивилась Лида. – В училище ремонт, и актовый зал закрыт.

- Да вы что? Объявление не читали? Здесь же, во дворе интерната! – Маша рассмеялась и хлопнула портфелем подругу.

- Подождите. Двор же выходит к чёртову мосту, – осадил подруг Аня.

- И что с того?! – одновременно воскликнули девчонки.

- Там же бандиты ховаются. Помните: в конце апреля девушку под мостом зарезали. Мы тогда практику в школе проходили. Никогда не забуду тот день. Я должна была в четвёртом классе рассказать о земноводных. Только плакат повесила: лягушку в разрезе, а тут крик. Ученики – к окнам, а там её несут. Еле класс успокоила. Да и комендант грозился, чтобы никто даже близко не подходил.

- Нет. Ну ты, Анька, и трусиха. Мы уже не учащиеся. Что нам комендант? Завтра документы на руки – и к местам распределения! Да к тому же с нами мальчишки! Защитники! – рассмеялась Маша.

Девочки побежали переодеваться, а вечером все собрались на открытой танцплощадке возле интерната. Одноглазый учитель играл на аккордеоне. Это было так неожиданно. Никто не знал, что он может так здорово исполнять модные танго и фокстрот. До трёх часов не умолкала музыка. Наконец последние пары разошлись, и учитель, спрятав аккордеон в футляр, тоже ушёл.

Утром Аню разбудили подруги:

- Быстро одевайся! Нам же документы получать!

Девчонки были уже одеты и торопились в училище. Они нетерпеливо вздыхали, поджидая, пока Аня приведёт себя в порядок. Выскочив из общежи-

тия, удивились – улица была безлюдна, вокруг стояла давящая на уши тишина. Девушки решили, что в выходной день в такую тёплую погоду люди предпочли отдыхать за городом. Они даже не обратили внимания, что магазины тоже закрыты, даже машин с товаром, обычно стоявших возле служебных дверей, сейчас не было видно.

Подруги спешили, поэтому в вестибюль техникума вбежали, чуть не сбив с ног директора. Та почему-то не ответила на приветствие и торопливо скрылась за дверью кабинета. Это показалось девчонкам странным. Маша, староста группы, была в этой компании старшей, поэтому смело постучала. Ответа не последовало. Девчонки переглянулись, но тут внезапно дверь открылась. На пороге стояла директор. Лицо её было взволнованно.

- Девочки, вы ещё не знаете?

Те удивлённо пожали плечами:

- Пока ничего. А что случилось?

- Девочки, миленькие. Война. Молотов по радио выступил. Возьмите у секретаря справки и можете быть свободны.

3. Первые дни войны

Получив на руки документы, девушки решили тут же ехать домой.

Всем троим дали направление в разные области, но до начала занятий в школе оставалось время, и можно было навестить родных. Подруги решили вначале погостить у Ани, так как село Огородники, где жили её родители, находилось недалеко от Слуцка. Транспорт не ходил, поэтому девушки пошли пешком. Стояла солнечная тёплая погода. Путь, рассекая редкие перелески, проходил мимо длинного ограждения из колючей проволоки. За колючкой виднелись какие-то склады. В траве трещали кузнечики, где-то куковала кукушка. В густом воздухе стоял запах полыни. От хорошего настроения, от того, что учёба позади, от солнечной погоды и от пьянящего запаха трав девчонки запели. Но неожиданно, споткнувшись на полуслове, Маша Арцехович замолкла. Со стороны границы послышался гул. Всмотревшись вдаль, они увидели, как из-за горизонта показались силуэты летящих низко самолётов. Аня стала считать:

- Один, два,.. десять,.. пятнадцать, шестнадцать, семнадцать. Девочки, семнадцать самолётов! Куда они!?

Самолёты шли на Слуцк. Внезапно вся армада повернула в их сторону, и на склады посыпались бомбы. Ужас от грохота взрывов погнал подруг. Они

бежали и падали, вскакивали и снова бежали. Только к вечеру грязные, измотанные, добрались до села.

Увидев Аню, тётка всплеснула руками:

- Люди добрые! Да что же это делается!? Кто тебя так, дитятко?!

Аня попыталась ответить, но сил хватило только на то, чтобы расплакаться. Тётка поняла: бесполезно тратить время на расспросы и отправила всех мыться.

Умывшись и успокоившись, девушки рассказали и том, что произошло по дороге из Слуцка.

Следующие дни были похожи один на другой. Тётка ходила на полевые работы, Аня возилась на огороде, подруги разъехались по домам. Магазин не работал, продукты не завозились, питаться приходилось только со своего огорода.

В один из дней в небе появились немецкие самолёты. Сбросив на город тяжёлые бомбы, возвратились назад, надсадно и страшно гудя. После этого налёты стали ежедневными. Иногда бомбы долетали до села, поэтому пришлось выкопать в огороде блиндаж и бежать туда, как только слышался гул летящих самолётов.

Через село потянулись отступающие части красной армии. Домой пришёл Виктор. Грязный, исхудавший, он рассказал, как их батальон накрыло бомбами.

- После бомбёжки пошли танки. А чем нам их остановить? На руках только винтовки и ни одной гранаты. Нам пришлось бежать.

Парень очень переживал, что не успел даже повоевать.

Так прошло несколько дней. К июлю всё стихло. Полевые работы прекратились. Все что-то ждали.

Однажды по дороге из Слуцка показались немецкие мотоциклисты и машины с автоматчиками. Жители со страхом наблюдали из окон за передвижением колонны. Въехав в село, фрицы остановившись на околице, и, весело переговариваясь, окружили колодец. Они громко хохотали, обливаясь водой, и чувствовали себя хозяевами.

Через день открыли комендатуру. В селе прочно установилась немецкая власть. Старостой назначили Ивана Рудаковского, бывшего заведующего клубом. Тот стал активно сотрудничать с немцами, и первое, что он сделал – выдал немцам пятнадцать коммунистов и активистов, которых расстреляли на площади.

Появились полицаи, незнакомые молодые парни, явно призывного возраста. Стало опасно ходить по улице. Полицаи могли схватить по любому по-

воду, а то и без повода. Пошли слухи, что молодых людей будут угонять в Германию. Опасаясь, что кто-нибудь может его выдать, Виктор стал искать способ уйти к партизанам.

Однажды ночью в дверь постучали. Это был осторожный стук, не похожий на требовательный грохот новоявленных властей. Немцы и полицаи колодили сапогами или прикладами. Ближе всех к двери спал Виктор. Он проснулся и с опаской спросил:

- Кто там?

- Нам бы водицы испить.

Аня и тётка, уже одетые, выглянули из соседней комнаты. Анна кинулась завешивать окна, зажгла керосиновую лампу, а тётка впустила в хату двоих плохо одетых мужчин с немецкими автоматами. Один из них, высокий, с курчавой бородкой, назвался Фёдором. Он был из соседнего села. Другой – молодой, сутуловатый, с узкими плечами - Иваном. Они расспросили об обстановке в селе, поинтересовались, как ведут себя немцы, где находится комендатура, где живёт староста и где ночуют полицаи. Глядя на измождённые лица мужчин, Аня поняла, как они голодны. Шепнув тётке, что надо бы покормить ребят, пригласила застеснявшихся парней за стол. Тётка быстро расстелила скатерть, приговаривая при этом:

- Хлеба мы уж давно не видели. А вот сало с бульбочкой пока есть. Кушайте, ребятки, исхудали в лесу-то.

Иван улыбнулся:

- Почему вы решили, что мы из лесу?

- Да что я, слепая? Вы не стесняйтесь, - тетка присела поодаль, печально глядя, как парни уплетают картошку.

Виктор рассказал ночным гостям, что власти составляют списки молодёжи для угона в Германию, намекнул, что ищет возможности уйти вместе с сестрой в лес.

Всё это время Фёдор не сводил глаз с Ани. У парня колотилось сердце. В голове у него слышался лёгкий звон, и он почти ничего не слышал. Наконец до него дошло, о чём говорит Иван. Очнувшись, взглянул на напарника. Тот удивлённо спросил:

- Федь, я тебя спрашиваю, а ты сидишь как истукан. Не заболел? Лицо вон красное.

- Да нет, просто думаю.

- Я вот тоже думаю, – обрадовался Иван. – Бойцы в отряд нужны, да и сестре дело найдётся. Так что, собирайтесь, ребятки.

Ещё пошептавшись с Фёдором, Иван решительно заявил:

- Мы тут немного передохнём, а под утро, когда охрана уснёт, уйдём в лес.

Тётка, конечно, заохала, запричитала, но, понимая, что другого выхода нет, стала собирать любимых племянников в дорогу. В четыре часа утра группа из четырёх человек крадучись покинула посёлок. Беглецы короткими перебежками двинулись в сторону леса. Только когда за их спинами растворились тёмные пятна домов, путники успокоились.

4. В партизаны

Партизанский лагерь располагался за дальними болотами. Ещё была ночь, когда беглецы вышли из села и прокрались мимо постов полицаев, которыми была наспигована вся окраина. Фёдор уверенно повёл всех по только ему известной тропке. Днём вышли к болоту. Немцы сюда уже не совались, так как на картах место обозначалось как непроходимое. На самом деле в центре болота был обширный остров, где партизаны устроили лагерь. Четыре хорошо замаскированные землянки спасали от дождя и холода небольшой отряд. В укрытии, размывающем дым, готовили незамысловатую пищу: пшённую кашу и суп из зелени. Сверху лагерь заметить было невозможно, а дороги, по которым двигались колонны немцев, огибали болото с севера и с юга.

Фёдор остановился возле одной из землянок, велел вновь прибывшим подождать и пошёл докладывать командиру. Через пару минут он пригласил Аню и Виктора в землянку.

На хорошо утрамбованном полу были вбиты четыре столба, поверх которых настланы доски. Сооружение представляло собой импровизированный стол. Возле него, с той и другой стороны, стояли лавки. За столом сидели три человека. Один из них подошёл к прибывшим и протянул руку:

- Зайцев Иван Семёнович, командир отряда. Ну, рассказывайте о себе. Кто такие? Что привело к нам?

Ответив на рукопожатие, Виктор обстоятельно стал рассказывать. Когда он дошёл до времени проживания в Сибирской ссылке семьи Терентьевых, командир как-то странно и излишне пристально посмотрел на Виктора. Смутившись от такого внимания, парень умолк, а Аня вдруг заговорила:

- Иван Семёнович, у вас родственников под Новосибирском нет?

От этого вопроса Зайцев вздрогнул:

- Нет. А почему ты спросила?

- Дело в том, что мы с Виктором до переезда в Белоруссию долго жили в Нарыме. Вы очень похожи на одного тамошнего знакомого. Я и подумала, может, он вам брат или просто родственник.

Зайцев рассмеялся, сказал, что похожих людей на свете много и быстро перевёл разговор на бытовые темы.

В отряде каждый имел своё дело. Если мужчины ходили на задания и часто сутками отсутствовали, то у женщин работы хватало на базе. Здесь был и полевой госпиталь, и кухня, и прачечная – всем этим хозяйством заправляли женщины. Виктора определили в класс подготовки подрывников, а Аню направили в госпиталь, так как она прошла начальную подготовку ОСОАВИАХИ-Ма* в училище.

Закрутились партизанские будни. Виктора после кратковременных курсов стали посылать на задания. Основная задача отряда сводилась к сбору сведений о передвижении немецких войск и передаче её на большую землю. Кроме этого отряд взаимодействовал с подпольщиками и отправлял группы для минирования дорог.

Ане тоже работы хватало. В частых стычках с гарнизонами немцев или полицией ребята получали ранения. Нужно было делать перевязки, ухаживать за ранеными. Кроме этого было много больных. Особенно тяжело стало осенью, с наступлением заморозков. Медикаментов не хватало, и простудные заболевания часто переходили в тяжелейшую пневмонию.

В землянку часто заходил Фёдор. Аня не заметила, как он стал самым желанным гостем. Конечно, в отряде, состоящем в основном из мужчин, невозможно было обойтись без внимания противоположного пола. Но Аня равнодушно относилась к остальным мужчинам, считая их чуть ли не братьями, ни с кем не кокетничала и, наверное, поэтому никто не переходил границы дозволенного. А вот к Фёдору она испытывала симпатию.

4. Любовь

Шла война, но жизнь брала своё: никто не отменял законы природы. Если суждено соединиться мужчине и женщине, никакие катаклизмы не смогут этому помешать. Так и случилось, что Анна и Фёдор стали жить вместе. Не было в отряде человека, который бы не радовался их семейному счастью. У большинства партизан семьи остались в сёлах. Глядя на ребят, они теплели душой и старались кто чем мог помогать молодым обустраиваться. В землянке им отгородили небольшой закуток. Фёдор уходил на задания, Аня пропадала в госпитале, а в свободное время налаживала семейный быт.

Когда Аня узнала, что ждёт ребёнка, это стало для неё полной неожиданностью. В другое время она посчитала бы счастьем своё новое состояние, но партизанские условия всё осложняли. Вначале она пыталась скрыть от окружающих беременность, но пришло время, когда живот невозможно стало прятать под платьем.

Однажды Зайцев пригласил супругов на беседу. Молодой партизан, выполняющий обязанности ординарца, посмеиваясь, сообщил, что у командира к ним какое-то задание, и он ждёт их немедленно.

Фёдор, удивлённо оглядываясь на парня, помог Ане собраться, и они отправились в командирскую землянку. Часовой уже ждал и пропустил молодую чету.

Командир пил чай. Скорее это был не чай в полном его понимании, а настой из листьев малины, морошки, смородины и ещё Бог знает чего, рекомендованного местным фельдшером для поддержания здоровья. В замлянке стояла полутьма. На столе, кроме алюминиевой кружки с парящимся напитком, лежали какие-то бумаги и карты. Подвешенная над столом лампа «летучая мышь» еле коптила, но света хватало, чтобы рассмотреть усталость на лице Зайцева, глубокие морщинки возле рта и синеву под глазами от постоянного недосыпа.

Командир усадил Аню, предложил чаю, поинтересовался здоровьем и затем прямо сказал, что в таком положении женщине в отряде не место. Аня закрыла лицо руками и разрыдалась:

- Что же, вы меня изгоняете из отряда?

Зайцев даже растерялся от такой неожиданной реакции:

- Прекрати сырость разводить. Не забывай: ты всё-таки сибирячка. У тебя стержень, да и никто тебя не гонит. Будешь работать связной. Нам нужен легальный человек в тылу у немцев. Жить будешь в семье Фёдора. Это не вызовет подозрений у местных полицаев, а на связи будет Фёдор, – стал он успокаивать Анну. Та продолжала плакать и отмахиваться от рук Зайцева, пытавшегося погладить девушку по голове.

- Чай будешь? – неожиданно спросил он.

- Не хочу я вашего чая, – сквозь слёзы ответила Аня, продолжая хлюпать носом. Командир рассмеялся, протянул кружку и обратился к Фёдору:

- Фёдор, ты же взрослый мужик. Объясни жене. В наших условиях рожать опасно. Ни доктора, ни медикаментов. А ребёнку каково будет на болоте?

Постепенно Аня успокоилась и согласилась ехать в деревню.

Ночью Фёдор переправил жену в родное село. В селе жили родители Фёдора. Они обрадовались появлению невестки, а оформить необходимые доку-

менты не составило труда. Тогда многие перебирались поближе к родственникам, поэтому появлению нового человека, тем более в таком положении, никто из новой власти не удивился. С того времени Анна стала через Фёдора передавать партизанам сведения о продвижении немцев.

5. Связная

Однажды, это было в августе, Аня проснулась от звуков стрельбы. На окраине села шёл бой. По улицам шныряли усиленные патрули полицаев, немцы готовили облавы. Никого не пропускали, и, по всей вероятности, кто-то из партизан напоролся на засаду. Проснувшийся ребёнок громко заплакал. Пока мать успокаивала девочку, бой стих. Аня очень тревожилась за Фёдора, который был в лесу. В этот день они договорились встретиться.

Часов в восемь в хату без стука ввалились трое полицаев. Двое были из соседней деревни, их Аня знала, а третий – незнакомый.

Незнакомец вытащил из портфеля список. В списке значился муж Ани – Фёдор.

Полицай пристально посмотрел на женщину:

- Кореневиц Фёдор – твой муж?

Аня поняла, что кто-то его выдал, но сделала вид, что не понимает:

- Мой. А зачем он вам?

Полицаи встрепнулись:

- Сейчас он где?

Аня спокойно взглянула на пришельцев:

- Немцы в обоз взяли лес возить. Видите: ни лошади, ни подводы нет.

Лошадь действительно отсутствовала: Ануфрий, отец Фёдора уехал в город. На счастье, полицаи никого из местных жителей не знали. Осмотрев все углы, ушли.

Проводив полицаев, Аня вышла на улицу. Шёл дождь. Небо обложило чёрными тучами, и из-за ливневых струй ничего не было видно буквально в двух шагах. Тихонько пробравшись на околицу, она увидела, что оцепление снято, патрули полицаев попрятались в ближайших хатах. Аня зашла к соседке. Та сказала, что взяли семнадцать человек, в том числе двоюродных братьев Фёдора: Игната Чижика, Адама Коршуна и Ефима Жиментовича. Здесь не обошлось без предательства. Кто-то их выдал.

Близился вечер, к этому времени должен был прийти Фёдор. Аня с нетерпением ждала его. Увидев из окна соседки, как тот, озираясь, входит во

двор, опрометью кинулась к нему. Торопясь и захлёбываясь слезами, предупредила, чтобы тот уходил, пока полицаи прятались по хатам от дождя.

Проводив мужа, возвратилась домой, и вовремя. Вернулись те же полицаи, уже в сопровождении немцев. Опять стали расспрашивать про Фёдора. Свекровь сидела в углу и со страхом глядела на полицаев. Она ведь знала, что сын вот-вот должен прийти. А Аня смело отвечала на вопросы, продолжая твердить, что её муж в обозе.

Полицаи ушли, громко хлопнув дверью. Как только они скрылись, свекровь ударилась в слёзы, но Аня успокоила:

- Да не плачьте вы, мама. Я Фёдора предупредила.

- Когда же ты успела? – сквозь слёзы спросила та.

- Вот, когда ливень был.

Свекровь не вытирая слёзы, принялась целовать невестку:

- Дитяtko моё, да как же ты не побоялась идти?

Аня не стала говорить, что от страха у неё чуть не отнялись ноги, но другого выхода не было.

Вечером по селу провезли всех жителей, взятых при облавах. Их везли в город. Было понятно, что арестованных расстреляют. Село затихло, даже собаки попрятались и умолкли.

Ночью приехал Ануфрий, распряг лошадь, на причитания жены буркнул, что всё уже знает.

- Надо уходить в лес, – объяснил он женщинам своё решение, – полицаи всё равно не отстанут.

Аня увязала вещи. Она собрала ребёнка, погрузила нехитрый скарб на подводу и стала ждать мужа.

Утром скрипнула калитка, это пришёл Фёдор. Сказал, что немцы стягивают силы для удара по партизанским базам, поэтому надо спешить. Усадив женщин на воз, они с отцом выехали со двора.

Благополучно миновав пустые блокпосты (полицаи были заняты сопровождением арестованных), подвода въехала в лес. Темнота окутывала путников. Кто-то невидимый внезапно подал голос из чащи. До Ани донеслось: «Надо обождать здесь, узнать, нет ли засады на мосту».

Беглецы заехали в середину леса. Остановились. Не распрягая, дали лошади сена и стали ждать. Из лесу вышел человек и сказал: «Будем помаленьку двигаться». Подъехали ещё несколько подвод, и обоз двинулся дальше. Справа и слева шагали партизаны. По всему было видно, что снялся весь лагерь. Сидевшая на возу мать Фёдора внезапно расплакалась. Вытирая слёзы, она запричитала:

- Куда я, горемычная, поехала? Кому я нужна старая, больная?

Сколько ни уговаривали её Ануфрий с Фёдором, старуха стояла на своём. Соскочив с телеги и не обращая внимания на крики, она пошла по дороге домой. Ануфрий всё-таки догнал упрямыцу, остановил и попытался отговорить:

- Оля, одумайся. Куда же ты? От села уже давно отъехали.

На что упрямая старуха с вызовом ответила:

- Всё равно не поеду. Умирать дома буду. Здесь недалеко деревня Устронь, там мой брат Василь, у него пережду маленько и пойду домой.

Переночевав у брата, она вернулась в село. Там уже всю хозяйничали немцы. Большинство жителей ушло в лес, а в селе остались только несколько стариков и старух. Некоторые пошли прислуживать старосте и немецким офицерам. Напротив дома Кореневичей жил однофамилец, старик Кореневич Иван. Однажды к нему в дом зашёл немецкий офицер в сопровождении солдат и переводчика. Офицер хозяйским взглядом обвёл комнату и что-то сквозь зубы кинул солдатам. Переводчик подобострастно вытянулся и сказал старику: здесь будет жить господин офицер. Старик растерялся:

-Як же так? Куды ж я пайду?

Переводчик фыркнул:

-Я что? Неясно сказал? Немедленно выметайся! Скажи спасибо, что за шиворот не выкинули. Десять минут тебе на сборы.

Дедку ничего не оставалось, как покорно покинуть дом. Тогда он попросился жить к Ольге. Так они жили до той поры, пока в деревне Беличи партизаны не разбили немецкий гарнизон. Полицаи узнали, что в нападении на немцев участвовал кто-то из Кореневичей. Староста сообщил коменданту, что в селе тоже проживают Кореневичи. Полицаи приехали, схватили старика и Ольгу, вывели их за сарай и расстреляли. Эта весть дошла до партизан только через полгода. Виктору, побывавшему в родном селе с разведчиками, рассказали, что стариков похоронили в общей могиле, а полицаи растащили всё, что было в доме. Даже вытащили из окон рамы со стеклом.

6. В Живунях

Немцы сжимали тиски, и отряду пришлось двигаться дальше. Обоз медленно двигался ночами по открытой дороге. Днём старались затаиться в перелесках.

Два дня было тихо, но разведка предупредила, что за деревней Працевичи может быть засада. Дорога пошла по болотистому лесу, Працевичи миновали без приключений. Уже решили, что дальше можно ехать без опаски, но внезап-

но из деревни Кутенки раздалась беспорядочная стрельба. Бойцы отряда выдвинулись вперёд и обнаружили двух полицейских. Одного из них удалось застрелить, а второго ранить и обезоружить. Это был парнишка лет четырнадцати. Он рассказал, что с приятелем случайно оказались в деревне в поисках самогона. Немцев там нет. После допроса командир приказал полицейского расстрелять, но бойцы уговорили оставить ему жизнь – мальчишка же совсем. Командир согласился, пообещав проверить того в бою.

Отряд остановился в деревне. Место было удобное: кругом лес, болото. Выставив охранение, командир распределил стариков и женщин по хатам, а бойцы ушли в сторону Працевичей. Вместе с ними ушли Фёдор и Виктор. Отец Фёдора и Анна с ребёнком заселилась в доме с выбитыми окнами, но это было всё же какое-никакое жильё. Там жила одинокая женщина с ребёнком такого же возраста, как девочка Анны. Женщину звали Павлина. Та держала корову, за которой из-за болезни ног, не могла ухаживать. Она очень обрадовалась, что появилась помощница, и большую часть молока отдавала Ане, для девочки. Аня очень сдружилась с хозяйкой.

Но это была временная передышка. Разведка, посланная проследить за немцами, сообщила, что передовые отряды уже в Працевичах. Партизанам местного отряда приказали двигаться дальше. Все жители деревни ушли за ними. Свёкор Анны запряг лошадь, погрузил в телегу мешки с хлебом и картошкой и поехал прятать их в лес. Анне он наказал ждать его возвращения. Вернулся на следующий день, посадил Анну с ребёнком на воз с остатками скарба, и телега двинулась по разбитой дороге. Началась оттепель, колёса постоянно застревали в подтаявшем снегу.

Когда въехали в лес, стало совсем тяжело. Ехали мимо болот, покрытых льдом, встречались небольшие озёра со стоячей водой. Лошадь с трудом вытягивала колёса из раскисшего снега с грязью. На очередной яме телега перевернулась, и Аня с ребёнком оказалась в воде. Выбравшись из ямы она побрела к лагерю, но там её ждало разочарование. В землянках оставались женщины с детьми, а мужчины все находились в оцеплении. Девочка сильно плакала от холода, но Анну не пустили ни в одну из землянок. Боялись, что крик могут услышать фашисты.

Прижав плачущего ребёнка к груди, Анна села под куст и разревелась. Слёзы лились рекой, и зубы стучали как автомат. Обида на людскую несправедливость раздирала мозг несчастной женщины.

Свёкор, освободив лошадь от упряжи, расстелил на возу какие-то тряпки, подхватил Аню с девочкой и, посадив на телегу, накрыл попоной. Проздрожав всю ночь, утром они поехали дальше.

Наконец добрались до какой-то захудалой деревни. Свёкор остановил лошадь возле крайней избышки и постучал в дверь. Из хаты вышла старушка. Увидев Анну с ребёнком на руках, она сразу пригласила путников в дом, велела снять всю одежду и лезть на печь. На печи было жарко, но Анна этого не замечала. Впервые за все дни мытарства она спокойно заснула. Дочка тоже спала, сладко причмокивая во сне.

Утром хозяйка накормила всех пшённой кашей. Для измождённых беглецов она показалась самым вкусным блюдом, которое есть на свете. Но надо было двигаться дальше.

Снова потянулись однообразные леса, сменяемые болотцами. Аня потеряла счёт дням.

Старались ехать ночами, а днём распрягали лошадь и разводили огонь. Наконец добрались до Живуней. Там жили родители Маши Арцехович, с которой Аня была дружна. Когда подъехали к дому, распахнулась калитка и на дорожку выскочила Маша. Она ещё издали разглядела, что на телеге сидит её подруга. Не переставая ахать и охать, засыпала вопросами, на которые Аня еле успевала отвечать.

- Ой, мамочки. Откуда вы такие грязненькие!? А кто это у тебя на руках такой чумазенький!? Как же зовут милое дитя!? Да как же вы добрались по такой дороге!? – тараторила Мария.

Хата была небольшая, но хозяева обрадовались неожиданным гостям и оставили беглецов у себя. Маша всё удивлялась, что у подруги есть маленький ребёнок.

-Ань, как ты решилась на такой переезд с малышкой?

Родители подруги умилялись, глядя на дитя, не спускали девочку с рук и всё спрашивали, почему Аня не осталась дома. Молодая женщина не стала говорить о своей связи с партизанами.

Незаметно наступило лето. О немцах ничего не было слышно. Только поговаривали, что где-то под Працевичами их сдерживают партизаны.

Как-то надо было выживать, и надеяться можно было только на себя. Родители Маши посеяли просо, заняв под посевы все свободные поляны. Аня со свекром как могли помогали по хозяйству. От Фёдора приходили редкие весточки, из которых они узнали, что находится он в отряде вместе с Виктором. Так же Фёдор сообщил, что из Москвы прислали связного, их земляка, которого зовут Михаил Емельянович, фамилия у него какая-то нерусская.

У родителей Маши Аня со свёком прожила до начала морозов. А зима выдалась не очень холодная. Снегу было мало, да и сами морозы не сильные.

От частых оттепелей снег смешался с грязью и превратился в непролазную слякоть.

Но немцы наступали. В это время партизанский отряд под командованием Ивана Семёновича Зайцева уходил от преследования карателей. Оставив заградительную группу, командир с основными силами остановился в посёлке недалеко от Живуней. Все хаты были забиты партизанами, которые радовались отдыху и возможности помыться. В хатёнку Арцеховичей вместе с Фёдором и Виктором набилось человек пятнадцать. Спали партизаны вповалку на полу, подстилая под себя одежду. Два дня бойцы отряда наслаждались отдыхом. Аня с Машей, не переставая, перестирывали грязную одежду и сушили мокрое бельё на печи. Вечером второго дня Зайцев приказал всем сниматься и двигаться дальше: немцы заняли посёлок Живуни. Сельчанам посоветовал уходить, так как, по слухам, в партизанских зонах каратели никого не щадили.

Жители начали собираться в лес. Свёкор Анны, чертыхаясь и проклиная немцев, стал тоже увязывать вещи. Погрузив узлы на телегу, он усадил на них Анну с ребёнком, и выехал из посёлка.

7. В болоте

Ануфрий хмуро понукал лошадь, не обращая внимания на таких же угрюмых соседей. Сзади и спереди шли гружёные подводы, и молча брели женщины с детьми. Обоз миновал густой смешанный лес и въехал в болото. С трудом выбравшись из трясины, остановились в берёзовой роще. Мужчины кое-как соорудили шалаш, поставили посреди железную печь, которую предусмотрительно захватили с собой.

Ануфрий обошёл рощу, вернулся к телеге и мрачно сказал:

- Вот что, Анна, здесь укрытие слабое, день – два переждём и двинем в Баяничи, по слухам там спокойно.

Аня от усталости валилась с ног. Устроившись возле трёх берёз, где было потише, разостлала попону. Она хотела покормить ребёнка, но девочка от холода только плакала и не брала грудь. Аня попросилась к соседям в шалаш, чтобы перепеленать ребёнка, но те замахали руками и Христом-Богом стали умолять не подходить к шалашу, так как немцы совсем близко, могут услышать детский крик. Поплавав и кое-как сменив пелёнки, Аня снова устроилась на телеге и свекор, закутав обоих тряпьем, поехал по направлению к Баяничам.

Не доезжая посёлка Баяничи, они встретили знакомых Ануфрия, Татьяну Мелешко, дочку Киреевых и Варвару из Живуней и узнали, что в Баяничах уже немцы, значит соваться туда не стоит.

Женщины тянули за собой двух коров, которые были как нельзя кстати. Коров надо было подоить, и Аня с радостью согласилась помочь. Напоив ребёнка молоком, она повеселела. Ануфрий же в свою очередь предложил женщинам двигаться в лес вместе:

- Садитесь, девоньки, на телегу. Места хватит всем, – суетливо заметил он, укладывая пожитки плотнее.

Свернув на боковой просёлок, они через некоторое время догнали мужчину. Он сказал, что был ранен в перестрелке с немцами в Баяничах и сейчас пробирается в лес, где, вроде бы, развернули партизанский госпиталь.

Ануфрий невесело усмехнулся:

- Сидай. Калекой меньше, калекой больше – кобыла стерпит. Заодно и дорогу покажешь. Как звать-то тебя, болезный?

- Юрка, – охотно ответил парень, усаживаясь возле женщин.

Партизан вывел беглецов к болоту, заросшему кустарником, и по приметам привёл к месту, где росли высокие деревья и было сухо. Госпиталь уже снялся, но в землянках жили беженцы из окрестных деревень.

Мороз крепчал. Болото затянулось некрепким льдом, поэтому коров пришлось оставить в лесу. Они проламывали лёд и вязли в болоте. Немцы тоже боялись далеко соваться.

Ануфрий попытался выкопать землянку, но все возвышенные места были заняты, а ниже выступала вода. Пришлось соорудить убогое укрытие среди валежника, в котором они приютились. Обустроив убежище для Анны, свёкор уехал за продуктами, а заодно решил разведать, где можно остановиться хотя бы на полгода.

Немцы были так близко, что иногда слышался их разговор. Поэтому днём приходилось таиться, а ночью в овраге разводили небольшие костры и кипятили воду, которую брали из болота, пробираясь по глубокому снегу и тщательно заматывая на обратном пути следы. В кипяток клали немного муки без соли и так питались раз в сутки.

Недели через три немцы попытались пройти болото. Вначале они открыли шквальную стрельбу и стали продвигаться к острову. Перед самым валежником, за которым прятались беженцы, они залегли: местность была им незнакома.

Девочка Анны вздрагивала от каждого выстрела и кривила рот. Мать боялась, что та вот-вот заплачет, и готовилась хоть как-то прикрыть закутанное тряпьем тельце. На счастье, ребёнок молчал. Немцы ещё сутки держали блокаду, затем ушли, думая, что все погибли. Мужчины вышли в лес, удостовериться-

ся, что немцев нет, а женщины постепенно стали приходить в себя и налаживать быт.

Возле Анны ютилась женщина с маленькой девочкой, которая сильно испугалась первых выстрелов. Девочка, услышав их, закричала, и мать закрыла ей рот подушкой. Когда немцы сняли блокаду, оказалось, что девочка задохнулась. У бедной матери помутился рассудок. Она схватила ребёнка, прижала к груди и заголосила так, что у соседней волосы зашевелились. Женщина ходила между землянок, протягивала каждому встречному свёрток с мёртвым младенцем и говорила тихим голосом:

- Смотрите, как она спит. Она же, правда, заснула?

Через три дня вернулись мужчины, отняли ребёнка и похоронили. Ещё через день пришлось хоронить и мать, она повесилась.

Мужики притащили убитых коров, которых женщины бросили в лесу. Немцы подстрелили их разрывными пулями. Раны уже загноились, и мясо подгнивало. Партизаны разрубили туши на части и наварили ячменную болтушку. Несмотря на запах, это была приличная еда, которая сохранила не одну жизнь.

До самой весны беженцы скрывались в болоте. С наступлением тепла болото стало оттаивать. По воде стало трудно ходить. Насиженное место пришлось оставить.

8. В лесу

Солнце пригревало всё заметнее. Немцы ушли на восток, и беженцы стали перебираться на сухое место. К болоту примыкал большой старый лес. И хотя ночью ещё пробирал морозец, днём жить было сносно. Кое-где проклюнулась травка, защебетали птички. Жильё не сооружали: нечем было. Наломали лапник, и как-то устроились. Аниными соседями были знакомые. С одной стороны расположилась кума Марья с двумя детьми, а с другой – местная женщина Палагья. У неё было трое детей. Старший, уже взрослый, Миша, и две девочки. Младшей – три годика, другой – шесть. У Палагьи имелась картошка. Хотя и была она вся промёрзшая, но это была еда

Мужики уходили в дальние рейды и не показывались неделями. Женщины согревались только днём, когда светило солнце, а ночью приходилось кое-как кутаться, так как костры не разжигали из-за боязни, что стоянку обнаружат полицаи.

У Анны совершенно развалились сапоги. Она подвязала подошвы проволокой, так и ходила. В один из солнечных дней решила просушить ноги. С трудом сняв сапоги, стянула мокрые чулки и присела между деревьями на пригор-

ке. Распеленав спящего ребёнка, положила рядом. Внезапно раздались выстрелы. Девочка проснулась и заплакала. Анна в растерянности стала натягивать ещё мокрые чулки, но они не лезли и рвались. Пули свистели совсем низко. От отчаяния и бессилия Аня заплакала. Руки будто онемели. Послышался немецкий говор, и из-за кустов показались два немца. Перед собой они гнали женщин, пытавшихся спрятаться в чаще леса. Один был молодой, он всё молчал, а второй – пожилой, с орлиным носом и узкими глазами, громко орал:

- Шнель, шнель!

Анна кое-как натянула чулки, с трудом надела сапоги, а немец всё подгонял. И тут у неё мгновенно высохли слёзы. От отчаяния она со злобой кинула:

- Да пошел ты..!

Анна при этом добавила такие слова, что стоявший позади немцев мужчина в штатском расхохотался.

-Was? Was? (Что? Что?) – залопотал носатый.

Мужчина оказался переводчиком. Он сказал что-то по-немецки, продолжая смеяться. Молодой тоже рассмеялся, а лицо пожилого приняло свирепый вид. Он передёрнул затвор и навёл автомат на Анну. «Вот и конец», - пронеслось у неё в мозгу, но страха не было. Всё, чего хотела уставшая женщина, чтобы её ребёнок не мучился. Пусть его убьют вместе с нею. Но внезапно немец рассмеялся, что-то крикнул молодому и отошёл в сторону. Затем приказал женщинам собраться на поляне. Переводчик велел идти всем к Живуням, при этом предупредил: при попытке бежать – расстрел.

9. Плен

Собралось человек сорок женщин с детьми, голодных, обессиленных. Среди них было много незнакомых, прятавшихся в лесу. Так же – пожилая, больная тифом. Она еле передвигала ноги. Её вели под руки. Женщина всё просила бросить её, чтобы немцы пристрелили. А те, лишь услышав о тифе, быстро ушли вперёд, только носатый остался и всё орал:

- Шнель, шнель! Руссиш швайн!

Дорога, по которой гнали толпу женщин, шла по лесу. В колее стояла вода, но немцы не позволяли обходить огромные лужи. Добравшиеся до деревни люди были насквозь мокрыми и дрожали от холода. Немцы загнали всех в знакомый сарай возле хаты Арцеховичей. Аня, помня, что они с Машей перед уходом кое-что закопали, бросилась к углу. Там зияла пустая яма. Кто всё раскопал? Теперь уж и не найдёшь. В сарае была солома, которую женщины рас-

трясли под ноги, чтобы как-то разместиться. Немцы заперли двери и поставили часового.

Пленницы притихли, ожидая своей участи, только Анин ребёнок заходился от плача. Она укутала малышку одеялом, сохранившимся у одной из женщин, пытаясь убаюкать девочку. Но плач продолжался. У Ани от безысходности на глаза навернулись слёзы. Часовой приоткрыл дверь, посмотрел на ребёнка и спросил на ломаном русском языке:

-Что он?

Кто-то ответил:

-Не видишь? Есть хочет.

Немец прикрыл дверь. К вечеру он сменился и ушёл. Через некоторое время дверь приоткрылась и просунулась рука с котелком и ложкой. Это сменившийся часовой принёс гороховый суп. Но малышка не стала есть, а, отхлебнув, выплюнула. Аня передала суп другим детям. Когда немец вернулся, сидевшая рядом соседка, зная, что Аня немного говорит по-немецки, шепнула:

- Спроси, что с нами будут делать?

Аня спросила. Тот ответил, что отправят дальше.

Вечером в сарай вошёл сухопарый немецкий офицер с палочкой. Судя по обилию крестов на кителе – большая шишка. На ломаном русском он приказал всем встать. Расхаживая вдоль неровного строя, заговорил:

- Вы есть русские женщины и дети. Мы вас не трогать. Вы пойдёте в дом жить. Но только шесть часов вечера не выходить из дом, а то расстрел. Никуда не ходить, только двор.

Указывая палочкой, офицер стал выспрашивать:

- Где твой муж?

У детей:

- Где твой папа?

Матери зашептали своим детям:

- Отвечай – помёр, сгинул...

Офицер подошёл к очередному ребёнку и, видя, что все отвечают однозначно, показал шоколадку и спросил: «Где папа?» А тот в ответ: «Не знаю. Я его никогда не видел». Дошла очередь до Ани. Что-то не понравилось немцу в её взгляде, и он заорал:

- Где твой муж!? Комиссар!? Партизан!?

Видя, что женщина молчит, ещё больше распалился:

- Я тебя расстреляйт!

Анне, смертельно уставшей от постоянного голода, пробирающего до мозга холода и непрекращающегося плача ребёнка, было уже всё равно. Она

обвела всех невидящим взглядом и еле слышно прошептала: «Стреляй». А немец, тыча палкой, всё распалялся:

- Фрау – комиссар! Расстрелять её!

Но солдаты не двигались с места и с интересом наблюдали, как беснуется офицер. Кума Марья подошла к Ане и чуть слышно прошептала:

- Анечка, просись. Может, помилуют.

А у той всё помутилось в голове, стоит и молчит, как каменная. Палагья не выдержала, кинулась в ноги немцу и давай причитать:

- Господин офицер! Пожалей женщину! Без мужа она! Вдова! До войны ещё муж погиб на стройке!

Но офицер, оттолкнув палкой женщину, прошипел сквозь зубы:

- Какое твоё последнее желание?

Анна поняла, что теперь-то наверняка пришёл конец и, собрав последние крохи храбрости, произнесла:

- Моё последнее желание, чтобы русский офицер расстрелял твою семью.

Сказала вначале по-русски, а затем, еле подбирая слова, по-немецки. Немец набычился и уставился на несчастную. Но Анна глаз не отвела. Напряжённость снял один из солдат, кинув что-то непонятное по-немецки. Аня только разобрала, что речь идёт о каких-то заповедях для немецких солдат*. И на этот раз смерть прошла стороной. Офицер только улыбнулся и отошёл.

Охрана, тыча автоматами, приказала через переводчика всем выходить из сарая и начала расселять женщин по хатам. Анну с двумя другими семьями заселили в избу с побитыми окнами. Мебели не было, на полу лежала солома, по комнатам гулял ветер. Кое-как заделав окна, женщины принялись обследовать жильё. В подполе они обнаружили свеклу, а сын одной женщины сходил во двор и принёс коровью ногу (немцы резали коров и ноги выкидывали). Вот с этой ногой и свеклой сварили похлёбку. Пять дней ещё можно было с ноги что-то выварить, а уже на шестой и того навару не было.

Женщин гоняли на вырубку кустарника вдоль дороги. Аня оставалась смотреть за детьми, а женщины вечером приносили хлеб и кое-какую крупу, из которой в кружке варили кашу.

Через семь дней всех собрали на окраине посёлка. Вышел офицер и, помахивая палочкой, приказал выходить на работу:

- Вечером все вернутся домой. Детей оставить.

У одной женщины были обморожены ноги, и она не могла ходить. Её-то и попросили присмотреть за детьми. Ане пришлось забрать ребёнка, потому что без неё девочка заходила от плача.

Немцы, сопровождавшие матерей, ехали верхом на лошадях. Когда они начали подгонять толпу нагайками, пленницы поняли, что их гонят не на работу. Они подняли крик и попытались бежать. Немцы, ругаясь и стреляя в воздух, собрали всех и приказали сесть. Через некоторое время к ним присоединили ещё женщин, уже с детьми, и тоже приказали сесть. К сидящим вышел переводчик, весь холёный, с усиками в шляпе, и громко сказал:

- Русские граждане, вас не тронет немецкая власть при условии: если у вас есть с собой ценные вещи, вы должны добровольно сдать их. В противном случае вас ждёт расстрел.

Он повторил это три раза. Женщины молчали. Один из солдат принялся обыскивать первые ряды. Но, ничего не найдя, прекратил и отошёл в сторону.

10. Переводчик

Переводчик снова прошёлся между рядов. В руках он держал палочку, подражая немецкому офицеру, и при каждом шаге похлопывал ею по сапогу. Когда он подошёл к Анне, та спросила:

- Скажите, что с нами будет?

Переводчик остановился и сквозь зубы проговорил:

- Будете себя хорошо вести – ничего не будет. Поделят на три группы, а там определяют кого куда.

Часа через два пришёл офицер, что-то сказал, и переводчик громко командовал, чтобы женщины с детьми остались на месте, старухи стали слева, молодые – справа. Внимательно посмотрев на Анну, он велел той перейти в толпу старух. Анна молча выполнила требование. И тут началось что-то страшное. Охрана принялась отбирать у матерей детей и швырять в их сторону, не обращая внимания на крики и слёзы. Затем, соединив толпу женщин с молодыми девушками, пинками и прикладами погнали их по дороге.

Старикам и детям приказали расселяться по хатам. Ане переводчик указал на низенькую избёнку напротив своего дома. Оконце в избе было маленькое, но света хватало. К нему притулился колченогий стол. Напротив, у стены, стояла кровать. Вместе с Анной в избушку заселилась кума Марья с детьми и Палагья. В тот же день, только Анна прибралась, пришёл переводчик и сказал, что с завтрашнего дня она будет у него прислуживать, а остальные женщины начнут ходить на работу в прачечную. Он так же назвал своё имя – Йохан. Позже Аня узнала, что сам он из поволжских немцев, по фамилии Гертнер.

Жил Йохан в добротном доме с роскошной обстановкой вместе с женой, которая себя называла Цилистиной Францевной, и маленькой дочкой та-

кого же возраста, как Анина девочка. Утром переводчик уходил в управу. Анне надо было помыть пол и протереть пыль. Иногда ей доверяли малышку, и девочки вдвоём играли.

Однажды, когда Аня убиралась, в комнату ввалился пьяный переводчик. Криво улыбаясь, он повалился в кресло и жестом подозвал девушку:

- Присядь, поговори со мной. Ты думаешь, почему я тебя спас от угона в Германию? Ты думаешь, мне горничная нужна? Я всё о тебе знаю.

Гертнер пьяно погрозил пальцем и придвинулся к самому лицу Анны. Снизив голос до шёпота, он произнёс:

- Я кто? Здесь я – русский. У большевиков я – немец. И т-там и здесь я не человек. А тебя я знаю. Ты Терентьева.

Заметив, как вздрогнула Анна, он расхохотался.

- Что? Испугалась? Не бойся и не пытайся вспомнить. Ты ещё маленькая была, когда мою семью в Нарым гнали, может, меня и не видела, а я тебя запомнил. Лицо у тебя приметное. Мы теперь вроде как одного поля ягода. Вот семья в Сибири, а я здесь. Даже женился. Но большевички сцапают – и виселица. Я не буду спрашивать, как ты сюда попала, но тебя не выдам. Живи пока. Он снова пьяно погрозил пальцем.

Аня со страхом подумала, что ходит по лезвию бритвы. Достаточно не угодить с уборкой, и её сдадут немцам.

11. Побег

В один из солнечных дней Аня как обычно пошла за водой к колодцу. Она поздно заметила, что улицу патрулирует усиленный отряд немцев. Её схватили и повели в управу. По пути к ней присоединили ещё несколько человек. Аня плакала и умоляла отпустить её, но солдаты не обращали внимания на мольбы. Только вмешательство переводчика спасло её от отправки в Германию. После этого случая она решила бежать. Решение о побеге поддержали Марья с Палагьей. Днём они определили места, где нет постов. Бежать должны были ночью. Но план едва не сорвался. Партизаны заминировали дорогу, и на mine подорвался какой-то важный чин. Вечером немцы устроили облаву. Марья догадалась уложить детей в кровать. Когда немцы ввалились в хату, она, указывая на ребятишек, закричала:

- Тиф! Тиф!

Немцы очень боялись этого слова. Услышав его, спотыкаясь и перегоняя друг друга, кинулись вон. Даже спрашивать ничего не стали.

Ночью беглецы, прячась за изгородью, стали пробираться к лесу. Немцы постоянно пускали ракеты. Было светло как днём, но путь пролегал через густой кустарник, и женщины благополучно миновали крайние хаты. Аня не знала, куда идти. Тут Марья вспомнила, что недалеко есть деревня.

Весь день беглянки шли через лес. Наконец впереди показались крайние дома. Женщины зашли в один двор – никого. Дом был пуст. По комнатам гулял ветер. В выбитых окнах развевались занавески, и громко хлопали двери.

Во втором доме жили старик со старухой. Они обрадовались живым людям. Выяснив, что гости голодные, старуха тут же затопила печь. В чугушке сварили картошку с редькой. И хотя суп был без соли, а картошка промерзлая и от этого сладкая, все с жадностью набросились на варево. Аня поела и накормила дочку. А ночью у девочки начались колики. От сильной боли она стала кричать и плакать.

12. Москва. Лубянка

В начале июля тысяча девятьсот сорок первого года майор госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов* был срочно вызван на Лубянку. Войдя в приёмную, доложил о своём прибытии дежурному офицеру, который тут же предложил ему пройти в кабинет Берии*.

За длинным столом, покрытым красным сукном, сидел грозный хозяин кабинета.

- Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, майор Судоплатов прибыл по вашему приказанию, – Судоплатов вытянулся по стойке «смирно».

Берия вышел из-за стола и радушно протянул руку:

- Ну-ну, Павел Анатольевич. Не стоит так официально. Я вас пригласил вот по какому поводу.

Берия усадил Судоплатова за стол и протянул раскрытую папку с документами.

- Приказом по НКВД в составе четвёртого отдела создаётся особая группа призванная противостоять парашютным десантам противника, а также диверсионным группам*. Возглавить группу поручается вам. Ознакомьтесь с подробностями и приступайте к действию. Вам предоставляются неограниченные полномочия. Подчиняться будете лично мне. С чего думаете начать?

Судоплатов вскочил:

- Я думаю, с подбора кадров, товарищ Генеральный комиссар.

- Вот и прекрасно. Начинайте. Вы свободны. Желаю удачи, - Берия дружески проводил посетителя до двери и пригласил к себе дежурного офицера.

13. Секретное задание

Сентябрь сорок первого года для начальника Нарымского окружного отдела НКВД Михаила Емельяновича Мезиса выдался тяжёлым. В Нарымском крае из года в год следовали неурожаи. Суровый север подкидывал погодные сюрпризы, ко всему прочему с начала войны активизировались вредители. Поэтому вызов в Управление НКВД не сулил ему ничего хорошего.

Срочно выехав в Новосибирск, он уже мысленно распрощался со свободой. Прибыв в Управление, доложил дежурному офицеру. Тот, сверившись с журналом, велел ждать вызова. Ждать пришлось недолго. Минут через пятнадцать из кабинета вышли два офицера, и дежурный пригласил Мезиса. Михаил Емельянович совсем не ожидал дружеской встречи. К удивлению, начальник управления Ковшук-Бекман* вышел ему навстречу, пригласил сесть в кресло и протянул красную папку с грифом «секретно».

- Ознакомься, Михаил Емельянович. Вчера из Москвы прислали.

Мезис открыл папку и прочитал: «Совершенно секретно». Это была телеграмма с предписанием откомандировать в распоряжение Центрального управления НКВД наиболее преданных офицеров территориальных управлений прифронтной полосы. Вчитываясь в текст телеграммы, Мезис всё более не понимал, чего от него хочет начальник управления. Дочитав до конца, вопросительно взглянул на начальника:

- От меня-то что требуется? Телеграмма касается управлений прифронтной полосы, а у нас, вроде, глубокий тыл.

- Ты прав. Михаил Емельянович. Только, понимаешь, какое дело: в районах прифронтной полосы сильно оголились органы НКВД. Большинство сотрудников возглавляют диверсионные группы. Наверху принято постановление: для координации действий диверсионных групп и партизанских отрядов направить из тыла в районы партизанских действий наиболее проверенные кадры. По моим сведениям, ты родом из Белоруссии?

- Так точно. Живунь, Любаньского района.

- Вот и прекрасно. На сборы тебе два часа. Ночью вылетаешь. Завтра будешь в Москве, там получишь задание.

Мезис понял, что разговор окончен и, козырнув, вышел из кабинета. Через два часа он летел на грузовом «Дугласе» среди каких-то ящиков и тюков. За окном была полная темнота. Огни самолёта тоже были выключены. И только

равномерный шум моторов выдавал движение «Дугласа». Под этот гул Мезис успел поспать и по прибытии на аэродром чувствовал себя посвежевшим и готовым выполнить задание.

В Москве ему вручили пакет с приказом вскрыть на месте, и уже другим транспортником Мезис оказался на прифронтовом аэродроме. Офицер без знаков отличия провёл его на склад, где начальнику Нарымского окружного отдела НКВД выдали камуфляжную робу, оружие, паёк на три дня и батареи для рации. Самолёт был под завязку загружен оружием и продуктами, предназначенными партизанам. Единственным пассажиром был Михаил Емельянович.

14.Отряд

Самолёт летел низко, едва не задевая вершины деревьев. В иллюминатор можно было разглядеть только едва проглядывающий из-за туч серп луны. По вспышкам внизу Мезис понял, что они перелетают линию фронта. Через несколько минут в абсолютной темноте вспыхнули огни сигнальных костров. Самолёт пошёл на посадку. На земле к нему подбежали молчаливые люди и деловито стали разгружать. Казалось, что о пассажире никто не вспоминал. Но через несколько минут из темноты появился человек и протянул руку.

- Командир партизанского отряда Зайцев Иван Семёнович.

- Мезис Михаил Емельянович.

- Нам уже сообщили о прибытии. В землянке приготовлено место. Сейчас тебя проводят. Ничего, если мы сразу на ты?

Мезис пожал плечами.

- Ну, значит замётано.

К Михаилу Емельяновичу подошёл парень, в солдатском бушлате с немецким автоматом, взял вещи и пошёл в сторону леса. Мезису ничего не оставалось, как следовать за провожатым. Пройдя поляну, они углубились в чащу и долго шли по невидимой тропке. Под ногами хлюпала вода, но через некоторое время путники вышли на сухое место. Здесь виднелись хорошо замаскированные землянки. Мезису указали на одну из них. Отворив хлипкую дверь, он вошёл внутрь и огляделся. В помещении, слабо освещённом «Летучей мышью», было просторно и, главное, – сухо. В условиях заболоченности это было немаловажным преимуществом. В углу стоял грубо сколоченный стол с гладкой столешницей. Вдоль стен виднелись двухэтажные нары, покрытые сеном. Вместо подушки – валик тряпья. Жильё было рассчитано на четырёх человек, но, судя по аккуратно разложенным вещам, там жили двое.

Прошло некоторое время, и в землянку вошли два партизана: Зайцев и ещё один, которого Мезис не знал. Командир представил спутника:

- Ну что ж, Михаил Емельянович, с прибытием в отряд. Знакомься – мой заместитель, Кореневич Фёдор Ануфриевич. Сразу хочу заметить, что придется жить вместе не один день, поэтому прошу предельной откровенности.

Зайцев улыбнулся и пригласил всех к столу. Через минуту в землянку вошла женщина и разложила на столе незамысловатую еду. Мезис удивился:

- Что, в отряде и женщины есть?

- Куда же от них деваться? Кому-то надо обстирывать бойцов, кто-то в госпитале работает. Да что там говорить – они и воюют неплохо. Совсем недавно у нас воевала жена Фёдора: Аня Терентьева.

- Терентьева? А сейчас она где?

- Аня-то? Сейчас в семье Фёдора. Пришлось отправить из отряда по случаю беременности. Сам понимаешь – война войной, а жизнь не остановишь. Вот и отправили связной. Кстати, брат её – один из командиров диверсионных групп. С первых дней войны добровольно пошёл на фронт, а повоевать не пришлось. Часть разбили, и вот сейчас в отряде.

При этих словах Мезис весь подался вперёд:

- А брата случайно не Виктором зовут?

- Ты что так напрягся? Виктором.

- Отчество у них какое?

- Отца Игнатом звали. Да что с тобой?

- Знаешь, Иван Семёнович. Всё я ожидал, но ты такой гадюшник развёл. Часть, говоришь, разбили. А вдруг он заслан немцами.

- Ты вот что, Михаил Емельянович, не очень-то разбрасывайся обидными словами. Здесь, знаешь ли, тыл врага, и мы не сидим в лесу без дела. А что касается Терентьевых, так мне непонятна твоя подозрительность.

- Ты просил откровенности. Так вот, я здесь не только для координации действий партизанских отрядов, но и с целью выявления пособников врага, которые могли проникнуть в отряд. А если это те Терентьевы, которых я знал, то их отца, Игната, расстреляли ещё в тридцать седьмом, а они переехали сюда из Сибирской ссылки, и неизвестно, что затаилось в их душах.

- Не знаю и не хочу знать, кем был отец Терентьевых, а вот то, что они надёжные бойцы – так за это я готов голову положить. И вообще, я тебе скажу: в отряде разные люди, и большинство не только из разбитых частей, но и понохавшие плен. Тебе дали задание: выявлять предателей – вот и работай. Но проверяй не только подозрительностью, но и делами. А с ходу ярлыки навешивать я тебе не позволю. Так у меня ни одного бойца не останется.

Фёдор наблюдал за перепалкой. Ему было обидно, что так говорят о его жене, понимая, что возражения неуместны и могут только испортить отношения с вновь прибывшим, молчал.

С первого дня Мезис окунулся в работу. Разрозненные партизанские отряды, действуя, не могли наносить врагу значительный урон, а подчас мешали друг другу. Необходима была срочная координация. Работа по согласованным действиям осложнялась скрытностью отрядов, а так же сложностью передвижения в лесных условиях и в тылу врага. Мезис выезжал в места предполагаемого базирования разрозненных отрядов. Всё оставшееся время он занимался проверкой бойцов. Это были в основном местные жители. Но многие из тех, кто вышел в своё время из окружения или бежал из плена. Документы могли предъявить единицы.

15.Бой

Однажды партизанский отряд отбил у немцев три подводы с зерном. Бойцы решили сразу смолотить хлеб. Вечером по дороге к мельнице заехали в ближайший посёлок и расположились на ночлег. Трое устроились в ближайшей к лесу хате. Среди них был брат Ани, Виктор, и двое местных: Иван Болошко и Ефим Березовский. В караул выставили того парня, которого уберегли от расстрела. Звали его Сашка Украинец.

Партизаны попросили истопить баню. Пока она готовилась, сгрузили мешки в сарай. Радужная хозяйка заставила снять одежду и, как могла, постирала её. Тут же выставила на стол нехитрое угощение, и мужчины, поужинав, вскоре заснули.

Под утро Виктор проснулся от звука выстрела. Разбудив товарищей, прокрался к окну. По улице шёл Сашка и что-то рассказывал сопровождавшим его полицаям.

На несколько минут установилась тишина. Хозяйка схватила детей и побежала огородом к соседям. Полицаи её не заметили. Товарищи Виктора недоумённо стали переговариваться. Все думали только об одном: неужели Сашка - предатель? А Украинец просто проспал. Он открыл глаза, когда полицаи были рядом. Бросив винтовку, попытался бежать, но один из полицаев крикнул: «Стоять!», и выстрелил в воздух. Этот выстрел и услышал Виктор.

Полицаи приблизились. Один из них без слов ударил Сашку в зубы. Украинец упал. Тогда старший поднял его за шиворот и тихо спросил:

- Где твои товарищи?

Сашка перепугано зашептал:

- Я всё скажу, только не бейте.
- Что ты там бормочешь? – полицейя рассмеялся.

Сашка вымученно попытался улыбнуться.

- Они в крайней хате. У леса.

Два полицейя повели Украинца по улице. Когда они поравнялись с забором, партизаны стали стрелять. Сашка был убит наповал, а полицейя бросились врассыпную. Двое вытащили из телеги, стоявшей рядом, пулемёт и побежали к дому напротив. Иван залёг у окна, указав Березовскому на другое. Ефим кивнул и улёгся рядом. Виктор забрался на чердак. Через некоторое время один из полицейяев крикнул:

- Эй, краснопузые, сдавайтесь! Всё равно вам крышка!

В ответ партизаны открыли огонь. Тогда полицейяи резанули по окнам из пулемёта. Этой очередью сразу убило Ефима. Болошко и Виктор не прекращали стрелять. И тут полицейяи, прокравшись к глухой стене, кинули через окно сразу две гранаты. Хата загорелась, выстрелы прекратились. Виктор собрал все силы и, продрав крышу, спрыгнул со стороны леса. Он приземлился не совсем удачно, так как там была яма, в которую жители скидывали разный железный хлам. В горячке не обратив внимания на глубокие порезы, кинулся в чашу. На счастье, его поздно заметили. А когда обнаружили исчезновение, побоялись сунуться в лес. Виктор обмотал окровавленные ноги тряпьем и, преодолевая жгучую боль, побрёл к лагерю.

Полицейяи, убедившись что в горящей хате никого нет, вломились к соседям. Там сидела хозяйка хаты с детьми и два старика. Женщина рыдала:

- Да что же я, горемычная, делать буду? Да как жить с малыыми детками?

Один из полицейяев расхохотался:

- Ты смотри, как убивается. Скажи спасибо, что не кончили тебя заодно с твоими постояльцами. А вот этих гавриков надо бы допросить. С нами поедете.

Старикам связали руки и пинками впихнули на телегу.

Женщина всплеснула руками:

- Да зачем они вам?
- Посмотрим. Может, и они партизаны.

Полицейяи с хохотом помчались на подводах на Живуни.

К вечеру стариков отпустили. Вернувшись в село они рассказали, как пьяные полицейяи кричали:

- Мы знаем, что вы партизаны! Если расскажете, куда направлялись ваши товарищи, оставим в живых.

Деды только твердили: «Ничего не видели. Дома сидели, а тут пальба. Кто стрелял, мы не знаем. Отпустите, Христа ради».

Полиции ещё поизмывались и отстали.

16. Под подозрением

С трудом добравшись до лагеря, Виктор сообщил Зайцеву о стычке с полицией. Командир не смог сдержать чувств, узнав о гибели товарищей. Больше всего расстроило известие о предательстве Украинца. Но Виктор сказал, что Украинец не успел сообщить о том, где находится зерно. Зайцев тут же приказал партизанам выехать в село. Командир уже хотел отпустить Виктора, но Мезис попросил парня остаться и начал подробно расспрашивать об обстоятельствах стычки.

- Украинец, когда шёл с полицией, что-то говорил?

Виктор удивлённо пожал плечами:

- Вроде, говорил.

- Что он говорил? – глаза у Мезиса сузились.

- Я не слышал. Далеко было.

- А почему ты знаешь, что говорил?

- Так видно было, что губы шевелятся.

- Интересно. Губы видел, а что говорил, не знаешь.

- Да как теперь-то какая разница? Я же его пристрелил.

- Это и странно. Ладно, можешь идти.

Виктор повернулся и неожиданно потерял сознание. Вызванный фельдшер удивился, как с такими ранами вообще можно было идти. Уложив его на носилки, позвал двух партизан и велел нести раненого в лазарет.

Оставшийся наедине с Мезисом командир вспыхнул:

- Ну чего ты прицепился к парню со своими расспросами? Что говорил? Как говорил? Опять выдумал что-то?

- Тут, понимаешь, какая штука? Подозрительно. Бывший полицейский предаёт. Бывший ссыльнопоселенец остаётся в живых: ничего не видел, ничего не слышал. А может, они в сговоре?

- Ты что несёшь? Виктор сам Украинца пристрелил!

- Это и подозрительно. Почувствовал неладное, вот и пальнул в сообщника.

- Да зачем? Если, как ты говоришь, в сговоре.

- Может, у него задача – выдать место базирования отряда?

- Ну и фантазии у тебя!

- Какие фантазии?! Тут явное предательство!

- Ну, вот что, Михаил Емельянович. Ты там, на казённых харчах, жиром оплыл. Не знаю, что ты в своей голове надумал, но пока я командир, не дам губить бойцов! Заруби себе на носу. Виктора с начала войны знаю, да и с Украинцем не всё понятно. Полицаи, по всей видимости, случайно на ребят вышли. Не мог Сашка продаться. А откуда выстрел? Значит, предупредил? Ребята вернутся, может, что и расскажут. А Виктора не тронь!

- Пожалеешь, командир. Ох, как пожалеешь! – Мезис со злостью хлопнул по столу ладонью.

В разгар перепалки в дверь постучали.

- Входите! Что скребётесь?! – со злостью крикнул Зайцев.

В землянку вошли посланные в село партизаны. Они нерешительно остановились у порога. Зайцев вопросительно взглянул на вошедших:

- Ну, не тяните резину!

- Так эта, мы зряно привезли.

- Ну и молодцы. А с телами что?

- Ну, значыць, местные кажущь, палицаи своих-то павезли.

- А наши?

- Мы их так и знашли: Болошко и Березовский шипко обгоревши, а Украинец так и ляжав посредь вулицы.

- Его что, полицаи с собой не увезли?

- Так я ж кажу: вони своих тильки видвезли, а Украинец ляжав со скручаными назаде руками.

- Чем скрученными?

- Ну, так вядома чем – вярвкой. Крепко скручаны. Я ужо хотел рэзяць, да вярвку жалко.

- Ну и что вы дальше сделали?

- Так мы на кладбище звязли, местные абящали пахараниць. А зряно целёхонькое.

- Ладно, ребята. Идите отдыхать. А за зерно спасибо.

Всё это время Мезис только наблюдал за разговором. Проводив партизан, Зайцев повернулся к нему:

- Ну, что, убедился? Украинец не предатель.

- Это ничего не значит. За Терентьевым всё равно надо приглядеть.

- Не знаю, зачем тебе это. Если считаешь нужным, приглядывай, а у меня своё мнение, и на этом разговор закончим.

17. Шифровка

В начале мая сорок третьего года отряд партизан, возвращающийся из очередного задания, внезапно обстреляли неизвестные гражданские. Это произошло под Кутенками. По сведению разведки, здесь не должно было быть полиции. Странность стычки заключалась в том, что местные отряды самообороны никогда не конфликтовали с партизанскими отрядами. Это были разрозненные группы, которые защищали какой-либо посёлок от рыскающих по окрестностям немецких фуражиров.

По прибытии на базу, партизаны доложили о странном событии Зайцеву. Присутствующий при разговоре Мезис не на шутку обеспокоился.

- Иван Семёныч, я тебе ещё не успел сказать: из центра пришла шифровка. Есть сведения, что немецкие оккупационные власти создали из ярых националистов так называемый корпус Белорусской краевой обороны для поддержания порядка в тылу. Один из отрядов корпуса засветился в наших краях.

- Что же мы терпеть у себя под боком будем этих гадов?

- Не торопись с выводами, Семёныч. Это не просто бандиты. Сообщается, что корпус состоит из хорошо вооружённых воинских единиц под командой опытных офицеров.

- Тем более. Надо принять меры для уничтожения отряда.

- Но мы не знаем, кто там стрелял. Может, это какой-нибудь отряд из сил самообороны. Раздобыли, понимаешь, оружие у тех же немцев и охраняют свою вотчину, не допуская как немцев, так и партизан.

- Так что теперь делать?

- Если это не полицаи, попытаться перетянуть их на свою сторону. А для этого надо разузнать: кто они такие.

- Ладно. Направим в деревню разведку. Пусть разузнают, что за вояки там действуют.

Зайцев вызвал троих партизан: Андрея Ковалёнка, Остапа Бровку и Бориса Ветряка. Это были лучшие разведчики отряда, не раз побывавшие в боевых стычках. Коротко обрисовав ситуацию, настрого приказал ни в какие столкновения не ввязываться. Ребята всё поняли и немедленно отправились на задание.

18. Гибель партизан

Пробравшись в Кутенки, парни залегли в ближайших кустах. Целый день пронаблюдав за деревней, ничего подозрительного не заметили. Женщины работали на огородах, дети резвились на улице. Только не видно было мужчин.

Но это не могло показаться необычным, так как большинство мужиков воевало на той или другой стороне. Кто-то ушёл в партизаны, а кто-то был в армии. Если в деревне были полицаи, то давно уже себя как-то проявили бы: немцы строго спрашивали со старост за порядок.

- Что будем делать? У меня уже шея затекла, - Остап повернулся к товарищам.

- Вроде, тихо. Надо бы сходить, осторожно проверить, - пожал плечами Ветряк. – Андрей, ты что молчишь? – обратился он к Ковалёнку.

- Пошли. Никого там нет, – Ковалёнок решительно поднялся.

Все трое неспешной походкой направились к крайней хате. Отворив дверь, они остолбенели. За столом, заставленным бутылками с самогоном, гуляла компания вооружённых людей, одетых в немецкую форму. От неожиданности все застыли. Первыми опомнились партизаны, рванув автоматы. Но было поздно. На них навалилось сразу человек десять. Один из гуляющих, по виду старший, подошёл к связанным партизанам. От него разило луком и перегаром. Криво улыбаясь, он прошипел:

- Попались, москальские прихвостни. Ночь посидите в подвале, а поутру отправим вас в Слуцк. Пусть господин комендант разбирается. Нам своим делом надо заниматься.

Партизан заковали в цепи и бросили в погреб. Ночью не раз пьяные мужики спускались по лестнице и издевались над ребятами, да так, что к утру те еле могли шевелиться.

Утром немцы верхом на лошадях гнали через посёлок толпу женщин на работу. Им и передали пленных. Но до Слуцка те не дошли. Фрицы не стали возиться с излишней обузой.

Когда партизаны выбили немцев из Ляскович, то узнали о пропавшей разведке. Там, в бараке, ютились те самые женщины, на глазах которых всё произошло. Немцы гоняли их на работу по расчистке дорог. Одна из женщин рассказала Зайцеву, как погибли ребята:

– 3 нами гнали от Кутенок трох партизан. Я их не ведаю, адкуль яны и хто. В нижним бялье, змучаные и истерзаные. Босыя, на нагах цепи, руки звязаныя назад. Яны не могли идци. Адзин упал. Яны яго пристрелили. Два яшче ишли, потом адзин пойшов у бок, и в яго стали стреляць. Трети як упал, и па им з коньми кружылися и памёр. Нам нельзя было глядзець, и нас пагналі да-лей.

19. «Чёрные коты»*

Выслушав рассказ, партизаны так и не смогли понять, как парни попали к немцам. Ребята были опытными разведчиками. Перед ними стояла задача - просто понаблюдать за обстановкой в селе. Немцы не могли их так просто захватить. Всем было известно, что они уничтожали партизан на месте. А тут пленение... В голове у Зайцева от невесёлых мыслей была такая каша, что хоть волком вой. А тут ещё Мезис со своей шифровкой. В конце концов, он направил в село небольшой отряд с наказом быть как можно осторожнее.

Пробираясь вдоль обочины заливного луга, партизаны заметили косившего траву дедка в домотканой рубахе, заправленной в широченные шаровары. На ногах деда были лапти. Колоритную фигуру дополнял зимний треух, лихо сидевший на голове.

Бойцы залегли в кустах и направили к деду одного из ребят. Завидев незнакомца, старик прекратил работу и стал настороженно ждать. Партизан неспешно подошёл и поздоровался:

- Здорово, отец.

Дед воткнул косу в землю и из-под ладони взглянул на парня:

- Добры дзень, милый чаловек.

- Ты, дед, меня не бойся. Я из партизанского отряда.

- Можа, ты и партызан. На лице не написана. А с ружьём тут многия ходзяць.

- Кто это, многие?

- Так вось у нас в сяле тож як вроде партызаны. Называюць сябе Беларуска Освободительна Армия. Только яны сядзяць по хатам и никого не вызваляюць, – дед безнадежно махнул рукой.

Расспросив словоохотливого старика о странных партизанах, разведчик, наконец, задал главный вопрос:

- Ты, дед, случаем не слышал: мы троих ребят здесь потеряли. Говорят, видели, как немцы их вели в Слуцк.

- Так яны и сцапали. Я сам бачил як их немчуре перадавали. Бандиты. У нас их называюць «Чорны кот».

- Это почему «Чёрный кот?»

- Яны начами по хатам шарятца. Чиста коты. А днём ховаюцца. Немчура их не чапаюць.

- Ты не знаешь, сколько их и где хоронятся.

-Ч алаvek трыццать. А хаваюцца у трох крайних хатах. У нас почти все хаты пустые, вось яны и выбрали просторные. А у других дзяды да бабы з дзеткамі.

- Спасибо, дед, что не побоялся со мной поговорить. Да и сведения твои нам очень пригодятся. Прощай на добром слове.

- Мне баяцца няма чаго. Старый я баяцца. Доброй дароги табе хлопец, — дед снял с головы треух, устало вытер со лба пот и вновь принялся за прерванное партизаном дело.

Разведчики всё же решили убедиться в правдивости слов деда. Ещё сутки они пролежали в кустах возле села. Видели, как дед вернулся с покоса. Наблюдали, как бандиты передвигались по улице. Стали свидетелями мародёрских поступков «лесных братьев», но терпеливо ждали. Убедившись, что дед говорил правду, возвратились в отряд.

Зайцев обстоятельно расспросил разведчиков обо всём, что им пришлось узнать, уточнил детали и обратился к Мезису:

- Думаю, Михаил Емельянович, надо кончать с этой бандой «освободителей».

Мезис, не задумываясь ответил;

- Ты прав. Так они народ отпугнут от партизанского движения. Собирай отряд. Выступаем немедленно.

Вечером партизаны тихо подошли к селу. В лучах заходящего солнца проглядывали крытые соломой избы. Стояла такая тишина, что сквозь неё слышались редкие вздохи коров. Партизаны залегли в ближайшем перелеске, дожидаясь темноты. В крайних хатах, как обычно, шла попойка. Бандиты до такой степени обнаглели, чувствуя свою безнаказанность, что даже не выставили часовых. Это было на руку партизанам. Они залегли в ближайшем перелеске, дожидаясь темноты.

Наконец на село опустилась ночь. Из-за туч выглянула полная луна, освещая холодным светом улицы посёлка. Бойцы скрытно подобрались к логову «котов». Окружив хаты, они стали ждать сигнала. Зайцев протяжно свистнул, и в окна полетели гранаты. Бандиты не ожидали нападения. Большинство погибло в первые минуты. Оставшиеся в живых бросились к окнам, но были встречены шквальным огнём автоматов.

Бой был закончен в течение получаса. Раненых бандитов тут же пристрелили, не оставляя никого. Ещё некоторое время партизаны осматривали хаты. Забрав оружие и продукты, они тихо растворились в темноте. Проводив последнего бойца, Зайцев постучал в дверь хаты, указанной разведчиками. Дверь отворил лед. Поздоровавшись, Зайцев сразу приступил к делу:

- Слушай меня внимательно, диду. Немцы вас так просто не оставят. Мы-то уйдём, а вам с бабами и ребятишками деваться некуда. Ты вот что: собери народ да схороните этих вояк. Хаты, где они жили, сожгите. Всем говорите, мол, за ними приехали и увезли, а куда, не знаем. Понял?

- Чаго ужо не зразумець. Усё зробим.

- Ну и добре. Не обессудьте, ежели что не так. Мы своё дело сделали.

- Бывайце здоровыя, хлопчыки, – дед смахнул внезапно набежавшую слезу.

Через час собрались селяне. На окраине вырыли большую яму и покидали трупы бандитов. Заровняв следы, разбросали землю и несколько раз проехали на телегах. Сложив разбитые рамы и разбросанные доски, подожгли хаты.

Через два дня в село въехал на грузовиках отряд немецкой жандармерии, сопровождаемый полицаями. Немцы намеревались использовать бойцов «Освободительной армии» в борьбе с активизировавшимися партизанами. Издали увидев пепелище, они немедленно выслали вперёд отряд полицаев, которые собрали жителей и стали расспрашивать, куда исчез вооружённый отряд. Но жители только невнятно отвечали, что прибыл какой-то начальник и увёл всех с собой. А куда, то им не докладывали. Вот зачем-то и хаты пожгли. Одни убытки сялу. Так ничего и не добившись, немцы уехали.

В селе потом долго матери пугали детей, когда они не в меру разыгрывались: «Придет «чорны кот» – неслуха забярёт».

20. Новое задание

По возвращении в лагерь Зайцев весело сообщил Мезису:

- Михаил Емельянович, операция прошла успешно. Можно доложить командованию. Не зря в тылу сидим.

Но Мезис мрачно заметил:

- Доложить-то, конечно, доложим. Только не в этом основная задача отряда.

- Так в чём?

- Да уж не в том, чтобы наскоком уничтожить разную пьянь.

Зайцев не на шутку обиделся:

- Хороша пьянь! По горло вооружены. Да мы пол-отряда снабдили их автоматами.

- И всё же, это не основная задача.

- Так просвети нас, сырых, может, мы что-то не так понимаем.

- Ты не ёрничай. Прекрасно знаешь, что основная работа отряда – диверсии, разведка, уничтожение живой силы и боевой техники противника.

- Значит, пусть бандиты издеваются над нами, а мы будем выполнять основную боевую задачу?

- Не надо всё искажать. Я не сказал, что надо проходить мимо бандитского произвола. Я просто говорю: это не основная задача. Ты, надеюсь, ещё не забыл о приказе товарища Сталина номер 428*. Или тебе напомнить?

- Что это за приказ? Первый раз слышу,

Мезис удивлённо воскликнул:

- Как не слышал?! Странно. Приказ должен был доставлен давно. Если коротко – земля должна гореть под ногами фашистской сволочи.

Зайцев усмехнулся:

- Это и без приказа понятно.

- Вот и добре. Кстати, сегодня прибывает диверсионная группа из-за линии фронта. Приказано встретить и сопроводить до цели. Часть отряда должна совершить налёт на маслозавод Живуней.

- А цель какая?

- По прибытии сообщат. Такие сведения, сам понимаешь, даже они узнают на месте. А что касается разгрома «Чёрного кота», то смотри, что получается: местное население безропотно подчиняется бандитам. Староста, хоть и из местных, вроде как за людей. Но и не против немцев. Где поддержка партизан? Нас мало, но мы должны расширить партизанское движение, для этого нам нужно вовлечь в него не только оставшихся местных коммунистов и военнопленных, но и все население. Мы должны признать, что до сих пор местное население держится нейтрально: ни за советскую власть, ни за немцев. Это предательство Родины и дела товарища Сталина. Этому нужно положить конец. Нашей первоочередной задачей является уничтожение верхушки установившегося благодушествующего, обывательского порядка. В то же время всех старшин и членов товариществ, всю их опору из деревенского актива мы должны беспощадно уничтожить. Этому от нас требует Родина и товарищ Сталин.

Мезис всё больше распаялся. Зайцев молчал, наблюдая за раскрасневшимся от напряжения представителем центра. Выслушав пламенную речь товарища, он захохотал. Мезис от неожиданности разинул рот, затем схватился за пистолет:

- Ты что? Насмехаться над директивами Москвы? Да я тебя!

- Успокойся, Михаил Емельянович. Я не насмехаюсь. Просто ты сейчас похож на оратора перед толпой. Тебе для полноты впечатлений не хватает трибуны. Меня не надо агитировать, я и так всё прекрасно понимаю. А вот ты объ-

ясни это простому крестьянину, когда у него вчера немцы выгребли всё зерно, а сегодня пришли партизаны и забрали последнюю корову.

- Что тут непонятного? Бойцов тоже кормить надо!

- Надо-то надо, а у мужика семеро голодных ребятишек. И кого он должен ненавидеть?

- Это демагогия.

- Да нет, это правда жизни. А от твоей пламенной речи ему ни жарко ни холодно.

- Моя речь основана на директивах из Центра.

- А моя – на вот этих документах. Смотри, докладная командира отряда разведчиков Мирона Ветряка:

«Довожу до вашего сведения, что в деревне Лясковичи до нас побывали партизаны, которые позабирали у жителей последних коров, якобы для пропитания. При этом они оставили расписки. Но у жителей нет другого пропитания, и они нас встретили враждебно. Из-за враждебного настроения жителей отряд вынужден покинуть район без нужных сведений». Что ты на это скажешь?

- Выходит, Ветряк прикрыл свою бездеятельность несуществующей враждебностью жителей. Если даже партизаны и забрали для своих нужд несколько коров, так они же расписки оставили.

- Ты что, серьёзно думаешь, что крестьянин будет кормить семью расписками.

- Но он же не умер с голоду до прихода разведчиков? Значит, еда у него была. А плакаться они все умеют. Партизанам ведь тоже надо чем-то питаться. Тем более, они вполне законно оставили расписки.

- Вот что, Михаил Емельянович. Мы так можем бесконечно спорить, а дело стоит. Для начала я пошлю ребят разведать подступы к маслозаводу. Нечего на рожон соваться. Как ты думаешь?

- Что тут думать? Посылай. Только чтобы быстро.

- Ну, это само собой.

Зайцев вызвал Мирона Ветряка, брата погибшего Бориса, обрисовал ситуацию и велел за ночь обернуться. Отряд разведчиков вечером отправился к посёлку Живуни, а партизаны стали готовиться к захвату маслобойни. Утром разведчики вернулись. Бойцы повалились спать, а Мирон пошёл докладывать обстановку вокруг маслобойни. Он сообщил:

- Значит так: маслобойня находится на окраине. Охрану мы проследили. Там два отряда полицаев человек по десять. Вооружены только винтовками. Несут дежурство посуточно. Те, что отдыхают, живут в посёлке, в паре километров от маслобойни, за лесом. Маслобойня за забором, поверх колючая про-

волока. По краям две огневые точки с пулемётами, обложенными мешками с песком. Лес далеко, поэтому трудно подобраться. Разве под утро: к ночи полицаи расслабляются и самогон хлещут, а утром засыпают.

Зайцев отпустил разведчика и, задумавшись, сел за стол.

- Что медлишь, Иван, надо действовать, – Мезис со злостью ударил кулаком по столу.

Командир с укором посмотрел на него:

- погоди. Надо продумать, как произвести захват с наименьшими потерями

- Какие потери? Возьмём голыми руками.

- Что ты предлагаешь? С наскоку? Да там всё просматривается на километр. Покрошат нас, как капусту.

- Я знаю одно: надо выполнять приказ.

- Знаешь что? В конце концов, это для тебя приказ! – Зайцев вышел из себя.

- Ты, Иван Степанович, не уклоняйся. У меня полномочия...

- Да засунь ты свои полномочия знаешь куда? – Зайцев устало махнул рукой.

- Товарищ командир отряда! Приказ поступил из центра, и выполнить его - наша первостепенная задача!

- Ты мне не угрожай! Я на убой отряд не поведу! Надо всё обмозговать, прежде чем лезть под пули. А приказ мы выполним. Вот только продумаю, как сделать всё с наименьшими потерями.

21. Маслозавод

Ночью партизаны выдвинулись к Живуням. Под утро, разделившись на две группы, они подобрались к маслозаводу. В предрассветной мгле отчётливо прорисовывалось его здание и два огневых заграждения из мешков с песком. Было тихо. Охрана спала. Это было на руку нападавшим. Партизаны подползли к заграждениям и притаились, ожидая сигнала. Зайцев свистнул, и бойцы по отработанной тактике одновременно кинули гранаты.

Охрану удалось ликвидировать легко. Но пулемётчик, засевший возле входа, не давал возможности проникнуть в здание. Бойцам пришлось залечь. Атака захлебнулась.

Мезис подполз к Зайцеву:

- Что будем делать, командир?

- Попробуем обойти с другой стороны. Чёрт возьми, время уходит. Скоро смена.

В это время Виктор Терентьев, который находился ближе всех к пулемету, приподнялся и метнул гранату. В то же мгновение очередь прошла его насквозь. Но пулемёт захлебнулся, и это позволило партизанам прорваться через заслон. Они в упор расстреляли оставшихся в живых полицаев. Дальше уже беспрепятственно ворвались в здание.

Зайцев приказал забирать коробки с маслом и разбивать оборудование. Бойцы разбежались по зданию и в течение получаса громили всё подряд.

Загрузившись маслом, партизаны уже собрались уходить и размышляли, что делать с бидонами молока, как вдруг увидели человека, прятавшегося под столом в кабинете руководства. Поняв, что его обнаружили, он сдался сам. Пленника привели к Мезису.

- Кто такой? – строго спросил он.

Мужичонка молчал, только шмыгал носом и вытирал со лба пот.

- Да знаю я его. Директор этого заведения, Марков Иван Серафимович. Та ещё иуда. Последнее у крестьян отбирал для германской власти.

Мезис вспылил:

- Так что вы его сюда притащили? В расход!

Мужичок внезапно ожил и упал на колени:

- Граждане-товарищи, не по своей воле! Заставили, немчуря проклятая! У меня благодарность от Советской власти есть!

- Смотри, как запел. Ты ещё «интернационал» исполни, – усмехнулся Мезис. – Кончай его быстрее.

Партизан за шиворот потащил предателя на улицу. Тот упирался и вопил, что он не виноват. Наконец, раздалась автоматная очередь и вопли прекратились. В это же время прибежал боец, высланный наблюдать за дорогой. Он сообщил, что к маслозаводу приближаются две подводы. Партизаны убрали от входа трупы и стали ждать. Минут через пятнадцать подъехали пьяные полицаи. Разоружить их не составило труда. Те даже не поняли, что происходит. Полицаев расстреляли. Кстати пришлось подводы. На одну партизаны погрузили ящики с маслом и бидоны с молоком, а на второй повезли Виктора Терентьева и других убитых партизан, чтобы похоронить их рядом с базой.

На следующий день приехали немцы на грузовиках, но восстановить ничего не смогли. Рабочие, пришедшие утром, разбежались и попрятались. Тем ничего не оставалось, как согнать жителей городка, чтобы те занялись захоронением трупов.

Маслозавод прекратил существование.

22. Встреча

Анна не теряла надежду найти партизанский отряд. Связные объяснили, где Фёдор воюет и как можно туда добраться. Подлечив ребёнка отварами трав, она решила идти дальше. Старуха со стариком просили её пожить с ними, но женщина бала непреклонна.

В деревне Созломль она узнала, что сюда приехал на своей лошади свёкор Ануфрий. Женщина, которая сказала об этом, привела Анну в крайнюю хату. В хате света не было, выбитые окна закрыты тряпками.

Свёкор сидел на скамье. От радости он расплакался:

- Я уж думал, никогда тебя не увижу. Тебя как немцы схватили, я решил, расстреляли. А ты вот живая. Как же ты меня нашла?

Анна и сама не понимала, как это получилось. Она только вытирала выступающие слёзы.

Хозяйка предложила ей кушетку возле печи. Анна присела и мгновенно уснула. Усталость брала своё. Ребёнок молчал, причмокивая губами.

Ночью свёкор разбудил невестку, и они поехали дальше.

Ехали два дня без отдыха, только кормили лошадь. Постепенно углубились в лес. Дорога стала тяжёлой: сплошные ямы, наполненные водой. Потом начались болота.

Когда уже почти невозможно было проехать, из темноты кто-то окликнул. Они остановились. Из-за кустов вышел знакомый партизан. Он взял лошадь под уздцы и повёл в глубь болота.

К утру добрались до сухого места, где располагалась база партизан. Из ближайшей землянки выбежал Фёдор. Анна бросилась в объятия мужа. А тот, расцеловав жену, взял на руки дочь и долго любовался ею, не веря своему счастью. Потом повёл всех в землянку. Там уже ждал завтрак. Приехавшие набросились на еду, так как в последние дни голодали.

Фёдор всё не мог налюбоваться девочкой и, тиская её своими огромными руками, чуть не довёл до слёз. Наконец гости насытились, а Фёдор успокоился. Аня прижалась к мужу и тихо спросила:

- А что Вити не видно? Он на задании?

Фёдор опустил голову и, подавив слезу, произнёс:

- Понимаешь, Аня, он погиб.

Анна всплеснула руками:

- Как это случилось?

Фёдор рассказал о маслозаводе и о том, как всё произошло.

- Где его похоронили? – женщина не скрывала слёз.

- Здесь, недалеко, – ответил Фёдор.

- Я могу туда сходить?

- Да, конечно. Мы сегодня же сходим. Прямо сейчас.

Фёдор повёл жену на поляну, где виднелись небольшие холмики без памятников. Партизаны опасались налёта самолётов и старались не оставлять ориентиры. Подойдя к одному из холмиков, Фёдор показал:

- Вот здесь он похоронен.

Анна проглотила колючий ком, подкатившийся к горлу. Глухим голосом она произнесла:

- Вот, и братика не стало.

- Да, погиб как герой. Спас товарищей, а сам вот... Пусть земля ему будет пухом.

По возвращении на базу они встретили спешащего им навстречу партизана. Парень сообщил, что их давно ждёт командир.

Зайцев с радостью встретил вошедших в землянку супругов. Он потечески обнял Анну:

- Как себя чувствуешь? Как дочка?

Аня смущённо потупилась:

- Что там говорить, Иван Семёнович. Натерпелась от «освободителей».

Еле ноги унесла. Так что, вроде, нормально.

Зайцев рассмеялся:

- Вот и прекрасно. Понимаю, что хорошо находиться рядом с любимым человеком. Но мы не можем на базе отряда держать семьи партизан. Тем более с малыми детьми.

Фёдор попытался что-то сказать, но тут вмешался Мезис:

- Фёдор, ты не возражай. Нам нельзя делать исключения. Понятно, что Анна много сделала для отряда, но в настоящее время, когда немцы сжимают тиски, мы просто обязаны обеспечить безопасность семьям.

Фёдор опустил голову. Зайцев продолжал:

- Аня, тебе и свёкру надо будет выехать в деревню Созломль, там, по сведениям разведки, тихо. Ануфрию я сообщил. Он уже готов ехать. Мы тут на первое время собрали вам продукты: крупу, соль, картошку, немного муки.

Как ни хотелось Анне остаться в отряде рядом с мужем, но пришлось внять разумным доводам и подчиниться.

Ночью Анна с Ануфрием выехали из лагеря. Два дня тащились болотами, потом въехали в лес. Огромные сосны закрывали солнце. За лесом снова пошли болота. Дорога вся была изрыта колдобинами.

К вечеру приехали в деревню. Посёлок со всех сторон окружала трясина. Вероятно, поэтому немцы сюда не заходили. Но жители были запуганы, никто не хотел брать на постой чужаков. Особенно их пугало то, что на руках Анны был ребёнок. Наконец в одном из домов согласились пустить их к себе с условием, что свёкор будет работать в поле.

Хозяйка оказалась злой и бессердечной женщиной, постоянно попрекавшей постояльцев куском хлеба. Анна терпеливо сносила упрёки, только по ночам плакала. Свёкор тоже молча переносил унижения.

Так прошла неделя. К счастью, в посёлок пришёл Фёдор с друзьями. Узнав обо всём, он перевёл близких в другую хату. Там жили родственники одного из партизан. Радушная хозяйка, жившая с сестрой, сочувствовала Анне. Всё ахала: как же такая молодая, с малым ребёнком, среди чужих людей, в незнакомом месте. Сама хозяйка, красивая молодая женщина, постоянно работала, что-то весело напевая.

Совершенно противоположной была её сестра: злая и жадная. Свёкор оставил продукты в сенях, и она стащила всю соль, которая хранилась отдельно, в мешке. Анна пожаловалась хозяйке:

- Маня, у нас соль пропала.

Та спросила сестру, но она вылила на Анну ушат грязи и велела ей убираться. Хозяйка не хотела ссориться с сестрой и посоветовала женщине переехать в другой посёлок к своей знакомой. Анна последовала совету. Снова пришлось переезжать.

На новом месте беженцы остановились у пожилой женщины с тремя детьми. Ане повезло: в хозяйстве женщины была корова.

Анна уже успокоилась, но снова из отряда сообщили, что идут немцы. Партизаны приказали им уходить. Свёкор запряг лошадь. Аня собрала скудный скарб с остатками провизии. Посоветовавшись, решили: хватит скитаться. Оба устали от бесконечного бега, поэтому решили продвигаться на базу партизанского отряда, где находился Фёдор.

23. Дед

Из центра поступил приказ: начать тотальную рельсовую войну. Зайцев распределил задачи для отдельных отрядов. Чтобы одновременно ударить по всем точкам и не привлечь немцев к основному лагерю, выбрали глухой посёлок на пути к железным дорогам. Разведка во главе с Фёдором Кореневичем доложила, что немцы там не появлялись. Отдельные группы полиции обходили посёлок стороной, так как кроме пары стариков там никто не жил.

Партизаны выставили охрану и расположились в двух развалюхах. Надо было хоть немного отдохнуть и выспаться. В третьей остановились Зайцев и Мезис с тремя автоматчиками. У входа выставили часового и приступили к планированию акции. В разгар спора в дверь постучал часовой. Мезис повернулся к входу:

- Да входи уж!

В дверях мялся часовой.

- Что у тебя? – недовольно спросил Зайцев.

Тот смущенно пролепетал:

- Там это.. Дед рвётся.

- Какой дед? Гони его, не до него!

- Я гнал, а он не уходит.

- Ладно, тащи его сюда. Что он там хочет?

В избу зашёл седой старик с дремучей бородой, одетый в длинную домо-тканую рубаху серого цвета. Дед зажмурился от яркого света двух керосиновых ламп, но через минуту, освоившись, заговорил:

- Граждане, товарищи командзирьы, прашу зашчыты. Мы вам усё аддаём. Але зачем зусим адбираць? Васька Бойка пагражав рэвольвером. Штаны зняв. Яны у мяне адынныя, инших няма.

Дед заплакал, закрыв лицо рукавом.

- Что? Совсем ничего? Может, он и не последнее взял?

- Та ни. Вот, в одной рубахе хожу, - внезапно старик заговорил на русском языке. Зайцев от неожиданности раскрыл рот:

- Так ты русский?

Старик успокоился и неопределённо пожал плечами:

- Да я и сам не знаю. Батя был из-под Ростова, а matka – украинка. Я вроде как белорус. Так разберитесь, товарищи, а то как же нам жить вместе?

- Кончайте вы разбираться, кто какой национальности. В семнадцатом году всех уравниали. Сейчас все мы советские граждане, поэтому никому не позволено грабить своих, – перебил разговор Мезис. – Часовой!

В избу влетел стоявший на часах партизан.

- Вызови Короневича и Бойко! – обратился к нему Мезис.

Через минуту Фёдор и Бойко вошли и остановились у двери.

- Фёдор, как я понимаю, боец Бойко из твоего отряда? – спросил Зайцев.

- Из моего, – утвердительно кивнул Фёдор.

- Объясни мне, почему бойцы твоего отряда занимаются грабежом мирных жителей?

- Я не совсем понимаю, – замялся тот.

- Не понимаешь? А скажи нам, боец Бойко, как же ты посмел снять со старика последние штаны? – вскипел Мезис.

Бойко стоял, опустив голову.

- Так мы слушаем! – строго рявкнул Зайцев.

- Он всё равно на печи лежит, а у меня одни лохмотья, - еле слышно прошептал Василий.

- Значит, ты решил, что на твоей заднице им будет сидеть удобнее? Я правильно понял? – у Мезиса заканчивалось терпение.

- По-вашему, выходит так, – ещё тише пролепетал Бойко.

У Мезиса побелели скулы:

- А ну раздевайся!

Бойко снял штаны, оставшись в белых кальсонах.

- Дед, забирай свои штаны и ступай домой.

Старик торопливо схватил одежку и бегом пустился к хате.

Мезис возбуждённо обратился к Фёдору:

- Расстрелять, подлеца!

Фёдор в растерянности повернулся к Зайцеву:

- Как же так, Иван Семёнович?

Бойко стоял, опустив плечи. Зайцев сам не ожидал такого поворота:

- Погоди, Михаил Емельянович. Я думаю, расстрелять его мы успеем. А вот бойцов у нас и так не хватает.

Мезис смягчился:

- Кровью искупишь! Дайте ему что-нибудь, а то демаскирует. Иди и помни: за тобой долг!

- Слушаюсь! – Бойко схватил протянутый кем-то плащ, и юркнул в дверь.

24. Гибель Мезиса

Отправив группы на задания, командир решил временно остановиться в посёлке. Мезис разрабатывал план нападения на комендатуру в Живунях, требовалась координация действий всех групп.

Разведка донесла, что части немцев, расквартированных в городе, недавно убыли в неизвестном направлении. Мезис не стал вникать в подробности их передвижения. Главное, они оставили город. Это была ошибка. Он сосредоточенно искал пути выполнения директив руководства из Москвы, упустив возможные решения немецкого командования по ликвидации партизанских отрядов, доставляющих им беспокойство в тылу.

Между тем немецким командованием был отдан приказ немедленно приступить к ликвидации партизанских групп, скрывающихся в лесах под Любаныю. Части карателей совместно с полицейскими патрулями прочёсывали все поселения от Живуней до Любани.

На окраине посёлка Зайцев выставил охранение, расположив часовых в укрытиях поодаль от просёлочной дороги. Несколько человек ушли в сторону Живуней и укрылись в овраге. Ночью они услышали приближение грузовиков. Среди охраны был Василий Бойко, которого Фёдор оставил в посёлке. Он-то и обнаружил приближение карателей. Бойцы вступили в бой, но задержали карателей ненадолго. Немцы наступали напористо и не жалели боеприпасов. Партизанам же приходилось экономить каждый патрон. В конце концов бронетранспортёры прорвали кольцо охранения и двинулись к посёлку. Остатки партизан пытались как-то отбиваться, но мотоциклисты быстро подавили сопротивление, уничтожив всех бойцов.

Немцы вошли в посёлок. Опасаясь, что в домах прячутся партизаны, подожгли крайние строения. Выбегающих из хат жителей расстреливали из автоматов.

Зайцев, Мезис и двое партизан, среди которых был Василий Бойко, залегли в хате. Отступить было некуда. Посёлок окружали болота, а единственную дорогу заблокировали каратели.

Когда немцы подошли к дому, партизаны открыли огонь. В течение получаса шла ожесточённая перестрелка. Наконец немцы подтянули бронетранспортёры и, поливая из пулемётов, ликвидировали сопротивление.

Зайцев и Мезис остались вдвоём. У обоих патроны были на исходе.

Каратели прекратили огонь. По громкоговорителю переводчик закричал:

-Партизаны, сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! Гарантируем вам жизнь! Даём на раздумье полчаса!

Мезис усмехнулся:

- Гарантируют. Знаем ваши гарантии. Есть приказ: партизан в живых не оставлять. Перед смертью ещё поиздеваются. У меня одна граната. Берёг на всякий случай. Вот он и пришёл. Как ты, Иван Семёнович?

- Нормально. Спасибо немчуре, полчаса ещё поживём. Перед смертью покаяться хочу.

- Я не поп. Грехи не отпускаю.

- Я и не прошу. Просто не хочу умирать под чужой фамилией. Я вообще не Зайцев.

Товарищ удивлённо посмотрел на него.

- Если ты не Зайцев, то какая у тебя настоящая фамилия? Надеюсь, не матерная?

- Нет, Михаил Емельянович. Но тебе известная. Ведь мы с тобой знакомы ещё с двадцать девятого года.

Мезису пришлось ещё раз удивиться.

- Откуда? Я что-то не припомню, чтобы мы с тобой встречались раньше. Да и не могло это никак произойти. Ты вон - в Белоруссии, а я из Новосибирска.

- В том то и дело, что я не всю жизнь провёл в Белоруссии. Я сам из Новосибирска.

- Заинтриговал, Иван Семёнович.

- Я и не Иван Семёнович. Фамилия моя Ломов. Василий Ломов, ну а по батюшке так же – Семёнович.

- Погоди-ка, мне же выписку официальную из Нарыма прислали, что Ломов Василия Семёновича расстреляли. Они там напутали, что ли?

- Выходит, не всё у вас в конторе налажено, коли они липу тебе подсунули. Бежал я из ссылки. Как жив остался, до сих пор не могу понять.

- А документы на Зайцева откуда?

- Набрёл я на таёжную избушку, а там документы. Видно, охотник погиб. Вот я и воспользовался счастливым случаем. По тайге не помню сколько шёл. Через Сибирь до Урала пешком. Всю, считай, Россию прошагал. Потом до Белоруссии добрался.

- Ну а как же твои шпионские связи?

- Да какие там связи? Присочинили ваши. Я в Россию въехал за золотом папаша. В лесничие подался, чтобы клад найти. Всё облазил на отцовской даче. Уже почти вышел на схрон, а тут вы нагрянули, нашли план и приписали шпионскую деятельность. План отобрали. Слава Богу, не расстреляли. Я потом в ссылке план восстановил по памяти, всё хотел вернуться, да видно - не судьба. С тех пор с собой ношу. Вроде как душу он мне греет.

- Закрутил ты, однако. Как же в партизанах оказался?

- Не я закрутил. Жизнь закрутила. Когда немцы пришли, я в Слуцке грузчиком работал. Мы с приятелем пьяного фрица прикончили: он женщину насиловал. Решили после этого в лес уйти, но по дороге он на mine подорвался. А я ещё таких же бедолаг собрал, и начали мы фашистов беспокоить. Вот и скажи: кто я?

- Знаешь, командир, давай начистоту. Я тебя знаю как Зайцева Ивана Семёновича. Им ты и останешься. А что в прошлой жизни было, так пусть там и останется. Лады? Без обид.

- Я согласен. Без обид.

В это время снова раздался крик:

- Полчаса прошло! Что решили, краснопузые?!

Через секунду раздался взрыв.

На следующий день в посёлок вернулся Фёдор со своей группой. Жуткая картина предстала перед его взором. Остатки хат догорали. Дым застилал улицы. Трупы жителей и бойцов отряда лежали среди догоравших руин, своих фрицы, видимо, забрали.

Партизаны пытались найти хотя бы одного живого человека. Наконец они услышали плач. За сараем прятался мальчуган лет пятнадцати, раненный в обе руки и в предплечье. Увидев партизан, он вылез из-за сарая и, прихрамывая, подошел к ним. Мужчины осмотрели ранения. Два из них были незначительными: пуля оцарапала предплечье левой руки и попала в мякоть, правая же висела на раздробленной кости. Бойцы наложили шину и перевязали раны. Мальчуган, не переставая, плакал. Успокоившись, рассказал о налёте карателей и о том, как отчаянно сопротивлялись партизаны. Потом все узнали, как погибла его семья

В хату, где он прятался с семьёй, влетели полицаи, скомандовали всем лечь и начали стрелять. Младший братик расплакался, так они его застрелили. Тогда закричала мать, они и её застрелили. Парнишка с младшей сестрёнкой прятался в соседней комнате. Немцы их не обнаружили. Уходя, они накидали на пол соломы и подожгли её, а потом открыли все двери и на всякий случай пустили в каждую очередь из автоматов. Пули попали сестре в ноги, а ему перебило руки. Когда фрицы ушли, дети попытались выбраться. Сестра идти не могла, и он пытался её вытащить, но из-за ранений в руки сил не хватало. В конце концов дополз до крыльца, хотел протянуть сестре руку, но в это время горящая крыша рухнула, и она погибла.

Бойцы, слушая всё это, сжимали кулаки. В глазах многих из них, видевших не одну смерть, блеснули слёзы.

Когда парень замолчал, решили ещё раз пройти по пепелищам, авось найдётся хотя бы одна живая душа. Но везде лежали только трупы.

В это время другая часть партизан разбирала полусгоревшие руины избы, где находился штаб. Среди кучи стреляных патронов в обнимку лежали два изуродованных взрывами тела. В одном с трудом можно было опознать Зайцева, в другом – Мезиса. Среди чудом сохранившихся некоторых вещей погибших Фёдор обнаружил красноармейскую книжку на имя Мезиса Михаила Емельяновича и клочок бумаги с набросками непонятного плана. Завернув ве-

щи в платок, он решил потом предъявить их центру как доказательство гибели командиров.

На окраине села бойцы вырыли две могилы. В одной из них захоронили погибших партизан, в другой – тела Зайцева и Мезиса, бывших врагов при жизни, братски соединившихся после смерти. Их так и похоронили в обнимку.

Отряд остался поджидать группы, направленные в другие районы. Прибывшие партизаны находились в растерянности, спрашивали друг друга, что будет с отрядом.

Командиры групп собрались в уцелевшем сарае. После бурного обсуждения создавшегося положения решили продолжить борьбу, о чём доложить в Москву и сообщить о гибели Мезиса. Нужно было выбирать нового командира.

Собрав отряд, предложили на эту должность несколько человек. Бойцы единогласно поддержали кандидатуру Фёдора Кореневича.

25. Тайна плана

Завершив печальные похоронные дела, партизаны отправились в лагерь постоянного базирования. Восстанавливать постройки деревни было незачем, да и некому, так как из живых остался только мальчуган, которого пришлось взять с собой. Переправившись через болото, отряд остановился возле острова с видневшимися землянками. Из зарослей доносились голоса. Фёдор знал, что на базе никто не оставался, поэтому послал разведку. Какова же была радость партизан, когда они встретили Аню и Ануфрия. Ещё большей радостью было то, что гости приготовили баню, и бойцы постарались смыть с себя накопившуюся грязь.

Когда все помылись и утолили голод скудной партизанской пищей, Аня спросила, почему задерживается командир. Фёдор, немного помявшись, невесело ответил:

- Понимаешь, так получилось, что теперь командир – я.

Женщина вопросительно посмотрела на мужа:

- А Иван Семёнович? А Михаил Емельянович?

Фёдор опустил голову и снял шапку:

- Погибли они. Геройски погибли.

Анна побледнела и всплеснула руками:

- Как же так?

- Вот так. Не успели мы немного. На задании были, а в это время каратели в посёлок нагрянули. Зайцев с Мезисом отстреливались до последнего. Ко-

гда патроны кончились, они себя взорвали. У Мезиса нашли красноармейскую книжку, а у Зайцева только вот эту бумагу. План какой-то.

Фёдор развернул платок и протянул Ане лист бумаги.

- Тут что-то написано. Толком не разобрать. Края обгорели, «ВА» и «ЛОМ». Пойми теперь, что это за «валом». Может, он какие-то действия отряда намечал? Тогда что это за место, и что это за слова?

Анна посмотрела на план и заплакала. Фёдор испуганно спросил:

- Ты что?

- Феденька, я видела эту бумагу ещё в Нарыме. Её показывал моему отцу дядя Вася Ломов. Он говорил про клад, спрятанный на даче. Говорил, что почти нашёл его, но при аресте план отобрали. Дядя Вася по памяти его восстановил и всё подговаривал папу бежать и найти клад. Папа посмеивался и отвечал, что всё это выдумки. А путь из ссылки только на тот свет. Надпись полностью читается как Василий Ломов.

- Теперь эта схема никому не нужна, хотя для командира она и составляла какую-то ценность, – вздохнул Фёдор.

- Федя, можно я оставлю эту бумагу на память о дяде Васе?

- Конечно. Забери, если это для тебя так важно.

- Важно. Как воспоминание об отце.

Аня свернула план и спрятала за пазуху.

Фёдор понимал, что оставаться в лесу Анне с ребёнком опасно, поэтому настоял на её переезде с Ануфрием в деревню. Анна не сопротивлялась, понимая сложность проживания на болотах. На следующий день они выехали на Родину Анны.

Въехав ночью в посёлок, женщина с радостью увидела родной дом. Их изба уцелела, несмотря на частые бомбёжки, хотя полсела выгорело. Не скрывая волнения, она постучала в дверь. Какая радость была, когда мать увидела дочь и внучку. Ануфрий стал расспрашивать о немецких властях, так как появление нового человека могло повлечь неминуемые преследования. Но его заверили, что всё в порядке. Власти в посёлке нет никакой. Две недели назад староста Иван Рудаковский внезапно выехал в неизвестном направлении, а полицаи тоже исчезли. Вероятно, приближается фронт.

Через несколько дней предположение подтвердилось. Через посёлок прошла колонна немецких солдат. Усталые фрицы остановились у колодца. Им было теперь не до смеха. Полураздетые, ноги у многих обёрнуты тряпками. Но Анна этого уже не видела. Слегла с температурой. После всего пережитого заболела тифом.

Сначала она не верила в болезнь. Пыталась помогать по хозяйству, но когда температура стала слишком высокой, мать позвала местного фельдшера. Тот пришёл, осмотрел больную и сказал, что это тиф. Полтора месяца женщина провалялась в горячке. В это время разбитые части шли через посёлок и немцы шныряли по хатам. Заглянули и к ним, но, увидев больную, перепугались и убежали.

Когда Анна поправилась, в посёлок уже вошла Красная армия. С ними на фронт ушёл Фёдор. Началась мирная жизнь. В уцелевшем доме старосты открылась школа, и Анна стала работать учителем начальных классов.

Заключение

В конце пятидесятых, когда дочь Анны подросла и стала задавать вопросы о родственниках в Сибири, Анна Кореневич решила съездить в Новосибирскую область. Муж, зная её непреклонный характер, не стал отговаривать. Когда начался отпуск, Анна купила билеты до Новосибирска и отправилась в путь. Что она помнила? Только смутные картины о жизни в селе Кубовая, кошмаре раскулачивания и ссылке в Нарымский край. Всё-таки детские образы очень сильны. Без проблем она добралась до села Кубовая на попутках. Станным и непривычным показался ей облик села.

Пройдя улицей до знакомого поворота, Аня ощутила необычное волнение, к горлу подкатил комок. Сейчас покажется знакомый дом. Но на этом месте высилось совершенно незнакомое здание с красным флагом над входом. Подойдя ближе, она прочитала у дверей: «Кубовинский сельский совет». Ничто не напоминало о детских днях, проведённых так счастливо. Что ж, место сохранилось, а жизнь повернула по-своему.

Время было раннее, и Анна решила пройти к реке Барлак, где стояла отцова мельница и где она часто играла в «казаки-разбойники» с соседскими ребятами. Пройдя лесом по знакомой тропинке, остановилась, поражённая пустотой берега реки. На месте дома мельника зияла заросшая крапивой яма, а вместо запруды торчали какие-то обрубки.

Выше, за рекой, виднелись дома посёлка, жителей которого отец презрительно называл «силосниками». Анна решила посмотреть, как живут сейчас потомки тех, кто так несправедливо обошёлся с их семьёй. Перейдя реку по шаткому мосточку и пройдя по центральной улице, она увидела вывеску «столовая». Нестерпимо захотелось есть, и Анна вошла в здание. Уютно расположившись возле окна, стала рассматривать немногочисленных прохожих. Мимо прошла женщина с авоськой, наполненной продуктами, пробежала группа

спешивших школьников. И вдруг Анна вздрогнула, будто призрак увидела – мимо окна прошагал переводчик Йохан Гертнер. Appetit мгновенно пропал и, не притронувшись к еде, она выскочила на улицу. Не будучи уверенной в своём предположении, решила проследить за мужчиной. Следуя за ним, она всё сомневалась не ошиблась ли, но вдруг увидела показавшуюся с другой стороны Цилистину Францевну, жену Йохана, которую уж нельзя было спутать ни с кем.

Августовским вечером пятьдесят девятого года к конторе центральной усадьбы триста первого совхоза подкатила чёрная «Волга». Из машины вышли три человека, двое мужчин и женщина, и напрямик направились к директору совхоза. После короткого разговора с незнакомцами директор вызвал главного механика. Мужчины предъявили механику удостоверения офицеров комитета госбезопасности и попросили под каким-либо предлогом пригласить в контору слесаря-инструментальщика Ивана Леопольдовича Гертнера. Механик тут же позвонил в мехмастерскую. Когда к телефону подошёл Гертнер, он безразличным голосом сказал:

- Иван, я сейчас в конторе. Здесь главбух просматривает накладные. На двух накладных твоей подписи нет. Подойди, пожалуйста, а то надо месяц закрывать.

Выслушав ответ, он уже в приказном тоне прикрикнул:

- Я тебе что сказал?! Да, прямо сейчас! Я что, ждать тебя буду?! Вот и хорошо!

Уже обращаясь к офицерам:

- Сейчас придёт.

Один из офицеров вышел и приказал шофёру подогнать «Волгу» поближе к заднему крыльцу конторы. Вскоре явился ничего не подозревающий Гертнер. Войдя в приёмную и увидев перед собой женщину, он побледнел и отшатнулся, как от привидения. Позади стоял офицер с пистолетом. Гертнер остановился, затравленно озираясь, а женщина грустно улыбнулась:

- Вот и встретились, герр Йохан. Я смотрю, ты даже фамилию не сменил.

У предателя подкосились колени, и он обречённо опустился на стул.

А золото помещика Ломова многие пытались найти. Говорят, ходила по рукам какая-то не то схема, не то карта. Но настоящая это была карта или подделка, никто не мог сказать, да это уже было и не важно...

Пояснения

Берия Лаврентий Павлович – 29 марта 1899 г. – 23 декабря 1953 г. Революционер, партийный и государственный деятель. В 1941 году назначен Генеральным комиссаром госбезопасности.

Документ называется:

"Zehn Gebote für die Kriegsführung des Deutschen Soldaten" ("*10 заповедей для немецких солдат*").

1. Der deutsche Soldat kämpft ritterlich für den Sieg seines Volkes. Grausamkeiten sind seiner unwürdig. (*Немецкий солдат воюет по-рыцарски за победу своего народа. Понятия немецкого солдата касательно чести и достоинства не допускают проявления зверства и жестокости.*)

Ковшук-Бекман Михаил Фомич (1898–1971) – начальник управления МГБ по Красноярскому краю, генерал-майор (1945). Окончил народное училище. Член РКП(б) с 1919. С того же года в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД Татарии, Восточной Сибири, Воронежской области. Во время чистки партии характеризовался как грубиян. Окончил Казанские юридические курсы в 1925. С 1937 на ответственных постах в центральном аппарате НКВД СССР. В 1941 начальник Управления НКВД по Новосибирской области

ОСОАВИАХИМ – ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству), массовая добровольная общественная организация граждан СССР в 1927-48 гг.

Приказ НКВД СССР № 00151 от 25 августа 1941 года по действию райотделов в организации партизанских отрядов в тылу врага.

Секретный приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 года. До немногочисленных партизанских (или чекистских) групп он дошел с большим опозданием, до некоторых не дошел вообще. Вот что требовал этот приказ:

«Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать захватчиков из всех населенных пунктов на холод, в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом.

...Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину от переднего края и на 20–30 км вправо и влево от дорог. Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными зарядами».

Судоплатов Пáвел Анатóльевич (7 [20] июля 1907–24 сентября 1996) – советский разведчик, диверсант, сотрудник ОГПУ (позже НКВД – НКГБ), перед арестом в 1953 году – генерал-лейтенант МВД СССР.

В первые дни войны, в июле 1941 года, приказом наркома внутренних дел СССР была создана Особая группа при НКВД, которой поручалась организация разведывательно-диверсионной работы и партизанской войны в тылу немецко-фашистских войск. Для этого ей были приданы Войска Особой группы, входившие в структуру войск НКВД. Особая группа при Наркоме внутренних дел была сформирована на базе 1-го (разведывательного) управления Наркомата госбезопасности, возглавил её заместитель начальника Первого управления Судоплатов. 3 октября 1941 года Особая группа была преобразована во 2-й отдел (зафронтной работы) НКВД СССР: разведка, диверсии и террор в тылу противника. Начальником отдела был утверждён П. А. Судоплатов.

«Чёрный кот» – одно из серьёзных националистических партизанских объединений, действующих на территории Белоруссии. Название его было громкое – Белорусская Освободительная Армия. О похождениях «Кота» можно судить только по публикациям в эмигрантских газетах. Попытки партизанского командования подключить их к активным действиям в немецком тылу не увенчались полным успехом. Лишь часть партизан-националистов перешла на сторону «московских», других или уничтожили или они разбежались по домам и схионам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СУРОВЫЕ ГОДЫ	2
Предисловие автора.....	2
ВРЕМЯ БЫЛО ТАКОЕ	3
ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СОВХОЗА	3
1. Начало.....	5
2. Коммуна «Красный Трудовик».....	7
3. Село Кубовая.....	10
4. Мельник.....	14
5. Приезд комсомольцев.....	16
6. «Силосники».....	19
7. Наступление на «кулаков»*.....	21
8. «Повстанческая армия» Сизова.....	29
9. Собрание.....	35
10. Сын Лебедева.....	38
11. Воскресник.....	43
12. Встреча.....	46
13. Тайные знаки.....	49
14. Первые успехи.....	52
15. Месть.....	54
16. Разгром «армии» Сизова.....	55
17. Новая жизнь.....	57
Заключение.....	58
Пояснения.....	59
ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД	62
Препамбула.....	62
ЧАСТЬ I	66
1. Выселение.....	66
2. Где правда?.....	73
3. Спецпереселенцы*.....	76
4. Нарымский край.....	81
5. Посёлок Новиково.....	83
6. Встреча с Василием Ломовым.....	86
7. План побега.....	88
8. Донос.....	91
9. Побег.....	93
ЧАСТЬ II	95
1. 1937 год. Эйхе*.....	95
2. Секретная переписка.....	100
3. Арест.....	102
4. Допрос.....	103
5. Повторный допрос.....	106
6. Особая тройка.....	111
7. Расстрел.....	117
8. «Спасибо родному Сталину за счастливое детство».....	121
Вместо эпилога.....	127
Пояснения.....	129
ВОЙНА	135
Пролог.....	135
1. Призыв.....	136

2. Педучилище.....	137
3. Первые дни войны	139
4. В партизаны.....	142
4. Любовь	143
5. Связная.....	145
6. В Живунях	147
7. В болоте	150
8. В лесу	152
9. Плен.....	153
10. Переводчик	156
11. Побег	157
12. Москва. Лубянка	158
13. Секретное задание.....	159
14.Отряд	160
15.Бой	162
16. Под подозрением.....	164
17. Шифровка	166
18.Гибель партизан	166
19. «Чёрные коты»*	168
20. Новое задание.....	170
21.Маслозавод	173
22.Встреча.....	175
23.Дед	177
24.Гибель Мезиса.....	179
25.Тайна плана.....	183
Заключение	185
Пояснения	187